

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (52) 2024

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (52) 2024

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (52) 2024

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 1 (52) 2024

Daniar E. Kasenov, Daria A. Paramonova. Status of the evidential perfect in the Terek dialect of Kumyk language	7
Ksenija M. Lapshina, Elizaveta V. Kopylova, Ekaterina P. Matyukhina. Verbs of change in Finnish	22
Irina P. Novak. Determining regular phonetic correspondences in the Karelian dialects. Consonantism	42
Julia V. Normanskaja. Does the North-West dialect belong to Meadow or Hill Mari?	86
Fanuza Sh. Nurieva, Margarita M. Petrova, Milyausha M. Sungatullina. How Turkish lexicon changed (Lexicographic analysis of Hieronymus Megiser's Turkic-Latin grammar "Institutionum linguae Turcicae libri quatuor", 1612)	99
Tatiana R. Ryzhikova. Articulatory peculiarities of the Baraba-Tatar phoneme /i _F / (on MRI data).....	111
Style sheet	125

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (52) 2024

Д. Е. Касенов, Д. А. Парамонова. Статус эвиденциального перфекта в терском диалекте кумыкского языка.....	7
К. М. Лапшина, Е. В. Копылова, Е. П. Матюхина. Семантическое поле ‘менять’ в финском языке.....	22
И. П. Новак. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Консонантизм	42
Ю. В. Норманская. Северо-западное наречие — это горный или луговомарийский язык?	86
Ф. Ш. Нуриева, М. М. Петрова, М. М. Сунгатуллина. Как менялась турецкая лексика (лексикографический анализ тюрко-латинской грамматики Иеронима Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor», 1612)	99
Т. Р. Рыжикова. Артикуляторные особенности барабинско-татарской фонемы /i _ɛ / (по данным МРТ)	111
Требования к оформлению статей.....	125

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Гамбургский университет)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (University of Hamburg), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Статус эвиденциального перфекта в терском диалекте кумыкского языка

Касенов Данияр Ерланович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; mortypines@gmail.com
Парамонова Дарья Александровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
dashparamonova@yandex.ru

В статье обсуждается взаимодействие эвиденциальности и перфекта в терском диалекте кумыкского языка в сопоставлении с другими тюркскими языками и в особенности с другими кыпчакскими языками на материале полевых данных. В работе показано, что видо-временная форма перфекта в терском диалекте кумыкского языка не обладает ограничениями на дистрибуцию эвиденциального характера. Также в статье рассматривается статус частицы *экен/=мкен*, которая диахронически восходит к форме перфекта вспомогательного глагола, но в настоящее время представляет собой «застывшую» частицу, не являющуюся частью сложной глагольной формы. Помимо самого эвиденциального статуса частицы *=мкен*, также обсуждается ее взаимодействие с семантикой общих и частных вопросов, что дополняет типологию взаимодействия эвиденциальных показателей с вопросительными операторами.

Ключевые слова: тюркские языки, кыпчакские языки, кумыкский язык, терский диалект, эвиденциальность, перфект, вопросительные конструкции

STATUS OF THE EVIDENTIAL PERFECT IN THE TEREK DIALECT OF KUMYK LANGUAGE

Daniar E. Kasenov, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Lomonosov Moscow State University; mortypines@gmail.com
Daria A. Paramonova, Lomonosov Moscow State University; dashparamonova@yandex.ru

This paper aims to describe the relationship between evidentiality and perfect aspect in the Terek dialect of Kumyk language. It also provides the comparison with other Turkic languages and with a focus on comparison with related languages of the Kipchak group. The paper shows that the aspectual form of perfect does not have any evidential restrictions on its interpretation in Terek Kumyk. Additionally, the paper discusses the status of the particle *eken/=mken*, which is diachronically related to the perfect form of the auxiliary verb, but which is just a particle and not a part of the complex verbal form since it cannot bear the verbal morphology in the current state of the grammar of the Terek dialect of Kumyk language. In addition to the evidential status of the particle *=mken*, which can be defined as the inferential marker, the paper also discusses its interaction with interrogative semantics (on the basis of polar and *wh*-questions), adding to the existing typology of evidential-interrogative interactions. The main conclusion which can be made considering the interrogative contexts where *=mken* particle is either infelicitous or obligatory is that there is no such phenomenon as interrogative flip in Terek dialect of Kumyk language. We will as well provide some diagnostics proving that the interrogative contexts with the investigated evidential particle can be rather defined as conjectural questions (the situation in which the speaker does not expect the listener to answer his question).

Keywords: Turkic languages, Kipchak languages, Kumyk language, Terek dialect, evidentiality, perfect, interrogative constructions

1. Введение

Эвиденциальность — грамматическая категория, несущая указание на источник сведений говорящего относительно описываемой ситуации [Плунгян 2011: 449]. В языках мира встречаются как специализированные эвиденциальные показатели, так и показатели, сочетающие в себе эвиденциальные и иные значения из семантической зоны времени-аспекта-наклонения (TAM, tense-aspect-mood). Частая картина в языках мира — использование перфекта для выражения эвиденциальных значений [Comrie 1985; Forker 2018; Ферхеес 2019].

Одна из языковых семей, в которых распространен эвиденциальный перфект, — это тюркская языковая семья. Пример (1) из мишарского диалекта татарского языка¹ демонстрирует наличие у показателя перфекта *-kan* эвиденциальной интерпретации (инферентивной в (1a), т. е. свидетельствующей о том, что ассерция предложения — результат рассуждения говорящего; репортативной в (1b), т. е. свидетельствующей о том, что ассерция предложения — это то, что было сообщено говорящему третьим лицом).

(1) *daut alsu-nx jarat-kan.*

Даут Алсу-АСС любить-PFCT

a. ‘Я вижу, что Даут влюбился в Алсу’.

b. ‘Мне сказали, что Даут влюбился в Алсу’ [Гатевосов и др. 2017: 12].

В настоящей статье обсуждается эвиденциальный перфект, а точнее его отсутствие и его остаток в виде эвиденциальной частицы, в терском диалекте кумыкского языка, данные которого были собраны нами в результате полевой работы в августе 2022 г. в селе Предгорное Моздокского района республики Северная Осетия — Алания (Российская Федерация). Кумыкский язык принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков. Терский диалект выделяется в исследованиях, посвященных кумыкскому языку, начиная с [Керимов 1967а; 1967б], согласно историографии, представленной в [Гаджихмедов 2020]. Отметим, что ряд работ (см. [Гусейнов 2018; 2021]) называет говор кумыкского языка, на котором говорят в селе Предгорное, кизлярским говором терского диалекта кумыкского языка. Тем не менее в этой статье мы будем относить полученные нами данные к терскому диалекту кумыкского языка, оставляя для будущих исследований сравнение полевых данных, собранных в селе Предгорное, с говорами других населенных пунктов, относящихся к ареалу терского диалекта кумыкского языка.

В работе делаются следующие утверждения: во-первых, показатель перфекта в терском диалекте не несет дополнительных эвиденциальных значений, в отличие от ряда других тюркских языков (данные которых будут обсуждаться в разделе 2). Также важно отметить, что наши полевые данные не соответствуют существующим работам о литературном кумыкском, характеризующим перфект как обладающий модальными и «заглазными» интерпретациями.

Во-вторых, мы обсуждаем семантику частицы *экен/=мке(н)* в терском диалекте кумыкского языка и показываем, что она вносит в предложение эвиденциальную семантику (схожая частица присутствует и в ногайском языке, см. [Баскаков 1940; Ферхеес 2019]). Также мы документируем семантический вклад частицы в вопросах, дополняя имеющуюся типологию взаимодействия вопросов и эвиденциальных показателей [San Roque et al. 2017; Murray 2021].

Наконец, мы предлагаем гипотезу, согласно которой эта частица восходит к форме перфекта вспомогательного глагола *э-*. Это может свидетельствовать о том, что свойственный тюркским языкам эвиденциальный перфект хоть и не сохранился в терском кумыкском в полной мере, все еще присутствует в языке в виде эвиденциальной частицы. Мы также замечаем, что в родственном кумыкскому ногайском языке показатель *экен* — часть глагольной словоформы (т. к. он находится левее показателей согласования в словоформе, см. [Баскаков 1940]), что является косвенным подтверждением нашего предположения о глагольном происхождении показателя *экен* в терском диалекте кумыкского языка.

Структура статьи следующая: в разделе 2 мы обсуждаем теоретические подходы к исследованию эвиденциальности и рассматриваем ряд известных примеров эвиденциального перфекта в тюркских языках. Раздел 3 посвящен собранным в рамках полевой работы данным терского диалекта кумыкского языка — отсутствию у перфекта эвиденциальных интерпретаций и характеристике эвиденциальной семантики частицы *экен/=мкен*, а также нашей гипотезе о происхождении этой частицы. Раздел 4 — заключение.

¹ Здесь и далее языковые примеры из литературы приводятся со ссылкой на работу и указанием страницы, содержащей цитируемый пример.

2. Эвиденциальность и эвиденциальный перфект

2.1. Классификация эвиденциальности в языках мира

Эвиденциальность — грамматическая категория, которая маркирует источник информации, лежащий в основе высказывания [Aikhenvald 2018: 1]. Семантическая зона эвиденциальности делится на прямую и косвенную засвидетельствованность (здесь мы опираемся на рис. 1.1 из [Ферхеес 2019]). К семантической зоне прямой засвидетельствованности относится личное участие в ситуации и чувственное восприятие ситуации (с помощью слуха или зрения). Косвенная засвидетельствованность бывает двух типов: инферентив (умозаключение) и репортатив (информация с чужих слов).

В языках мира встречаются грамматикализованные показатели для всех вышеупомянутых типов эвиденциальных значений. Например, в языке тариана (< аравакские) имеются показатели для зрительной прямой засвидетельствованности (2a), слуховой прямой засвидетельствованности (2b), инферентивной косвенной засвидетельствованности (2c) и репортативной косвенной засвидетельствованности (2d). В языке тариана эвиденциальность обязательно маркируется на глаголе с помощью показателя, одновременно выражающего значения времени и эвиденциальности [Aikhenvald 2004: 2].

(2) Примеры грамматических показателей из эвиденциальной семантической зоны в языке тариана [ibid.]:

- a. *Juse irida di-manika-ka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.VIS
'Хосе играл в футбол (мы это видели)'.
- b. *Juse irida di-manika-mahka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.NONVIS
'Хосе играл в футбол (мы это слышали)'.
- c. *Juse irida di-manika-nihka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.INFR
'Хосе играл в футбол (мы додумались до этого)'.
- d. *Juse irida di-manika-pidaka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.REP
'Хосе играл в футбол (нам это сказали)'.

Язык тариана — пример грамматической системы, в которой для видо-временной граммы имеются варианты в зависимости от эвиденциальных характеристик речевой ситуации. Встречаются, однако, и такие грамматические системы, где отдельный видо-временной показатель развивает семантические ограничения эвиденциальной природы на свою дистрибуцию, — в северокавказском ареале, а также в тюркской языковой семье таковым показателем нередко является перфект [Ферхеес 2019]. Прежде чем перейти к обсуждению данных терского диалекта кумыкского языка, в следующем подразделе мы обсудим эвиденциальный перфект в тюркских языках.

2.2. Эвиденциальный перфект в тюркских языках

В настоящем исследовании мы не придерживаемся однозначного мнения по сложнейшему вопросу типологически корректного определения перфекта (см. обсуждение в работах [Comrie 1985; Dahl 1985; Плунгян 2016; Bertrand et al. 2022] и многих других) и ограничимся тем, что будем называть перфектом формы, которые а) называются так в имеющихся языковых описаниях; б) обладают семантикой результата [Nedjalkov 1988]. Более точно: в обсуждаемых нами языках (в основном мы затрагиваем хорошо изученный мишарский диалект татарского языка, а также ряд кыпчакских языков: ногайский, кумыкский и изучаемый нами диалект кумыкского) такой формой является форма на *-GAn* (*-ган*, *-ген*, *-кен* и другие варианты, встречающиеся в тюркских языках).

Показатель перфекта во многих тюркских языках обладает не только аспектуальными значениями, принадлежащими к перфективной зоне, но и эвиденциальными. Рассмотрим примеры из мишарского диалекта татарского языка [Татевосов и др. 2017; Татевосов 2019]. Пара примеров в (3)—(4) демонстрирует, что, в отличие от простого прошедшего *-dI*, перфект на *-GAn* в мишарском диалекте татарского языка несовместим с контекстом, задающим прямую засвидетельствованность.

(3) *zinnur jxkl-a-dx.*

Зиннур спать-ST-PST
'Зиннур спал'.

a. Я видел его спящим.

b. Мне рассказали об этом [Татевосов и др. 2017: 125].

(4) *zinnur jxkl-a-gan*

Зиннур спать-ST-PFCT

‘Зиннур (по)спал’.

a. *Я видел его спящим.

b. Мне рассказали об этом [там же].

Косвенную же засвидетельствованность показатель *-GAn* в мишарском диалекте татарского языка может выражать любую — например, предложение в (5) может иметь как инферентивную (говорящий увидел Даута с топором и сделал вывод, что Даут взял топор), так и репортативную интерпретацию (говорящему рассказали, что Даут взял топор).

(5) {Контекст а: говорящий встретил друзей, которые сказали ему, что Даут взял топор.}

{Контекст b: говорящий некоторое время ищет топор, а затем видит Даута с топором в руке.}

daut balta-nx al-gan.

Даут топор-ACC любить-PFCT

a. Мне сказали, что Даут взял топор.

b. Я вижу, Даут взял топор [Татевосов и др. 2017: 127].

Как сообщается в обзорной работе [Johanson 2003], показатель перфекта *-GAn* используется для указания на не прямой источник информации в татарском, башкирском, казахском, уйгурском, узбекском и туркменском языках. Такой же показатель несет в себе эвиденциальные значения и в алтайском, см. [Скрибник, Озонова 2005]. Показатель перфекта в якутском языке *-быт* хоть и отличен от более распространенного в тюркской языковой семье *-GAn*, также используется для передачи значения косвенной засвидетельствованности, см. [Ефремов 2011; Бажуков, Симонова 2022].

Рассмотрим эвиденциальный перфект в близком родственнике кумыкского языка — ногайском, основываясь на грамматике [Баскаков 1940]. Н. А. Баскаков сообщает, что форма так называемого II вида может обозначать суждение о действии, совершение которого известно говорящему не от действующего лица, а из другого источника. Понятно, что если переводить эту характеристику на язык, более соответствующий современной терминологии, то мы имеем дело с семантикой репортативной эвиденциальности. Морфологически же II вид выглядит как слияние (с выпадением ряда сегментов) деепричастия на *-A/-j*, показателя *-ды/-дыр*, формы *екен* и личного местоимения.

(6) *сен бара-м-эке-син*

2SG идти-Q-EVID-2SG

‘Говорят, ты едешь?’ [там же: 96]

Заметим при этом, что Н. А. Баскаков не приводит никаких ограничений употребления формы перфекта на *-GAn* относительно засвидетельствованности и указывает интерпретацию исключительно как констатацию «прошедшего действия, факт совершения имеется на лицо» [там же: 108—109]. Чтобы добавить интерпретацию «совершения действия, которое совершилось или вне памяти или воли говорящего (1 лицо), или вне наблюдения его, когда говорящий знал о совершении действия не от действующего лица, а из других источников» [там же: 109—110], необходимо использовать форму II вида в сочетании с глагольной формой на *-GAn*, что свидетельствует о том, что эвиденциальный перфект в ногайском сохранился исключительно в форме на *-GAn* вспомогательного глагола (форма *екен*). Обратим внимание, что схожими свойствами обладает показатель *екен* в казахском и узбекском языках, также принадлежащих к кыпчакской группе тюркских языков [Straughn 2011].

В следующем разделе мы рассмотрим полевые данные терского диалекта кумыкского языка относительно а) наличия у глагольной перфектной формы на *-GAn* эвиденциальных компонентов значения; б) способов выражения не прямой эвиденциальности, отличных от глагольной перфектной формы на *-GAn*.

3. Перфект и эвиденциальность в терском диалекте кумыкского языка

3.1. О сборе полевых данных и их представлении

Как уже говорилось выше, данные терского диалекта кумыкского языка были собраны авторами во время полевой работы в селе Предгорное (Моздокский район республики Северная Осетия — Алания, РФ) в августе 2022 г. Работа велась с 11 жителями села в возрасте от 15 до 60 лет — носителями терского диалекта кумыкского языка, использующими его в повседневной жизни.

Методология исследования — элицитация по анкете, составленной авторами с учетом специфики различных эвиденциальных значений, а также частично основанной на анкете для элицитации перфек-

тивных форм, приведенной в работе [Dahl 1985]. Следуя принятому в мировой практике исследований семантических явлений в рамках полевой работы методу элицитации (см. [Matthewson 2004; Bochnak, Matthewson 2015; 2020]), а также отечественной традиции полевых исследований (см. [Кибрик 1972]), основными в этой работе являются суждения о приемлемости сконструированных предложений на терском диалекте кумыкского языка в заданном устно контексте, который озвучивался на русском языке — общем для авторов и носителей терского диалекта кумыкского языка. Данные собирались в процессе 45-минутных занятий, причем суждения о каждом из примеров перепроверялись не только на нескольких носителях (обычно трех или более), но и на одном и том же в разные дни.

Морфологическое членение представленных примеров основано на имеющейся грамматике литературного кумыкского языка (где это допустимо). Важно, что в процессе коллективной полевой работы (в рамках экспедиции отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ) был обнаружен ряд фонетических и морфонологических несоответствий изучаемого диалекта с литературным (см. также статьи [Гусейнов 2018; 2021], посвященные некоторым фонетическим особенностям терского диалекта). Они будут упомянуты при появлении в языковом примере (как будет видно ниже, один из вариантов рассматриваемой частицы *экен* выглядит как =*мкен*, чего не наблюдается в литературном кумыкском).

Представление данных устроено следующим образом: если перед примером ничего не стоит, то это приемлемое предложение для опрошенных носителей. Если стоит звездочка (*), то это предложение неприемлемо для опрошенных носителей ни в каком контексте. Если перед левым или правым контекстом стоит решетка (#), то это значит, что указанное предложение недопустимо в заданном контексте, согласно опрошенным носителям.

3.2. Эвиденциальные свойства перфекта в кумыкском языке

В грамматике литературного кумыкского языка [Гаджихмедов и др. 2014] выделяется несколько значений перфекта на *-гъан/-ген-*. Во-первых, указывается констатация факта совершения действия без уточнения времени, как в примере (7), в котором говорящий лишь сообщает, что когда-то был в Москве.

- (7) *мен Москва-да бол-гъан-ман.*
я Москва-LOC быть-PFCT-1SG
'Я бывал в Москве' [там же: 319].

Во-вторых, приводится значение обозначения результата действия, вытекающего из опыта субъекта действия (в типологической терминологии это значение принято называть экспериентивным), как в примере (8).

- (8) *мен гёр-ген-мен хыйлы-хыйлы ерле-ни, гёр-ме-ген-мен биздей языкъ эр-ле-ни.*
я видеть-PFCT-1SG много-много место-ACC видеть-NEG-PFCT-1SG такой бедняк мужчина-PL-ACC
'Я видел много разных мест, но не видел таких несчастных мужчин, как мы' [там же: 319].

Также в упомянутой работе дается значение обозначения прошлого действия, результат которого наличествует в момент речи (в типологической терминологии это значение принято называть результативным), как в примере (9).

- (9) *бил-ме кыйыин: кёк-ню булут къапла-гъан.*
знать-NEG трудно небо-ACC облако покрывать-PFCT
'Трудно определить: небо покрыто тучами' [там же: 320].

Кроме того, в [Гаджихмедов и др. 2014], что актуально для темы нашего исследования, говорится, что во 2-м и 3-м лице прошедшее перфектное время выражает модальное значение неочевидности, «заглазости» действия и употребляется тогда, когда говорящий сам не является свидетелем его совершения (вероятно, это указывает на различные типы эвиденциального значения). Пример (10) иллюстрирует употребление перфекта в ситуации, когда говорящий судит о действии со слов других, что, используя другую терминологию, подтверждает наличие репортивного значения у перфекта, подвида значения косвенной засвидетельствованности.

- (10) *ма-гъа айт-ды-лар: кагъыз-ны сен яз-гъан-сан.*
я-DAT говорить-PST-3PL бумага-ACC ты писать-PFCT-2SG
'Мне сказали: письмо написал ты' [там же: 320].

Пример (11) показывает употребление перфекта в ситуации, когда говорящий судит о действии по его видимому результату или признаку. Иными словами, этот пример демонстрирует инферентивную интерпретацию перфекта в литературном кумыкском.

- (11) *се-ни хаты-нг чы, кагъыз-ны сен яз-гъан-сан.*
 ты-GEN почерк-POSS.2SG PTCL бумага-ACC ты писать-PFCT-2SG
 ‘Твой же почерк, письмо написал ты’ [там же].

Заметим, однако, что сочетаемости с контекстом, задающим непрямою засвидетельствованность, репортативную или инферентивную, самой по себе недостаточно, чтобы утверждать наличие у перфекта эвиденциального значения. Об этом может свидетельствовать только неприемлемость перфекта в контекстах без непрямою засвидетельствованности. Если же перфект допустим в контекстах с какой угодно эвиденциальной спецификацией, вряд ли можно делать вывод о наличии у него эвиденциального компонента значения.

Именно такую картину мы наблюдаем и в наших полевых данных терского диалекта кумыкского языка. Перфект может сочетаться с контекстами зрительной прямой засвидетельствованности (12a), слуховой прямой засвидетельствованности (12b), репортативной косвенной засвидетельствованности (12c) и инферентивной косвенной засвидетельствованности (12d).

- (12) {Вопрос: Куда поехался Керим?}
о Кизляр-гъа гет-ген.
 он Кизляр-DAT уйти-PFCT
 ‘Он уехал в Кизляр’.
- {Говорящий видел, как Керим сел в машину и поехал по дороге в сторону Кизляра.}
 - {Говорящий слышал, как Керим заводил машину и удалялся в сторону Кизляра.}
 - {Говорящему сказали, что Керим уехал в Кизляр.}
 - {Говорящий понял это, потому что Керим надел рабочую куртку, а он работает в Кизляре.}

То же самое демонстрирует и пример (13), который сочетается как с контекстами прямой (13a—b), так и косвенной засвидетельствованности (13c—d). Примеры (12) и (13), таким образом, подтверждают отсутствие каких-либо ограничений эвиденциальной природы на дистрибуцию формы на *-Ган* в терском диалекте кумыкского языка.

- (13) {Вопрос: Что случилось?}
Алим де Керим-мне ури-гъан-лар.
 Алим и Керим-СОМ ругаться-PFCT-3PL
 ‘Алим с Керимом поругались.’
- {Говорящий видел, как они ругаются.}
 - {Говорящий слышал, как они ругаются.}
 - {Говорящему сказали, что они поругались.}
 - {Говорящий понял это, потому что они перестали разговаривать друг с другом.}

Наше рассуждение, правда, ограничено в свете замечания из работы [Ферхеес 2019], верного для некоторых нахско-дагестанских языков (багвалинского, агульского), в которых значение перфекта и значение косвенной засвидетельствованности могут сочетаться в одной и той же форме — причем эта форма используется и в «собственно перфектном» значении без эвиденциальных ограничений, и как «заглазное прошедшее» (в том числе в нарративах) — без значения текущей релевантности. Следовательно, для доказательства утверждения об отсутствии у перфекта в терском диалекте кумыкского языка эвиденциальных интерпретаций необходимо также изучить, какие конструкции предпочитают носителями в контекстах (не)прямой эвиденциальности: если носители выбирают не голую форму перфекта, а иную конструкцию, то замечание из [там же] не подходит к рассматриваемым нами данным.

Действительно, в терском диалекте кумыкского языка имеется специализированная частица для передачи эвиденциального значения, предпочитаемая носителями в контекстах косвенной засвидетельствованности (см. раздел 3.3), — частица *экен*, также выступающая в собранных нами данных в виде *=мкен* (как клитика) и *=мке* (как клитика), как в примере (14). В настоящее время мы предполагаем свободное варьирование имеющихся вариантов, в том числе потому, что сами носители свободно употребляют все три варианта в одинаковых контекстах, — пока нам не удалось получить суждения, подтверждающие неприемлемость в каком-либо предложении одного из вариантов, но не других. В тексте для удобства и ясности сравнения с родственными языками мы будем называть эту частицу *экен*, но просим читателя держать в голове упомянутые факты о варьировании ее алломорфов.

- (14) *о гет-ген=мке.*
 он уйти-PFCT=EVD.PTCL
 ‘Кажется, он ушел’.
 {Его вещей нет в коридоре.}

Такого рода эффекты отмечал для терского диалекта еще И. А. Керимов, «модальное слово *экэн* сливается с предыдущим словом, и при этом выпадает его начальный гласный *э*, а конечный его согласный не всегда произносится; ср. *айтхъанкэ(н)* (лит. *айтхъанкэн*) “оказывается, он сказал” и др. В свою очередь, если *экэн* присоединяется к словам с вопросительными аффиксами *-мы?* *-ми?* и если перед этими аффиксами имеются гласные звуки, то вместе с начальным гласным слова *экэн* выпадает и конечный гласный звук вопросительного аффикса: *алдымкэ(н)?* (лит. *алдымыкэн?*) — “взял ли он?”, *хьойдымкэн?* (лит. *кьойдумукэн*) — “оставил ли он?”, *гэлдимкэ(н)?* (лит. *гэлдимикэн?*) — “пришел ли он?” и др.» [Керимов 1967б: 112].

Некоторая сложность, однако, состоит в том, что в наших полевых данных вариант *=мке(н)* встречается не только в конструкциях общего вопроса (где — ожидаемо — встречается вопросительный показатель *-мы/-ми*), но и в утвердительных конструкциях (см. (15) и др.), а также в конструкциях с вопросительным словом (см. (25) и др.), в которых показателя *-мы/-ми* мы не ожидаем. Более того, были собраны примеры, в которых можно выделить показатель *-мы/-ми* отдельно от *=мкен* (см. (27а)). Таким образом, могло иметь место переразложение вопросительных форм с *экен*, приведшее к распространению формы *=мкен* как варианта *экен* в рассматриваемом нами говоре.

Оставляя за рамками вопрос вариативности произнесения обсуждаемого показателя (и регулирующих ее факторов), перейдем к описанию его грамматического поведения.

3.3. Частица *экен* в терском диалекте кумыкского языка

3.3.1. Морфологический и фонологический статус показателя *экен*

Во-первых, следует установить морфологический статус показателя *экен*, а именно: *экен* в терском диалекте кумыкского языка — это частица, а не морфологический компонент сложной глагольной формы, каковой она является в родственном ногайском языке [Баскаков 1940]. Об этом свидетельствует тот факт, что *экен* идет после согласовательных аффиксов, см. пример (15):

- (15) *Алим де Керим-мне уруш-гъан-лар=мкен.*
 Алим и Керим-СОМ ругаться-PFCT-3PL=EVD.PTCL
 ‘Кажется, Алим и Керим поругались’.

Отметим также, что порядок морфем, в котором частица *экен* располагается до согласовательных аффиксов, считается неприемлемым опрошенными носителями терского диалекта кумыкского языка (см. (16))². Поскольку форма *экен* не может принимать на себя глагольную словоизменительную (т. е. согласовательную) морфологию (что показывает неприемлемость (16b)), мы делаем вывод: *экен* является частицей на современной стадии развития терского диалекта кумыкского языка, т. к. других случаев, в которых согласовательные аффиксы находились бы на вспомогательном глаголе вместо лексического, не обнаружилось.

- (16) а. *мен яр-гъа мин-ген-мен=мкен?*
 я гора-DAT подняться-PFCT-1SG=EVD.PTCL
 ‘Я в гору поднялся, что ли?’
 б. **мен яр-гъа мин-ген=мкен-мен.*
 я гора-DAT подняться-PFCT=EVD.PTCL-1SG

С морфологической точки зрения частица *экен*, вероятнее всего, действительно сводима к форме перфекта вспомогательного глагола *э-* (*-кен* представляет собой преобразованный тюркский перфект *-GAn*, в работе [Johanson 2003] указывается **erken* как праформа для подобных *экен*-выражений в тюркских языках).

² Вопросительность в переводе предложения (16а) мы связываем с прагматической странностью высказывания: косвенная эвиденциальность в целом сложно сочетаема с событием, участником которого был говорящий, и требует удивления говорящего, вызванного, например, пробелом в памяти.

3.3.2. Частица *экен* как показатель инферентивной эвиденциальности

Покажем, что семантика изучаемой частицы на самом деле характеризуется как эвиденциальная в грамматической системе терского диалекта кумыкского языка. В уже упоминавшейся грамматике [Гаджихмедов 2014 и др.: 394] значение данной частицы определяется как модальное, а ее перевод с помощью слова «оказывается» (см. (17)) говорит о сближении с показателем миратива, выражающим удивление говорящего от внезапно установленного им факта (эпистемическая неожиданность); полученное знание контрастирует с предыдущим состоянием незнания [Плунгян 2011: 331].

- (17) *ол юзюм бав-лар-да къаравулчу экен.*
он виноград сад-PL-LOC караульная служба EVD.PTCL
‘Он, оказывается, работает сторожем на виноградниках’.

Формально миративное значение можно описать следующим образом: знания говорящего совместимы с предложением *p*, однако совокупность составляющих их пропозиций делает истинность *p* маловероятной [Гатевосов и др. 2017: 135]. Как видно из примера (18), частица *экен* в кумыкском языке обязательно указывает на маловероятность описываемой ситуации — утверждение с частицей *экен* можно продолжить предложением со значением «я не удивлен», это однозначно свидетельствует о том, что сообщаемая ситуация не являлась для говорящего обязательно неожиданной.

- (18) *Керим де Алим де шорна бишир-ге-лер=мке; мен тамаша бол-ма-ды-м.*
К. ADD A. ADD суп варить-PFCT-3PL=EVD.PTCL 1SG удивленный быть-NEG-PST-1SG
‘Керим и Алим сварили суп. Я не удивлен’.

В обновленной версии монографии [Гаджихмедов 2022: 89] автор отказывается от термина «заглазность» и отмечает, что в подобных конструкциях «модально-временная конструкция *гъан экен* выражает действие, в достоверности которого говорящий некоторое время сомневался и лишь незадолго до момента речи убедился в его достоверности»:

- (19) *Амма Абдулкъадир дав-да оьлген экен.*
однако Абдулкадир война-LOC умереть-PFCT EVD.PTCL
‘Однако Абдулкадир умер во время войны’.

При этом семантика показателя *мкен* в терском диалекте кумыкского языка не может быть охарактеризована в подобном ключе. Предполагая, однако, что обсуждаемая частица все-таки имеет эвиденциальную интерпретацию, рассмотрим ее поведение в контекстах, задающих разные типы засвидетельствованности. Пример (20b) демонстрирует, что частица *экен* неприемлема для носителей в контексте прямой засвидетельствованности, — делая суждение на основании того, что говорящий видел/слышал, он не может употребить частицу *экен*. При этом контексты косвенной засвидетельствованности оцениваются носителями как совместимые с предложением в примере (20), см. (20a).

- (20) *Алим де Керим-мне уруш-гъан-лар=мкен.*
Алим и Керим-СОМ ругаться-PFCT-3PL=EVD.PTCL
‘Алим и Керим поругались, видимо’.
a. {Говорящий видит, что Алим с Керимом избегают друг друга или замечает на них следы драки: синяки и проч.}
b. {#Говорящий видел и/или слышал, как они ругались.}

Дополнительным указанием на статус косвенной засвидетельствованности как компонента значения частицы *экен* является тот факт, что употребление этой частицы (когда субъект клаузы — местоимение 1-го лица) требует особого прагматического контекста, задающего, что говорящий был не в себе во время описываемого события и/или не помнит произошедшее. Что ожидаемо: событие, в котором говорящий был участником, вполне естественно попадает в класс контекстов прямой засвидетельствованности, а характеристика такого события как засвидетельствованного косвенно требует непростых прагматических условий.

- (21) *Мен яр-гъа мин-ген-мен=мкен.*
я гора-DAT подняться-PFCT-1SG=EVD.PTCL
a. {#Говорящий сообщает, что поднялся в гору во время прогулки.}
b. {Говорящий ходит во сне, проснулся весь в пыли: ‘Я в гору поднялся, что ли?’}

Таким образом, мы можем определить статус частицы *экен* как показателя косвенной эвиденциальности. Теперь необходимо установить, какой тип косвенной засвидетельствованности характерен для данной частицы — репортативный, инферентивный или же и тот и другой. Пример (22) показывает, что перед нами не репортативная частица, т. к. ее использование недопустимо в ситуациях, когда говорящий узнает о произошедшем событии от других людей.

(22) *Алим-мне Керим-мне шурпа эт-ген=мкен?*

Алим-СОМ Керим-СОМ суп делать-РФСТ=EVD.PTCL

‘Алим с Керимом суп приготовили, что ли?’

a. {Говорящий понял это по косвенным признакам.}

b. {#Говорящему рассказали о том, что Алим с Керимом приготовили суп.}

Также свидетельством, подтверждающим статус частицы как инферентивной, может считаться несочетаемость *экен* с контекстами, в которых говорящий обладает знанием/уверенностью об истинности сообщаемой пропозиции. Как видно из примера (23), предложение с показателем *экен* не может быть продолжено клаузой «я это знаю» (*мен оны билемен*). Заметим, что и русский перевод является прагматически странным — такого рода выражения, как вводное слово *кажется* в русском, и показатели инферентивной эвиденциальности несовместимы с уверенностью говорящего в истинности сообщаемой пропозиции. В связи с этим необходимо отметить, что пример был предоставлен информантам на кумыкском языке (согласно описанной методологии), а следовательно, неприемлемость русского перевода не могла играть роль в суждениях носителей о неприемлемости этого предложения на кумыкском языке.

(23) *Керим сют-ню ич-кен=мке, #мен оны бил-е-мен.*

К. молоко-ACC съест-РФСТ=EVD.PTCL 1SG 3SG.ACC знать-IPFV-1SG

‘Кажется, Керим выпил молоко. Я это знаю’.

Таким образом, мы можем однозначно установить эвиденциальный статус частицы *экен* в кумыкском языке: перед нами инферентивная частица, которая подразумевает узнавание о ситуации по косвенным признакам, результатам произошедшего события.

3.3.3. Семантика частицы *экен* в вопросительных предложениях

Если рассматриваемый нами показатель характеризуется как инферентивная эвиденциальная частица, встает вопрос о ее семантическом поведении в вопросительных конструкциях, поскольку взаимодействие семантики инферентивной эвиденциальности и вопросительных операторов — параметр межъязыкового варьирования [San Roque et al. 2017; Murray 2021], документировать который мы считаем необходимым и важным для дальнейших исследований эвиденциальности как в тюркских языках, так и в типологической перспективе. Так, турецкий показатель *-mİş*, обладающий семантикой инферентивной эвиденциальности [Meriçli 2016], в вопросах означает, что вывод из своих представлений о мире делает слушающий, отвечая на вопрос, см., например:

(24) Турецкий показатель *-mİş* [Korotkova 2020: 3]:

a. *bura-da nane yetişi-yor-muş.*

здесь-LOC мята расти-IPFV-INFER.EVID

‘По моим представлениям о мире, здесь растет мята’.

b. *bura-da nane yetişi-yor mu-y-muş?*

здесь-LOC мята расти-IPFV Q-COP-INFER.EVID

‘По твоим представлениям о мире, растет ли здесь мята?’

Однако не все показатели с семантикой инферентивной эвиденциальности ведут себя схожим образом: в работе [Littell et al. 2010] говорится, что в языке лиллуэт инферентивная частица *=k'a* образует в вопросах такой тип вопроса, который авторы называют гипотетическим (conjectural) вопросом, — характеризуется данный речевой акт а) отсутствием у говорящего знания ответа на вопрос (что роднит гипотетические вопросы с обычными); б) отсутствием у говорящего ожидания ответа на вопрос со стороны слушающего (что, наоборот, отличает гипотетические вопросы от обычных). Как отмечено в той же работе, подобные интерпретации удачно переводятся конструкциями типа «I wonder, ...», что в переводе на русский может звучать как «интересно, а ...» — и английская, и русская вопросительные конструкции характеризуются такими же прагматическими ограничениями на употребление. Пример интерпретации гипотетического вопроса дан в предложении в (25b), демонстрирующем взаимодействие инферентивного показателя *=k'a* с вопросительной конструкцией.

(25) Показатель =*k'a* в языке лиллуэт [ibid.: 89]:

- a. *lán=k'a kwán-ens-as ni=n-s-mets-cál=a.*
уже-INFER.EVID взять-DIR-3.ERG DET.ABS=1sg.POSS-NOM=write-ACT=EXIS
'По моим представлениям о мире, она уже получила письмо'.
- b. *lan=as=há=k'a kwán-ens-as ni=n-s-mets-cál=a?*
already=3.SBJN=YNQ=INFER take-DIR-3.ERG DET.ABS=1sg.POSS-NOM=write-ACT=EXIS
'Интересно, а получила ли она уже мое письмо?'

В свете такой вариативности нашей главной находкой является следующее наблюдение: показатель *экен* в терском диалекте кумыкского языка скорее ведет себя как показатель =*k'a* в языке лиллуэт, чем показатель *-mIʒ* в родственном кумыкскому турецком языке, — в вопросительных предложениях *экен* представляет собой маркер гипотетического вопроса, а не маркер источника информации у адресата вопросительного речевого акта. Наша аргументация основывается на двух типах контекстов: 1) в которых показатель *экен* неприемлем в вопросе и 2) в которых он обязателен. Обобщим: контексты неприемлемости *экен* в вопросах несовместимы со свойством (б) гипотетических вопросов (требованием отсутствия ожидания ответа на вопрос со стороны адресата), а контексты обязательности *экен* в вопросах, наоборот, характеризуются невозможностью ожидания ответа на вопрос со стороны адресата.

Рассмотрим контексты, в которых показатель *экен* неприемлем при вопросе. Согласно суждениям носителей, *экен* в (26) прагматически невозможен в том случае, когда вопрос направлен к продавцу, но допустим, например, при разговоре с другом. Этот факт свидетельствует о том, что *экен* неприемлем в тех контекстах, в которых адресат речевого акта считается говорящим обладающим нужным знанием (= в которых говорящий ожидает ответа от слушающего).

(26) *Сют-ню баха-сы нечик=мкен?*

молоко-GEN цена-3 какой=EVD.PTCL

'Какая цена у молока?' (# при обращении к кассиру, ОК при обращении к другу).

Аналогично в примере (27), демонстрирующем ситуацию знакомства: в ней вопрос «Как тебя зовут?» невозможно употребить с *экен* по той же причине — ожидается, что слушающий знает ответ на вопрос и сообщит его после произнесения вопроса.

(27) *Сени аты-нг кимдюр(#=мке)?*

2SG.GEN имя-2 как=EVD.PTCL

'Как тебя зовут?'

Таким образом, мы установили, что *экен* неприемлем при вопросе, ответ на который необходим по прагматическим причинам (согласно заданному устно левому контексту). И наоборот, контексты, в которых ответ со стороны адресата невозможен, требуют показателя *экен* (именно он образует гипотетический вопрос). Так, ни собака (к которой направлен вопрос «Тебя бросили?»), ни очки (к которым направлен вопрос «Куда вы делись?») из примера (28) не являются адресатами, могущими дать ответ, — речевой акт вопроса, направленный к ним, не «прототипический» и совершенно точно не сопряжен с ожиданием говорящим ответа. И именно при таких речевых ситуациях употребление вопроса без показателя *экен* становится невозможным.

(28) a. *Сен пакъыр-ны ташла-п къой-гъан-мы*(=мке)?*

ты бедный-GEN бросить-CVB оставить-PFCT-Q=EVD.PTCL

'Тебя бросили, бедняжка?' (обращение к бездомной собаке).

b. *Сыз къайда гет-ди-гиз*(=мкен)?*

вы где идти-PST-2PL=EVD.PTCL

'Куда вы делись?' (обращение к потерявшимся очкам).

Следовательно, мы считаем, что собранные нами данные указывают на то, что инферентивный показатель *экен* образует гипотетические вопросы в терском диалекте кумыкского языка, это служит как дополнительной характеристикой семантики частицы *экен*, так и новым примером языка, в котором наблюдается такое поведение инферентивных эвиденциальных показателей. Подытоживая, мы должны также отметить, что в грамматике литературного кумыкского делается схожее утверждение про взаимодействие показателя *экен* с вопросительными предложениями: «Вопросительная форма с модальным словом *экен* употребляется в значении предположения *Къайтгъанмы экен* "Интересно, вернулся ли (он)?"» [Гаджихмедов и др. 2014: 321]. Проверку же наших обобщений на данных литературного кумыкского языка мы оставляем на будущее.

3.3.4. К диахронии частицы *экен* в перспективе диалектологии кумыкского языка

В конце раздела 3.3.1 мы уже указали, что частица *экен*, по всей видимости, связана с общетюркским вспомогательным глаголом, а точнее с его формой перфекта. Таким образом, можно сделать вывод, что свойственная северокавказскому ареалу [Chirikba 2008] тенденция развития у перфекта эвиденциальных компонентов значения сохранилась в терском диалекте кумыкского языка исключительно в форме частицы, развившейся, вероятно, из формы перфекта вспомогательного глагола. В уже упомянутой работе [Ферхеес 2019] обсуждается в том числе азербайджанский эвиденциальный показатель *-(u)миш*, восходящий к форме глагола-связки с суффиксом перфекта, у которого отсутствует эвиденциальная семантика. История развития азербайджанского показателя во многом напоминает судьбу исследуемой кумыкской частицы: восходит к перфектной форме глагола-связки, при том что сам перфект в языке не эвиденциальный. Эта параллель интересна, т. к. наблюдается у другого тюркского языка, находящегося в тесном контакте с языками Кавказа, причем с другой стороны Кавказского ареала (к тому же показатели перфекта не когнатны, т. е. обсуждаемая параллель является функциональной).

Необходимо также упомянуть, что частицы вида *экен* ~ *икан* встречаются во всех языках (и в древних, и в современных) тюркской группы как показатели модальной природы [Щербак 1987: 94]. Если рассматриваемый нами показатель восходит к общетюркскому языковому выражению, то эвиденциальное использование частицы, восходящей к перфекту вспомогательного глагола, — это едва ли некая инновация терского диалекта кумыкского языка. По всей видимости, в терском диалекте кумыкского языка засвидетельствован промежуточный путь развития *экен*: это уже не связанный с перфектом отдельный эвиденциальный показатель, но еще не интегрированный в глагольную словоформу аффикс глагольной семантической зоны (в отличие от иных близкородственных языков, в которых *экен* принимает на себя показатели согласования, см. [Баскаков 1940] о ногайском и [Гаджихмедов и др. 2014] о литературном кумыкском).

В связи с этим важно отметить, что фонетически усеченные варианты *экен*, употребляемые как частицы модального характера, засвидетельствованы и в других диалектах кумыкского языка. Так, в борганском говоре кизлярского диалекта (локализуемом в нынешней Чечне) еще одним кумыкским диалектологом — Н. Х. Ольмесовым — фиксируется усеченное употребление модального слова *кэ* < *экен* < *эркэн* [Ольмесов 1997: 252].

4. Заключение

В настоящей работе, на основании полевых данных терского диалекта кумыкского языка, собранных в селе Предгорное (Моздокский район, республика Северная Осетия — Алания, РФ), мы частично рассмотрели систему эвиденциальности в терском диалекте кумыкского языка в сопоставлении с тем, что известно про эвиденциальный перфект в тюркских языках, со следующим выводом: в отличие от литературного кумыкского, перфектные формы в терском диалекте кумыкского языка не обладают эвиденциальными интерпретациями (о которых сообщается для литературного кумыкского в работе [Гаджихмедов и др. 2014]), в чем терской диалект кумыкского языка похож на ногайский язык (или, по крайней мере, рассматриваемые нами данные соотносятся с данными из работы [Баскаков 1940]).

Выражаются же эвиденциальные значения частицей *экен*, наиболее точная характеристика которой — инферентивная частица, допускающая узнавание по косвенным признакам, результатам произошедшего события. Как инферентивная частица, *экен* принадлежит к классу инферентивных эвиденциальных показателей, образующих гипотетические вопросы [Littell et al. 2010], что расширяет типологию взаимодействия вопросительных операторов и показателей эвиденциальности. С морфологической же точки зрения было замечено, что показатель *экен* менее интегрирован в глагольную словоформу терского диалекта кумыкского языка, чем схожий показатель в родственных языках (ногайском и литературном кумыкском), что, вкупе с тем, что известно о распространенных в тюркских языках частицах *экен* ~ *икан*, указывает на «промежуточный» статус глагольной системы терского кумыкского языка: с одной стороны, перфект не обладает эвиденциальными интерпретациями, а с другой — полностью грамматикализованного показателя эвиденциальности еще не появилось.

Таким образом, эта работа дополняет внутрисемейную типологию эвиденциальности в тюркских и, в частности, кыпчакских языках, а также дополняет общую типологию взаимодействия непрямо эвиденциальности с вопросительными конструкциями.

Сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	NMN — номинализирующий аффикс
ACC — аккумулятив	NONVIS — незрительная прямая засвидетельствованность
COM — комитатив	PFCT — перфект
COMP — союз (комплементаризер)	PL — множественное число
CVB — деепричастие	POSS — посессивность
DAT — датив	PTCL — частица
EVD.PTCL — эвиденциальная частица	PST — прошедшее время
INFER — инферентивная эвиденциальность	Q — показатель общего вопроса
LOC — локатив	REC.P — недавнее прошедшее
NF — неженский род	SG — единственное число
NEG — отрицание	ST — статив
	VIS — зрительная прямая засвидетельствованность

Литература

- Баскаков 1940 — *Н. А. Баскаков*. Ногайский язык и его диалекты: грамматика, тексты и словарь. М.: Изд. АН СССР, 1940.
- Бажуков, Симонова 2022 — *М. О. Бажуков, Т. В. Симонова*. Заметки об эвиденциальности в якутском языке // Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб., 2022.
- Гаджихмедов 2022 — *Н. Э. Гаджихмедов*. Кумыкский глагол: функционально-семантическое исследование. Махачкала: Алеф, 2022.
- Гаджихмедов и др. 2014 — *Н. Э. Гаджихмедов, А. З. Абдуллаева, К. С. Кадьраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев*. Современный кумыкский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
- Гаджихмедов 2020 — *Т. И. Гаджихмедов*. История изучения диалектов кумыкского языка // Научный вестник Крыма. 2020, 2 (25).
- Гусейнов 2018 — *Г.-Р. А.-К. Гусейнов*. Лексические и некоторые фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном и историко-этимологическом контексте // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018, 33 (2). С. 84—89.
- Гусейнов 2021 — *Г.-Р. А.-К. Гусейнов*. Фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в сравнительно-историческом и ареальном контексте // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021, 3 (112). С. 18—24.
- Ефремов 2011 — *Н. Н. Ефремов*. Эвиденциальность в тюркских языках (на материале якутского языка) // Теория и практика общественного развития. 2011, 4. С. 329—331.
- Керимов 1967а — *И. А. Керимов*. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967.
- Керимов 1967б — *И. А. Керимов*. Терский диалект // Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967. С. 104—134.
- Кибрик 1972 — *А. Е. Кибрик*. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд. Московского университета, 1972.
- Ольмесов 1997 — *Н. Х. Ольмесов*. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997.
- Плунгян 2011 — *В. А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд. РГГУ, 2011.
- Плунгян 2016 — *В. А. Плунгян*. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016, 12 (2). С. 7—36.
- Скрибник, Озонова 2005 — *Е. К. Скрибник, А. А. Озонова*. Средства выражения засвидетельствованности и мимативности в алтайском языке // Н. Н. Широкова (отв. ред.). Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: ИД «Ника», 2005.
- Татевосов 2019 — *С. Г. Татевосов*. Эвиденциальность и абдукция // *Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика* (ред.). Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского. М.: Языки славянских культур, 2019. С. 463—495.
- Татевосов и др. 2017 — *С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов* (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017.
- Ферхеес 2019 — *Я. Х. Ферхеес*. Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

- Щербак 1987 — *A. M. Щербак*. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1981.
- Aikhenvald 2004 — *A. Y. Aikhenvald*. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2018 — *A. Y. Aikhenvald* (ed.). The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Bertrand et al. 2022 — *A. Bertrand, Y. Aonuki, S. Chen, H. Davis, J. Gambarage, L. Griffin, M. Huijsmans, L. Matthewson, D. Reisinger, H. Rullman, R. Salles, M. D. Schwan, N. Todorović, B. Trotter, J. Vander Klok*. Nobody's perfect // *Languages*. 2022, 7 (2). P. 148—176.
- Bochnak, Matthewson 2015 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Methodologies in semantic fieldwork. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Bochnak, Matthewson 2020 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Techniques in complex semantic fieldwork // *Annual Review of Linguistics*. 2020, 6. P. 261—283.
- Bylinina et al. 2017 — *L. Bylinina, E. McCready, Y. Sudo*. Notes on perspective-sensitivity // *P. Arkadiev, I. Kapitonov, Y. Lander, E. Rakhilina, S. Tatevosov* (eds.). *Donum Semanticum*. Moscow, 2017. P. 67—79.
- Chirikba 2008 — *V. Chirikba*. The problem of the caucasian sprachbund // *P. Muysken* (ed.). *From linguistic areas to areal linguistics*, Vol. 90. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 25—94.
- Comrie 1985 — *B. Comrie*. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Dahl 1985 — *Ö. Dahl*. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Forker 2018 — *D. Forker*. Evidentiality in Nakh-Dagestanian languages // *A. Y. Aikhenvald* (ed.). The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 490—509.
- Johanson 2003 — *L. Johanson*. Evidentiality in Turkic // *A. Y. Aikhenvald* (ed.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 273—290.
- Kibrik 1977 — *A. E. Kibrik*. The methodology of field investigations in linguistics: (Setting up the problem). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1977.
- Korotkova 2020 — *N. Korotkova*. Interrogative flip and indexical shift are distinct phenomena // *Snippets*. 2020. P. 3—5.
- Littell et al. 2010 — *P. Littell, L. Matthewson, T. Peterson*. On the semantics of conjectural questions // *T. Peterson, U. Sauerland* (eds.). *Evidence from evidentials*. University of British Columbia Working Papers in Linguistics. 2010, 28. P. 89—104.
- Matthewson 2004 — *L. Matthewson*. On the methodology of semantic fieldwork // *International journal of American linguistics*. 2004, 70 (4). P. 369—415.
- Meričli 2016 — *B. S. Meričli*. Modeling indirect evidence. Santa Cruz: UC Santa Cruz Press, 2016.
- Murray 2021 — *S. E. Murray*. Evidentiality, modality, and speech acts // *Annual Review of Linguistics*. 2021, 7. P. 213—233.
- Nedjalkov 1988 — *V. Nedjalkov*. Typology of Resultative Constructions. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. (English translation ed. by B. Comrie).
- San Roque et al. 2017 — *L. San Roque, S. Floyd, E. Norcliffe*. Evidentiality and interrogativity // *Lingua*. 2017, 186. P. 120—143.
- Straughn 2011 — *C. A. Straughn*. Evidentiality in Uzbek and Kazakh. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

References

- Aikhenvald 2004 — *A. Y. Aikhenvald*. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2018 — *A. Y. Aikhenvald* (ed.). The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Baskakov 1940 — *N. A. Baskakov*. Nogajskij yazyk i ego dialekty: grammatika, teksty i slovar'. Moskva: Izd. AN SSSR, 1940. {*N. A. Baskakov*. Nogai language and its dialects: grammar, texts and dictionary. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1940.}
- Bazhukov, Simonova 2022 — *M. O. Bazhukov, T. V. Simonova*. Zаметki ob evidencialnosti v yakutskom yazyke. In: *Devyatnadczataya konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelej. Tezisy dokladov*. Sankt-Peterburg, 2022. {*M. O. Bazhukov, T. V. Simonova*. Notes on evidentiality in the Yakut language. In: *Nineteenth Conference on Typology and Grammar for Young Researchers. Abstracts*. St. Petersburg, 2022.}
- Bertrand et al. 2022 — *A. Bertrand, Y. Aonuki, S. Chen, H. Davis, J. Gambarage, L. Griffin, M. Huijsmans, L. Matthewson, D. Reisinger, H. Rullman, R. Salles, M. D. Schwan, N. Todorović, B. Trotter, J. Vander Klok*. Nobody's perfect. In: *Languages*. 2022, 7 (2). P. 148—176.
- Bochnak, Matthewson 2015 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Methodologies in semantic fieldwork. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Bochnak, Matthewson 2020 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Techniques in complex semantic fieldwork. In: *Annual Review of Linguistics*. 2020, 6. P. 261—283.

- Bylinina et al. 2017 — L. Bylinina, E. McCready, Y. Sudo. Notes on perspective-sensitivity. In: P. Arkadiev, I. Kapitov, Y. Lander, E. Rakhilina, S. Tatevosov (eds.). *Donum Semanticum*. Moscow, 2017. P. 67—79.
- Chirikba 2008 — V. Chirikba. The problem of the caucasian sprachbund. In: P. Muysken (ed.). *From linguistic areas to areal linguistics*. Vol. 90. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 25—94.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Efremov 2011 — N. N. Efremov. Evidencial'nost' v tyurkskikh yazykakh (na materiale yakutskogo yazyka). In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011, 4. S. 329—331. {N. N. Efremov. Evidentiality in Turkic languages (based on the material of the Yakut language). In: *Theory and practice of social development*. 2011, 4. P. 329—331.}
- Forker 2018 — D. Forker. Evidentiality in Nakh-Dagestani languages. In: A. Y. Aikhenvald (ed.). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 490—509.
- Gadziakhmedov i dr. 2014 — N. E. Gadziakhmedov, A. Z. Abdullaeva, K. S. Kadyradzhiev, I. A. Kerimov, N. Kh. Olmesov, D. M. Khangishiev. *Sovremennyy kumyjskiy yazyk*. Makhachkala: IYaLI DNCz RAN, 2014. {N. E. Gadziakhmedov, A. Z. Abdullaeva, K. S. Kadyradzhiev, I. A. Kerimov, N. Kh. Olmesov, D. M. Khangishiev. *Modern Kumyk language*. Makhachkala: IYaLI DNCz RAN, 2014.}
- Gadziakhmedov 2020 — T. I. Gadziakhmedov. Istoriya izucheniya dialektov kumyjskogo yazyka. In: *Nauchnyj vestnik Kryma*. 2020, 2 (25). {T. I. Gadziakhmedov. History of the study of dialects of the Kumyk language. In: *Scientific Bulletin of Crimea*. 2020, 2 (25).}
- Gadziakhmedov 2022 — N. E. Gadziakhmedov. Kumyjskiy glagol: funkcional'no-semanticheskoe issledovanie. Makhachkala: Alef, 2022. {N. E. Gadziakhmedov. *Kumyk verb: functional-semantic study*. Makhachkala: Alef, 2022.}
- Gusejnov 2018 — G.-R. A.-K. Gusejnov. Leksicheskie i nekotorye foneticheskie osobennosti kizlyarskogo govora terskogo dialekta kumyjskogo yazyka v areal'nom i istoriko-etimologicheskom kontekste. In: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2018, 33 (2). S. 84—89. {G.-R. A.-K. Guseinov. Lexical and some phonetic features of the Kizlyar dialect of the Terek dialect of the Kumyk language in the areal and historical-etymological context. In: *Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2018, 33 (2). P. 84—89.}
- Gusejnov 2021 — G.-R. A.-K. Gusejnov. Foneticheskie osobennosti kizlyarskogo govora terskogo dialekta kumyjskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom kontekste. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. 2021, 3 (112). S. 18—24. {G.-R. A.-K. Guseinov. Phonetic features of the Kizlyar dialect of the Terek dialect of the Kumyk language in a comparative historical and areal context. In: *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University* 2021, 3 (112). P. 18—24.}
- Johanson 2003 — L. Johanson. Evidentiality in Turkic. In: A. Y. Aikhenvald (ed.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 273—290.
- Kerimov 1967a — I. A. Kerimov. *Ocherki kumyjskoj dialektologii*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. {I. A. Kerimov. *Essays on Kumyk dialectology*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967.}
- Kerimov 1967b — I. A. Kerimov. Terskiy dialekt. In: *Ocherki kumyjskoj dialektologii*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. S. 104—134. {I. A. Kerimov. *Terek dialect*. In: *Essays on Kumyk dialectology*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. P. 104—134.}
- Kibrik 1972 — A. E. Kibrik. *Metodika polevykh issledovanij (k postanovke problemy)*. Moskva: Izd. Moskovskogo universiteta, 1972. {A. E. Kibrik. *Methodology of field research (towards the formulation of the problem)*. Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta, 1972.}
- Kibrik 1977 — A. E. Kibrik. *The methodology of field investigations in linguistics: (Setting up the problem)*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1977.
- Korotkova 2020 — N. Korotkova. Interrogative flip and indexical shift are distinct phenomena. In: *Snippets*. 2020. P. 3—5.
- Littell et al. 2010 — P. Littell, L. Matthewson, T. Peterson. On the semantics of conjectural questions. In: T. Peterson, U. Sauerland (eds.). *Evidence from evidentials*. University of British Columbia Working Papers in Linguistics. 2010, 28. P. 89—104.
- Matthewson 2004 — L. Matthewson. On the methodology of semantic fieldwork. In: *International journal of American linguistics*. 2004, 70 (4). P. 369—415.
- Meriçli 2016 — B. S. Meriçli. *Modeling indirect evidence*. Santa Cruz: UC Santa Cruz Press, 2016.
- Murray 2021 — S. E. Murray. Evidentiality, modality, and speech acts. In: *Annual Review of Linguistics*. 2021, 7. P. 213—233.
- Nedjalkov 1988 — V. Nedjalkov. *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. (English translation ed. by B. Comrie).
- Olmesov 1997 — N. Kh. Olmesov. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektnoj sistemy kumyjskogo yazyka*. Makhachkala: IPC DGU, 1997. {N. Kh. Olmesov. *Comparative historical study of the dialect system of the Kumyk language*. Makhachkala: IPC DGU, 1997.}

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moskva: Izd. RGGU, 2011. {V. A. Plungyan. Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moscow: Izd. RGGU, 2011.}

Plungyan 2016 — V. A. Plungyan. K tipologii perfekta v yazykakh mira: predislovie. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. 2016, 12 (2). S. 7—36. {V. A. Plungyan. On the typology of the perfect in the languages of the world: preface. In: Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research. 2016, 12 (2). P. 7—36.}

San Roque et al. 2017 — L. San Roque, S. Floyd, E. Norcliffe. Evidentiality and interrogativity. In: Lingua. 2017, 186. P. 120—143.

Shcherbak 1987 — A. M. Shcherbak. Ocherki po sravnitel'noj morfologii tyurkskikh yazykov (Narechie, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova). Leningrad: Nauka, 1981. {A. M. Shcherbak. Essays on the comparative morphology of Turkic languages (Adverb, Functional parts of speech, Figurative words). Leningrad: Nauka, 1981.}

Skribnik, Ozonova 2005 — E. K. Skribnik, A. A. Ozonova. Sredstva vyrazheniya zasvidetel'stvovannosti i mirativnosti v altajskom yazyke. In: N. N. Shirobokova (otv. red.) Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. Novosibirsk: ID "Nika", 2005. {E. K. Skribnik, A. A. Ozonova. Means of expressing attestation and mirativity in the Altai language. In: N. N. Shirobokova (ed.). Ways of forming the linguistic landscape of Siberia. Novosibirsk: Izdatel'skij Dom "Nika", 2005.}

Straughn 2011 — C. A. Straughn. Evidentiality in Uzbek and Kazakh. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

Tatevosov 2019 — S. G. Tatevosov. Evidencial'nost' i abdukcija. In: D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika (red.). Sbornik statej k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2019. S. 463—495. {S. G. Tatevosov. Evidentiality and abduction. In: D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika (eds.). Collection of articles for the 85th anniversary of V. S. Khrakovsky. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2019. P. 463—495.}

Tatevosov i dr. 2017 — S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Sulejmanov (red.). Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskij dialekt. Moskva: Buki Vedi, 2017. {S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Sulejmanov (eds.). Elements of the Tatar language in typological light. Mishar dialect. Moscow: Buki Vedi, 2017.}

Verhees 2019 — J. H. Verhees. Evidencial'nost' kak chast' vido-vremennoj sistemy glagola v nakhsko-dagestanskikh yazykakh. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2019. {J. H. Verhees. Evidentiality as part of the aspectual-tense system of the verb in the Nakh-Dagestan languages. PhD thesis. Moscow, 2019.}

Семантическое поле ‘менять’ в финском языке

Лапшина Ксения Михайловна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); xenilapshina@gmail.com

Копылова Елизавета Вадимовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); kopyloveta@gmail.com

Матюхина Екатерина Петровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); katematyukhina@gmail.com

В работе с позиций фреймового подхода анализируются три основных глагола семантического поля ‘менять’ в финском языке — *muuttaa*, *vaihtaa* и *korvata*, а также их фреквентативные производные.

Для поля ‘менять’ выделяются четыре фрейма (прототипических ситуации): модификация, замена, замещение и обмен. Фрейм модификации включает ОБЪЕКТ, СУБЪЕКТ и РЕЗУЛЬТАТ. СУБЪЕКТ воздействует на ОБЪЕКТ и изменяет некоторые его характеристики; новое состояние ОБЪЕКТА называется РЕЗУЛЬТАТОМ (*Ты можешь изменить свою жизнь к лучшему*). Во фрейме замены участвуют СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ и ОБЪЕКТ-2. СУБЪЕКТ прекращает использование ОБЪЕКТА в некоторой функции и использует вместо него ОБЪЕКТ-2 (*Электрик заменил перегоревшую лампочку на новую*). Фрейм замещения включает те же семантические роли, что и фрейм замены, но в ситуации замещения роли СУБЪЕКТА и ОБЪЕКТА-2 совпадают в одном участнике (*В полночь меня сменил другой охранник*). Фрейм обмена представляет собой реципрокальную ситуацию, в которой участвуют два СУБЪЕКТА и два ОБЪЕКТА. В результате обмена ОБЪЕКТ, принадлежащий СУБЪЕКТУ, переходит к СУБЪЕКТУ-2, а ОБЪЕКТ-2 — к СУБЪЕКТУ (*Я выменял у Васи козла на барана*).

Дополнительно анализируются стратегии кодирования прямого дополнения при глаголах *muuttaa* и *vaihtaa*. В работе показывается, что конструкции с партитивным прямым объектом при *vaihtaa* позволяют выделить в поле ‘менять’ особый фрейм переключения.

Ключевые слова: финский язык, лексическая типология, фреймовый подход, глагольная семантика, дифференцированное объектное маркирование

VERBS OF CHANGE IN FINNISH

Ksenija M. Lapshina, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); xenilapshina@gmail.com

Elizaveta V. Kopylova, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); kopyloveta@gmail.com

Ekaterina P. Matyukhina, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); katematyukhina@gmail.com

This paper focuses on the main verbs of change in Finnish — *muuttaa*, *vaihtaa* and *korvata* and their frequentative derivatives. The verbs are analysed within the frame-based approach to lexical typology, which suggests that a semantic field can be divided into several situation types, or frames. Lexemes map differently onto the frames in the world’s languages, which provides the foundation for the typological study of lexical systems. According to typological data, we distinguish four core frames for ‘change’: Modification, Replacement, Substitution and Exchange. Modification implies that the Subject changes the Object’s intrinsic qualities (*The cook modified the recipe to make the dish less spicy*). Replacement means that the Subject stops using the Object for a certain purpose and starts using another Object instead (*I replaced a burn-out lightbulb*). Substitution is similar to Replacement but presupposes that the Subject and the new Object have the same function (*He is such a good player that nobody can substitute him*). Exchange is a reciprocal act where the Subject gives the Object to another Subject and receives another Object in return (*We exchanged postcards*).

We also analyse strategies of direct object coding for *muuttaa* and *vaihtaa*, which reveal some additional semantic oppositions. In Finnish, the distinction between partitive and genitive direct object marking is primarily aspectual. However, we show that the direct object marking of *vaihtaa* provides support for distinguishing a separate frame of Switching. This is also bolstered by evidence from Serbian and Norwegian.

Keywords: Finnish, lexical typology, frame approach, verbal semantics, differential object marking

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы выражают благодарность Татьяне Исидоровне Резниковой и Ивану Андреевичу Стенину за помощь на всех этапах создания статьи и анонимным рецензентам за ценные комментарии.

1. Введение

1.1. Методология

В работе рассматриваются в типологической перспективе семантика и конструкционные свойства глаголов семантической зоны ‘менять’ в финском языке. Принципы лексикализации этого семантического поля в настоящее время изучаются в рамках широкого типологического проекта, осуществляемого в Школе лингвистики НИУ ВШЭ. Первые результаты проекта на материале французского языка были изложены в [Горшкова, Чубарова 2021], анализ даргинских глаголов поля представлен в [Вагизиева, Толдова 2023]. Задача нашей статьи — не только расширить корпус уже изученных систем данными финского языка, но и оценить эти данные в отношении их типологической регулярности. С этой целью мы будем привлекать рабочие материалы проекта по ряду других языков, в частности норвежскому, сербскому, казахскому, якутскому и коми¹.

Как и уже упомянутые исследования, наша работа проводилась в рамках фреймового подхода, применяемого в проектах Московской лексико-типологической группы (далее — MLexT) [Рахилина, Резникова 2013]. Эта методика предполагает типологическое сопоставление лексем на основе анализа их сочетаемости и выявление фреймов — базовых классов ситуаций, которые могут лексически противопоставляться в том или ином языке. В качестве источников данных в подходе MLexT привлекаются материалы толковых, двуязычных и этимологических словарей, корпусов и результаты работы с носителями по специально разработанному анкетам.

В ходе анализа финских данных мы использовали новейшую версию толкового словаря «Kieli-toimiston sanakirja» [KTS 2022] и этимологический словарь [Häkkinen 2005]. Источниками примеров для нас послужили онлайн-словарь [Glosbe] и подкорпусы «Языкового банка Финляндии» [Borin et al. 2012].

Для верификации корпусных примеров и выявления стилистически маркированной лексики мы использовали анкету², состоящую из предложений на английском языке, которые консультантам необходимо было перевести на финский. Глагол изменения в каждом предложении был опущен, чтобы исключить возможность прямого перевода. Были опрошены шесть носителей финского языка, общение с ними происходило онлайн по видеосвязи. Таким образом, представленный в статье анализ основан на словарных, корпусных данных и результатах опроса носителей языка.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 1 приведен типологический очерк поля ‘менять’ и представлены фреймы, которые были выделены в этом поле по результатам пилотного анализа типологических данных. Раздел 2 содержит обзор основных лексических единиц поля в финском языке. В разделе 3 мы покажем, что пилотной фреймовой структуры недостаточно для объяснения лексических противопоставлений, релевантных для финского языка. В связи с этим мы предлагаем ввести в ранее разработанную структуру дополнительный фрейм **переключения**, который, как выясняется, позволяет не только отразить специфику финских данных, но и более системно представить материал ряда других языков. В разделе 4 обсуждается один класс морфологических дериватов от основных лексем поля — фреквентативные глаголы, т. е. единицы со значением повторяющейся или продолжительной ситуации. Для нашего исследования они интересны прежде всего тем, что не совпадают с производящими лексемами по распределению относительно фреймов. Заключение содержит информацию о принципах колексификации в поле ‘менять’ на материале финского языка.

1.2. О поле

1.2.1. ‘Менять’: лексико-типологическая специфика

Поле ‘менять’ представляет интерес для лексической типологии в силу нескольких факторов. Во-первых, в отношении типов колексификации, обсуждаемых в литературе по лексической типологии. Начиная с работы [François 2008], различают два типа колексификации — строгую и слабую. В первом случае два значения покрываются в точности одной лексемой, во втором — лексемами с общим корнем. При этом обычно для языков с богатой глагольной деривацией слабая колексификация учитывается наряду со строгой, т. е. значения, различающиеся только на уровне аффиксов, считаются колексифициро-

¹ Проект «Смежность семантических полей в типологической перспективе (на материале глаголов лексической зоны ‘менять’)» осуществляется участниками научно-учебной группы «Лексико-типологические исследования» в НИУ ВШЭ в 2023 г. и другими исследователями поля ‘менять’, представлявшими свои данные на семинаре НУГ.

² Полная версия анкеты доступна по ссылке: https://docs.google.com/document/d/1L-nnhZLshpL6Au3Tg9ztqlcV_MzzkNKDSM1uzfTvltn/edit?usp=sharing

ванными. Такой подход предполагает, что основное лексическое значение выражается корнем, так что семантическую карту можно не перегружать дополнительными противопоставлениями, не имеющими отношения к структуре семантического поля, ср., например, описание доминантных систем в зоне падения в [Резникова и др. 2020]. Однако в зоне ‘менять’ роль деривационной морфологии оказывается принципиально иной: так, приставки в славянских языках различают те ситуации, которые в других случаях распределяются между разными лексемами (ср. ситуации изменения, как в *Повар изменил рецепт блюда*, и замены, как в *Папа заменил перегоревшую лампочку*, которые в русском различаются на уровне приставок (*изменить* vs. *заменить/сменить*), а в ряде других языков, и в том числе в финском, выражаются разными глаголами).

Во-вторых, зона ‘менять’ значима для теоретической проблематики, касающейся понятия семантического поля. Согласно работам последних лет [Sherstyuk, Reznikova 2022; Резникова 2022; Рыжова, Багирова 2022], типологическая перспектива ясно показывает, что семантические поля не образуют закрытые множества лексических единиц с четко очерченными границами: ситуации, которые в одном языке представляются как часть одного семантического класса, в других языках задаются лексемами другого класса. Соответственно, концептуальное пространство следует моделировать не как набор отдельных лексических групп (ср. традиционные ярлыки «прилагательные цветообозначений», «глаголы движения», «глаголы восприятия» и др.), а как смежные и накладывающиеся друг на друга зоны, см. [Рахилина, Некушоева 2020; Шерстюк, Резникова 2021; Резникова 2022]. Поле ‘менять’, судя по нашим пилотным данным, дает богатый материал для обнаружения типологической вариативности в трактовке границ поля. Некоторые ситуации изменения могут в том или ином языке «исключаться» из поля, что определяет неуниверсальность его границ. Так, например, ситуации переодевания или пересадки органов в русском обычно не покрываются глаголами поля ‘менять’, тогда как в английском и казахском, соответственно, первая или вторая из этих ситуаций стандартно включается в наше поле, ср. англ. *change clothes* букв. ‘менять одежду’ или казахск. *бауыр ауыстыру* букв. ‘менять печень’.

В-третьих, особенность зоны ‘менять’ на фоне ранее исследованных полей состоит в том, что лексические противопоставления здесь определяются не только типом актантов (ср. в этом отношении, например, глаголы плавания [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], где выбор глагола во многом зависит от типа субъекта), но и количеством участников, что будет показано в следующем разделе.

1.2.2. Участники ситуации

В ситуациях поля ‘менять’ мы выделяем следующие семантические роли:

ОБЪЕКТ — исходный объект, подвергающийся изменению. *Погода*_{объект} *изменилась*;

РЕЗУЛЬТАТ — конечное состояние, в которое приходит ОБЪЕКТ в ситуации изменения. *Погода изменилась к лучшему*_{результат};

ОБЪЕКТ-2 — новый объект, на который заменяется исходный. *Обменять козла на барана*_{объект-2}. *Заменить мед на сахар*_{объект-2}. В отличие от РЕЗУЛЬТАТА, который не существует до завершения ситуации, ОБЪЕКТ-2 присутствует в ней изначально;

СУБЪЕКТ — тот, кто осуществляет, контролирует, инициирует действие, агентивный участник ситуации. *Электрик*_{субъект} *заменял лампочку*;

СУБЪЕКТ-2 — второй субъект, участвующий в реципрокальном действии. *Петя выменял у Васи*_{субъект-2} *козла на барана*.

Семантические участники могут не выражаться эксплицитно. Так, в примере *Электрик заменил лампочку*, в котором ОБЪЕКТ-2 идентичен ОБЪЕКТУ, ОБЪЕКТ-2 не выражен, но подразумевается (другая лампочка). В декаузативном предложении *Президент сменился* не выражается СУБЪЕКТ.

Один участник может выступать в двух семантических ролях. Например, *охранник* в предложении *Охранник сменил другого на посту* является одновременно СУБЪЕКТОМ и ОБЪЕКТОМ-2, а в предложении *Ведьма не хотела, чтобы ее заметили, и превратилась в лягушку* участник *ведьма* выступает в роли как СУБЪЕКТА, так и ОБЪЕКТА.

1.2.3. Фреймы

С учетом описанной структуры участников ситуации в ходе пилотного исследования в поле ‘менять’ были выделены четыре основных фрейма.

1. Фрейм **модификации** включает ОБЪЕКТ, СУБЪЕКТ и РЕЗУЛЬТАТ. СУБЪЕКТ воздействует на ОБЪЕКТ, вследствие чего изменяются некоторые характеристики ОБЪЕКТА. Новое состояние ОБЪЕКТА называется РЕЗУЛЬТАТОМ.

Ситуация **модификации** со всеми выраженными участниками представлена, например, в предложении *Ты субъект можешь изменить свою жизнь объект к лучшему результат*.

2. Во фрейме **замены** участвуют СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ и ОБЪЕКТ-2. СУБЪЕКТ прекращает использование ОБЪЕКТА в некоторой функции и использует вместо него ОБЪЕКТ-2.

Примером ситуации **замены** является предложение *Электрик субъект заменил перегоревшую лампочку объект на новую объект-2*.

3. Фрейм **замещения** включает те же семантические роли, что и фрейм **замены**. Различие между ними заключается в том, что во всех ситуациях замещения роли СУБЪЕКТА и ОБЪЕКТА-2 совпадают в одном участнике. СУБЪЕКТ начинает выполнять функцию, которую прежде выполнял ОБЪЕКТ.

Ситуацию **замещения** иллюстрирует предложение *В полночь меня объект сменил другой охранник субъект/объект-2*³.

4. Фрейм **обмена** представляет собой реципрокальную ситуацию, в которой участвуют два СУБЪЕКТА и два ОБЪЕКТА. СУБЪЕКТЫ производят действие, в результате которого ОБЪЕКТ, принадлежащий СУБЪЕКТУ, переходит к СУБЪЕКТУ-2, а ОБЪЕКТ-2 — к СУБЪЕКТУ.

Ко фрейму **обмена** относится предложение *Я субъект обменяла козла объект на барана объект-2*, в котором поверхностно не выражен второй СУБЪЕКТ. Примером ситуации со всеми выраженными участниками может служить предложение *Я субъект выменяла у Васи субъект-2 козла объект на барана объект-2*.

По-видимому, фрейм **модификации** в наибольшей степени отличается от трех других, т. к. в нем обнаруживается особый тип участника — РЕЗУЛЬТАТ. Кроме того, **модификация** предполагает изменения внутри объекта, тогда как другие фреймы — замену одного объекта другим. Исходя из этого, можно предположить, что основное лексическое противопоставление в поле ‘менять’ должно заключаться в отделении фрейма **модификации** от остальных фреймов. И действительно, в большинстве рассмотренных нами языков выделяются две центральные лексемы, одна из которых обслуживает ситуации, где изменению подвергается один и тот же ОБЪЕКТ или совокупность однородных ОБЪЕКТОВ, а другая — случаи обмена, замены или замещения, затрагивающие несколько ОБЪЕКТОВ. В то же время в некоторых языках обе эти ситуации колексифицируются, ср. слабую колексификацию в русском — глагол *изменять*, покрывающий фрейм **модификации** и имеющий тот же корень, что и глаголы, отвечающие за другие фреймы поля (*заменять, обменять*), — и сильную в ижемском диалекте коми [Маринина 2022]:

(1) *Став-ыс пöнмайт-исныс, мый законодательство-ас*
 весь-POSS.3SG понимать-PST.3PL что законодательство-ESS/ILL.POSS.3SG
мый-ке кол-э веж-ны.
 что-INDEF быть.нужным-PRS.3SG менять-INF
 ‘Все понимали, что в законодательстве необходимо что-то изменить’.

(2) *Ся веж-ис перегорит-эма лампочка-сэ.*
 он менять-PST.3SG перегореть-PTCP.PST лампочка-ACC.POSS.3SG
 ‘Он заменил перегоревшую лампочку’.

(3) *Ме веж-и козёл-сэ ыж выл-э.*
 я менять-PST.1SG козел-ACC.POSS.3SG овца верх-ILL
 ‘Я обменял козла на барана’.

(4) *Рыт-нас öкмыс час-ас сіес веж-ис мёд охранник.*
 вечер-INS.POSS.3SG девять час-ESS/ILL.POSS.3SG он.ACC менять-PST.3SG другой охранник
 ‘Вечером в девять часов его сменил другой охранник’.

2. Обзор лексических единиц

В финском языке выделяются три основные лексемы, покрывающие поле ‘менять’: *muuttaa* (непереходный/декаузативный дериват *muuttua*), *vaihtaa* (~ *vaihtua*) и *korvata* (~ *korvautua*). Согласно нашим наблюдениям, переходные и непереходные глаголы отличаются только грамматическими значениями, поэтому в дальнейшем мы не рассматриваем их отдельно.

³ Заметим, что обратимость или повторяемость ситуации не учитывается при выделении фреймов: так, предложение *Она заменила мне мать* также описывает ситуацию **замещения**, хотя, в отличие от рассмотренной выше, она не может повториться, и ОБЪЕКТ и СУБЪЕКТ не могут поменяться ролями.

2.1. Глагол *muuttaa* (*muuttua*)

Глагол *muuttaa* покрывает фрейм **модификации**. Подобная дистрибуция соответствует внутренней форме глагола, который является производным от прилагательного *muu* ‘другой’ [Häkkinen 2005: 752]. В переходной клаузе ОБЪЕКТ изменения маркируется одним из падежей прямого объекта, а РЕЗУЛЬТАТ, если он выражается, — транслативом (падежом, который, согласно грамматикам, кодирует конечное «состояние, свойство, функцию или позицию» [Karlsson 1999: 125]), ср.:

- (5) *Voi-t muutta-a elämä-ä-si pare-mma-ksi.*
 мочь-2SG менять-INF жизнь-PART-POSS.2SG лучший-COMP-TRA
 ‘Ты можешь изменить свою жизнь к лучшему’.

Объект изменения, как правило, является абстрактным (см. (5) выше, а также (6)), но вместе с тем в этой позиции могут выступать и конкретные имена, прежде всего обозначения человека. Примечательно, однако, что и в случае объекта-человека имеется в виду скорее изменение абстрактных характеристик — черт характера и под. (7).

- (6) *Viimein Jimmy tajus-i, että häne-n*
 наконец Джимми понимать-PST.3SG что он(а)-GEN
täyty-y muutta-a elämä-n-tapa-a-nsa.
 быть.нужным-3SG менять-INF жизнь-GEN-обычай-PART-POSS.3
 ‘Наконец Джимми понял, что ему нужно изменить свой образ жизни’ [Glosbe].

- (7) *Hän muutt-u-i paljon se-n jälkeen kun tuns-i-t häne-t.*
 он(а) менять-DECAUS-PST.3SG много этот-GEN после когда знать-PST-2SG он(а)-ACC
 ‘Он сильно изменился с тех пор, как ты его знал’ [ibid.].

Кроме того, *muuttaa* может описывать ситуацию превращения:

- (8) *Noita muutt-i poja-n sammako-ksi.*
 ведьма менять-PST.3SG мальчик-GEN лягушка-TRA
 ‘Ведьма превратила мальчика в лягушку’.

Колексификация превращения и модификации может показаться необычной с точки зрения русской системы, где сказочное превращение (*превратить мальчика в лягушку / тыкву в карету* и под.) не описывается глаголом модификации *изменить*. Тем не менее семантически совмещение этих ситуаций в одной лексеме вполне объяснимо: превращение, как и модификация, тоже предполагает объект, который подвергается изменению. Хотя результатом здесь, в отличие от модификации, выступает как будто бы другая сущность, а не новая характеристика того же объекта, но этот результат, как и в случае модификации, не существует до завершения ситуации. Превращение как бы предполагает, что изменяются сразу все характеристики ОБЪЕКТА, — это и приводит к тому, что ОБЪЕКТ становится другой сущностью.

Таким образом, ситуация превращения служит примером типологической вариативности в трактовке границ поля, которую мы обсуждали в разделе 1.2.1: если финский относит ее к полю ‘менять’, то русский связывает ее с идеей вращения. Заметим, что колексификация — слабая или сильная — превращения и кругового движения — типологически распространенное явление, см. базу CLICS [Rzymski, Tresoldi et al. 2019] (например, англ. *turn* ‘поворачивать; превращать’, аймара *hakukira-na* ‘поворачивать; превращать’). В других языках нашей выборки примеров колексификации превращения и изменения найдено не было.

Интересно при этом, что смежность модификации и превращения проявляется не только при сравнении финских данных с русскими: свидетельства этой смежности можно обнаружить и внутри русской системы. Хотя волшебное превращение в русском языке не описывается глаголом модификации, одна лексема может выступать и в контекстах волшебного превращения, и в контекстах, задающих ситуации изменения, ср. *Он превратился в угрюмого, мрачного человека*.

Помимо превращения (и, соответственно, вращения), смежным с полем ‘менять’, по данным финского языка, оказывается зона ‘перемещать’. Подобная смежность возникает ввиду того, что перемещение конкретного объекта подразумевает изменение местоположения. Обратим внимание, однако, что глагол *muuttaa* может в таких контекстах выступать без указания на соответствующий параметр изменения (т. е. без слов типа ‘место’, ‘расположение’ и под.). Так, у *muuttaa* существует непереходное значение ‘переезжать’:

- (9) *Milloin muuta-mme Atlanta-an?*
 когда менять-1PL А.-ILL
 ‘Когда мы переезжаем в Атланту?’ [Glosbe].

Muuttaa может употребляться и в переходном значении ‘перемещать’, но только в ситуации переезда: в другую квартиру, другой дом или другую страну (10). В контексте более локального перемещения эта лексема не употребляется (11).

- (10) *Eilen me muut-i-mme kirja-t uute-en asunto-on.*
 вчера мы менять-PST-1PL книга-PL новый-ILL квартира-ILL
 ‘Вчера мы перевезли книги в новую квартиру’.
- (11) *Hän siirs-i / *muutt-i kirja-t hylly-ltä toise-lle.*
 он(а) двигать-PST.3SG менять-PST.3SG книга-PL полка-ABL второй-ALL
 ‘Она переставила книги с одной полки на другую’.

Правда, в словаре [KTS 2022] для *muuttaa* приводится пример (12), иллюстрирующий употребление в значении ‘переставлять, менять (порядок)’. Он одобряется некоторыми носителями, однако расценивается ими как менее естественный, чем с посессивной конструкцией *muuttaa kirjo-jen järjestyks-tä* (менять книга-GEN.PL порядок-PART) ‘поменять порядок книг’, который — благодаря выраженному параметру (‘порядок’) — реализует не идею перемещения, а обычную ситуацию модификации (‘порядок’ выступает в роли абстрактного объекта, подвергающегося изменению).

- (12) *muutta-a kirja-t uute-en järjestyks-e-en*
 менять-INF книга-PL новый-ILL порядок-ILL
 ‘переставить книги в другом порядке’ (букв. ‘поменять/переместить книги в новый порядок’) [KTS 2022].

2.1.1. О маркировании прямого объекта при глаголе *muuttaa*

В примерах выше прямой объект при глаголе *muuttaa* кодируется партитивом (5)—(6), генитивом (8) или номинативом (10), (12). Далее мы обсудим, чем может быть мотивирован выбор падежа прямого объекта в финском в целом и применительно к глаголу *muuttaa* в частности.

В финском языке наблюдается дифференцированное маркирование прямого объекта (подробнее см. [Karlsson 1999: 84—87]). В отрицательных и имперфективных клаузах прямой объект всегда маркируется партитивом. В утвердительных перфективных клаузах маркирование вариативно: может быть как партитивное, так и тотальное: генитивное / номинативное (во множественном числе и в некоторых особых конструкциях) / аккузативное (у личных местоимений).

В клаузах с квантованным⁴ прямым объектом тотальная стратегия может маркировать бóльшую (полную) задействованность прямого объекта (13a), а партитивная — меньшую (неполную) (13b).

- (13) По [Karlsson 1999: 86]:
- a. *Metsästäjä ampu-i linnu-n.*
 охотник стрелять-PST.3SG птица-GEN
 ‘Охотник подстрелил птицу [и убил]’.
- b. *Metsästäjä ampu-i lintu-a.*
 охотник стрелять-PST.3SG птица-PART
 ‘Охотник подстрелил птицу [только ранил]’.

Выбор падежа для глагола *muuttaa* соответствует этому принципу и различает степень изменения, которому подвергается объект. В ситуации смены прически, описанной в (14), носители скорее используют партитив с глаголом *muuttaa*, если изменение небольшое (14a), и тотальный падеж, если речь идет о значительном изменении (14b).

- (14) a. *Hän muutt-i hiustyli-ä-än / [?]hiustyli-nsä.*
 он(а) менять-PST.3SG прическа-PART-POSS.3 прическа-GEN-POSS.3
 ‘Она поменяла прическу [сделала пробор на другую сторону]’.
- b. *Hän muutt-i hiustyli-nsä / [?]hiustyli-ä-än*
 он(а) менять-PST.3SG прическа-GEN-POSS.3 прическа-PART-POSS.3
 ‘Она поменяла прическу [была с длинными волосами, а теперь с короткими]’.

⁴ В терминах [Krifka 1989: 75] сущность (и соответствующий предикат) называется квантованной, если тем же предикатом нельзя назвать соединение двух таких сущностей: объединение двух частей молока называется молоком (неквантованный предикат), но объединение двух птиц не называется птицей (квантованный предикат).

Тотальное маркирование используется и в ситуации превращения (15), предполагающей радикальное изменение:

- (15) *Israel muutt-i aaviko-n viljelykelpoise-ksi maa-ksi.*
И. менять-PST.3SG пустыня-GEN пахотный-TRA земля-TRA
'Израиль превратил пустыню в пахотные земли' [Glosbe].

2.2. Глагол *vaihtaa* (*vaihtua*)

Фреймы **обмена** и **замены** покрываются лексемой *vaihtaa* (от *vaihe* 'стадия' [Häkkinen 2005: 1429]). Глагол *vaihtaa* используется в ситуации **замены**, т. е. тогда, когда ОБЪЕКТ-2 идентичен ОБЪЕКТУ: см. (16) для переходного и (17) для непереходного глагола. В таких случаях ОБЪЕКТ-2 обычно не выражается.

- (16) *Malcolm saa vaihta-a paristo-t.*
М. быть.должным.3SG менять-INF батарейка-PL
'Малкольм должен заменить батарейки' [Glosbe].
- (17) *Vaalit pide-ttiin, ja presidentti vaiht-u-i.*
выборы держать-IMP.PST и президент менять-DECAUS-PST.3SG
'Прошли выборы, и президент сменился'.

Если ОБЪЕКТ-2 неидентичен ОБЪЕКТУ или если необходимо подчеркнуть разницу между ними, ОБЪЕКТ-2 может быть выражен и маркируется иллативом (падежом цели) или транслативом (18)—(19). Закономерностей употребления того и иного падежей не было выявлено. Подробнее о падеже объекта см. раздел 2.1.1.

- (18) *Tavallise-t hehku-lampu-t voi vaihta-a energia-n-säästö-lamppu-i-hin.*
обычный-PL накал-лампа-PL мочь.3SG менять-INF энергия-GEN-сбережение-лампа-PL-ILL
'Обычные лампы накаливания можно заменить на энергосберегающие' [Glosbe].
- (19) *Voi-t joskus vaihta-a nime-si Scarleti-ksi.*
мочь-2SG иногда менять-INF имя-GEN.POSS.2SG С.-TRA
'Можешь иногда называть себя Скарлетт' (букв. 'Можешь иногда менять свое имя на Скарлетт') [ibid.].

Кроме того, *vaihtaa* используется в ситуации **обмена** (20)—(22). ОБЪЕКТ-2 маркируется так же, как при **замене**.

- (20) *Hän ja häne-n äiti-nsä päätt-i-vät leipo-a paljon pikku-leip-i-ä ja vaihta-a ne saippua-an.*
он(а) и он(а)-GEN мама-POSS.3 решать-PST-3PL печь-INF много
маленький-хлеб-PL-PART и менять-INF этот.PL мыло-ILL
'Они с мамой решили испечь много печенья и обменять его на мыло' [ibid.].
- (21) *Me-i-llä on alle vuorokausi aika-a vaihta-a merki-t raha-ksi.*
мы-PL-ADE быть.3SG ниже сутки время-PART менять-INF фишки-PL деньги-TRA
'У нас есть меньше суток, чтобы обменять фишки на деньги' [ibid.].
- (22) *Ehkä voisi-mme samalla vaihta-a yhteystieto-ja-mme.*
может.быть мочь.COND-1PL одновременно менять-INF контакт-PART.PL-POSS.1PL
'Может быть, мы могли бы заодно обменяться контактами' [ibid.].

2.3. *Muuttaa* vs. *vaihtaa*

Существует набор контекстов, которые покрываются как глаголом *muuttaa*, так и *vaihtaa*:

- (23) a. *Hän vaihto-i hiustyyli-nsä.*
он(а) менять-PST.3SG прическа-GEN.POSS.3
'Она поменяла причёску (была с длинными волосами, а теперь с короткими)'.
b. *Hän muutt-i hiustyyli-nsä.*
он(а) менять-PST.3SG причёска-GEN.POSS.3
'Она поменяла причёску (сделала прическу на другую сторону)'.

- (24) a. *Illa-lla sää vaiht-u-i.*
 вечер-ADE погода менять-DECAUS-PST.3SG
 ‘Вечером погода изменилась’.
- b. *Illa-lla sää muutt-u-i: tul-i hieman kylme-mpi.*
 вечер-ADE погода менять-DECAUS-PST.3SG приходить-PST.3SG немного холодный-COMP
 ‘Вечером погода изменилась: стало немного холоднее’.

Примеры (23) и (24) объединяет то, что ОБЪЕКТ изменения может пониматься по-разному: и как переменная, которая замещается другой (в таком случае используется глагол *vaihtaa*), и как абстрактная сущность, претерпевающая изменения (это контекст глагола *muuttaa*). Так, погоду можно представить как одно из вероятных состояний окружающей среды в данном месте в данный момент (24a). В этом случае если погода меняется, то одна погода «заменяется» на другую, т. е. ситуация предполагает использование глагола замены *vaihtaa*. В то же время погода может пониматься обобщенно — как совокупность вероятных состояний окружающей среды (24b). При такой трактовке не одна погода заменяется на другую, а у единой погоды изменяются свойства, т. е. возникают условия для употребления *muuttaa*.

Хотя в контекстах (23)—(24) часто допустимы оба глагола, выбор одного или другого может зависеть от степени изменения. Так, в примере (23a) носители скорее порождают *vaihtaa*, тогда как в (23b) — *muuttaa* и объясняют различие тем, что использование *vaihtaa* подразумевает более сильное изменение объекта. В примере (23b) *muuttaa* предпочтительнее, т. к. описывается небольшое изменение.

Этот факт соотносится с контекстами употребления рассматриваемых глаголов, описанными выше: *muuttaa* означает частичную модификацию объекта, а *vaihtaa* — замену одного на другой, т. е. в каком-то смысле более сильное изменение.

Таким образом, в анализируемом семантическом поле существуют две стратегии выражения большей или меньшей степени воздействия на объект: выбор глагола — *muuttaa* или *vaihtaa* — и выбор падежа прямого объекта при глаголе *muuttaa*. Опрос носителей показал, что эти стратегии в значительной степени взаимозаменяемы и не образуют четкой иерархии.

2.4. Глагол *korvata* (*korvautua*)

Отличительной чертой финского материала является наличие особой лексемы для фрейма **замещения** — глагола *korvata* (от *korva* ‘край, вертикаль’ [Häkkinen 2005: 482]). Так, *korvata* — единственный допустимый вариант в том случае, когда СУБЪЕКТ совпадает с ОБЪЕКТОМ-2, т. е. происходит замена собой, например:

- (25) *Iltä-yhdeksä-iltä toinen vartija korvas-i minu-t vartija-paika-lla.*
 вечер-девять-ABL второй охранник менять-PST.3SG я-ACC охранник-место-ADE
 ‘В девять вечера другой охранник сменил меня на посту’.
- (26) *Kylm-i-nä vuode-n-aiko-i-na tämä kaappi korvas-i oikea-n jää-kaapi-n.*
 холодный-PL-ESS год-GEN-время-PL-ESS этот шкаф менять-PST.3SG правильный-GEN лёд-шкаф-GEN
 ‘В холодный период года этот шкаф заменял настоящий холодильник’ [Glosbe].

Однако сфера покрытия глагола *korvata* не ограничивается фреймом **замещения**. Он может распространяться на ситуации, которые в русском вовсе не покрываются глаголами, производными от *менять*. Русские лексемы *заменить* или *сменить*, как правило, предполагают, что ОБЪЕКТ изначально присутствовал в ситуации, но в результате замены был из нее устранен, и вместо него начинает функционировать ОБЪЕКТ-2. Если же речь идет эксплицитно об исходном отсутствии или нехватке объекта, то использование вместо него ОБЪЕКТА-2 описывается не производными от *менять*, а другими лексемами, ср. *компенсировать*, *возместить* и под., ср. *витамины компенсируют*/**заменяют нехватку полезных веществ в организме*.

Напротив, финский *korvata* не различает эти ситуации и употребляется и при замещении имевшегося объекта, и в случаях компенсации нехватки, ср.:

- (27) *Hengitys kyllä tihene-e vuoristo-ssa=kin mutta e-i niin paljon, että se korva-isi jatkuva-n happi-vajaukse-n.*
 дыхание конечно учащаться-3SG горы-INE=ADD но NEG-3SG так много что этот менять-COND.3SG продолжительный-GEN кислород-нехватка-GEN
 ‘Находясь на большой высоте, дыхание человека учащается, однако этого недостаточно, чтобы компенсировать постоянную нехватку кислорода’.

Нехватка может выражаться и презумптивно. Например, в (28) речь идет о небольшом размере армии, что подразумевает нехватку военных — в подобных контекстах в финском тоже используется *korvata*. Обратим внимание, что в русском выражение *заменить маленькую армию* обозначает, что ‘маленькая армия’ устраняется из ситуации, перестает функционировать, тогда как в (28) армия продолжает действовать, оружие появляется в ситуации не как замена, а как дополнение к армии, компенсирующее ее малую численность. Таким образом, и на этом участке поля ‘менять’ мы наблюдаем несовпадение его границ в русском и финском языках: финский *korvata* выходит за пределы области, очерченной русскими производными от *менять*.

- (28) *Armeija-n pien-uude-n korvas-i tehokas aseistus.*
армия-GEN маленький-N-GEN менять-PST.3SG эффективный вооружение
‘Небольшую армию компенсировало эффективное вооружение’.

Мы обсудили употребления глагола *korvata* в рамках фрейма **замещения** и для ситуаций компенсации, т. е. в контексте отсутствия или нехватки объекта. Однако и внутри зоны ‘менять’ *korvata* покрывает не только случаи **замещения**, но и в некоторых употреблениях соотносится с фреймом **замены**. При данных обстоятельствах ОБЪЕКТ-2 маркируется инструментальным падежом — адессивом, ср.:

- (29) *Huijari korvas-i maalaukse-n feiki-llä.*
мошенник менять-PST.3SG картина-GEN фейк-ADE
‘Мошенник подменил картину подделкой’.
- (30) *Idiootti=kin tajua-a, ett-e-i rauta-a korvata puu-lla.*
идиот=ADD понимать-3SG что-NEG-3SG железо-PART менять.IMPS.CONNEG дерево-ADE
‘Даже дурак знает, что деревянные вместо стали не ставят’ [Glosbe].

Ситуация компенсации, как правило, предполагает, что ОБЪЕКТ-2 неидентичен ОБЪЕКТУ, см. (29)—(30). Тем не менее семантически допустимо использование *korvata* в контексте замены на идентичное (31), где стандартно употребляется *vaihtaa* (см. раздел 2.2).

- (31) *Hän korvas-i pala-nee-n lampu-n uude-lla.*
он(а) менять-PST.3SG гореть-PTCP.PFV.ACT-GEN лампа-GEN новый-ADE
‘Он заменил перегоревшую лампочку на новую’.

В ситуации **замены** выражение ОБЪЕКТА-2 при глаголе *korvata* в норме обязательно. Конструкция с двумя выраженными участниками — СУБЪЕКТОМ и ОБЪЕКТОМ — обычно соответствует ситуации **замещения**, см. (25)—(26). Это противопоставление, однако, не является строгим: некоторые носители одобряют вариант контекста (31) без выраженного ОБЪЕКТА-2 (*Hän korvasi palaneen lampun*), по-видимому, потому, что прочтение в значении замещения в таком случае прагматически маловероятно.

Непереходный дериват от *korvata* — *korvautua*, по словам носителей, также требует выражения ОБЪЕКТА-2, ср.:

- (32) **Presidentti korva-utu-i.*
Президент менять-DECAUS-PST.3SG
Ожидаемое значение: ‘Президент сменился’. Комментарий носителя: «Нужно выразить, кем».
- (33) *Suru ja pelko alka-vat hälvet-ä ja korva-utu-a onne-lla ja rauha-lla.*
печаль и страх начинать-3PL рассеиваться-INF и менять-DECAUS-INF счастье-ADE и мир-ADE
‘Печаль и страх начинают рассеиваться и сменяться счастьем и покоем’ [Glosbe].

Вместе с тем примеры с непереходным *korvautua* без выражения ОБЪЕКТА-2 все же допустимы, но только для особого класса объектов: речь идет об организмах, которые могут как бы заменять сами себя, обновляться, т. е. восстанавливаться (34).

- (34) *Jo<t>kin iho-n, maksa-n ja suolisto-n solu-t saatta-vat korva-utu-a lähes päivittäin.*
какой_то<PL> кожа-GEN печень-GEN и кишечник-GEN клетка-PL
быть.возможным-3PL менять-DECAUS-INF почти ежедневно
‘Некоторые клетки кожи, печени и кишечника обновляются почти каждый день’ [ibid.].

2.5. *Vaihtaa* vs. *korvata*

Как следует из разделов 2.2 и 2.4, в переходных конструкциях с двумя выраженными участниками, СУБЪЕКТОМ и ОБЪЕКТОМ, *vaihtaa* и *korvata* находятся в дополнительной дистрибуции: *korvata* используется, когда СУБЪЕКТ и ОБЪЕКТ-2 совпадают, т. е. СУБЪЕКТ заменяет ОБЪЕКТ собой, *vaihtaa* же допустим только в тех случаях, когда СУБЪЕКТ не совпадает с ОБЪЕКТОМ-2, как можно видеть в примерах (35) (= (16)) и (36) (= (25)).

- (35) *Malcolm saa vaihta-a paristo-t.*
 М. быть.должным менять-INF батарейка-PL
 'Малкольм должен заменить батарейки' [Glosbe].
- (36) *Ilta-yhdeksä-ltä toinen vartija korvas-i minu-t vartija-paika-lla.*
 вечер-девять-ABL второй охранник менять-PST.3SG я-ACC охранник-место-ADE
 'В девять вечера другой охранник сменил меня на посту'.

При этом и *vaihtaa*, и *korvata* могут встречаться в переходных конструкциях с тремя выраженными участниками: СУБЪЕКТОМ, иницирующим замену, ОБЪЕКТОМ и ОБЪЕКТОМ-2.

- (37) a. *Hän vaihto-i pala-nee-n lampu-n [uute-en].*
 он(а) менять-PST.3SG гореть-PTCP.PFV.ACT-GEN лампа-GEN новый-ILL
 b. *Hän korvas-i pala-nee-n lampu-n [uude-lla].*
 он(а) менять-PST.3SG гореть-PTCP.PFV.ACT-GEN лампа-GEN новый-ADE
 'Он заменил перегоревшую лампочку [на новую]'.

Глагол *vaihtaa* является более нейтральным и частотным вариантом и обычно первым порождается носителями. Он покрывает практически весь фрейм **замены**, помимо восполнения недостатка (38), хотя даже в таких контекстах некоторые носители склонны разрешать использование *vaihtaa* (38b).

- (38) a. *Mei-ltä loppu-i tuore liha ja korvas-i-mme se-n purkkiliha-lla.*
 мы-ABL заканчиваться-PST.3SG свежий мясо и менять-PST-1PL этот-GEN консервы-ADE
 b. *Mei-ltä loppu-i tuore liha ja vaihdo-i-mme se-n purkkiliha-an.*
 мы-ABL заканчиваться-PST.3SG свежий мясо и менять-PST-1PL этот-GEN консервы-ILL
 'У нас закончилось свежее мясо, и мы заменили его консервами'.

Употребление *korvata* и *vaihtaa* можно противопоставить по «типичности» происходящей замены: *korvata* отвечает за нестандартную замену, а *vaihtaa*, напротив, предполагает более регулярную и типичную ситуацию. Это свойство включает в себя несколько связанных между собой параметров:

- Замена на идентичное/неидентичное: в типичной ситуации объект заменяется на подобный ему — в таком случае обычно используется глагол *vaihtaa*, иначе — *korvata*. Так, (37a) чаще порождается носителями и иллюстрирует стандартную замену перегоревшей лампочки на новую, тогда как (37b), по словам носителей, может подразумевать, что новый объект радикально отличается от старого (например, замена лампы накаливания светодиодом).
- Нефункциональность объекта замены: носители чаще одобряют употребление *korvata*, если объект замены не пригоден по каким-либо причинам, например невозможность использовать объект из-за аллергии:

- (39) *Resepti-ssä sano-ttiin, että lisää hunaja, mutta minu-n ystävä-ni on si-lle allerginen, joten hän korvas-i se-n sokeri-lla / vaihto-i se-n sokeri-in.*
 рецепт-INE говорить-IMPERS.PST что добавлять-IMPER мед но я-GEN друг-POSS.1SG быть.3SG этот-ALL аллергичный поэтому он(а) менять-PST.3SG этот-GEN сахар-ADE
 'В рецепте говорилось добавить мед, но у моего друга аллергия на него, поэтому он заменил его сахаром'.

Похожим образом устроена вариативность при выборе глагола в (40): если речь идет о стандартной смене одежды (например, поменять футболку на чистую или переодеться в домашнюю одежду), носители используют *vaihtaa* (40a), а *korvata* может означать, что вещи безнадежно испорчены и их необходимо заменить новыми (40b).

- (40) a. *Kun hän pääs-i koti-in töi-stä hän vaihto-i vaattee-nsa.*
 когда он(а) возвращаться-PST.3SG дом-ILL работа.PL-ELA он(а) менять-PST.3SG одежда-GEN.POSS.3
 ‘Вернувшись домой с работы, она переделалась (букв. ‘сменила одежду’)’.
- b. *Hän tul-i töi-stä koti-in ja korvas-i vaattee-nsa uusi-lla.*
 он(а) приходить-PST.3SG работа.PL-ELA дом-ILL и менять-PST.3SG одежда-GEN.POSS.3 новый.PL-ADE
 ‘Она вернулась домой с работы и сменила одежду на новую’.

— Отсутствие объекта замены: в примере (39) большинство носителей используют только *korvata*, но не *vaihtaa*, что, вероятно, объясняется физическим отсутствием ОБЪЕКТА.

Важно отметить, что перечисленные выше параметры не являются независимыми: так, например, очевидна связь между отсутствием ОБЪЕКТА и заменой его на неидентичный — если ОБЪЕКТА нет в наличии, он, скорее всего, будет заменен на что-то другое. Кроме того, отсутствие ОБЪЕКТА можно считать частным случаем нефункциональности, т. к. причина замены именно в том, что ОБЪЕКТ нельзя использовать. Однако мы разделяем эти параметры, поскольку в контекстах с отсутствующим ОБЪЕКТОМ *korvata* одобряется чаще, чем в ситуации нефункциональности.

Таким образом, *korvata* используется в тех случаях, когда говорящему необходимо акцентировать внимание на ОБЪЕКТЕ-2, если он неидентичен объекту, и на нетипичности этой замены.

Итак, в поле ‘менять’ в финском языке выделяются три основные лексемы. Противопоставление *muuttaa* и *vaihtaa* разграничивает контексты по локусу ситуации: внутри одного участника или между двумя, что является центральным противопоставлением в этом семантическом поле (см. введение). Наличие специальной лексики *korvata* для фрейма **замещения** — особенность финского материала. Кроме финского, лексема для замещения — *avløse* — из языков нашей выборки обнаруживается только в норвежском [Леорова, Бакланов 2023].

3. Переключение как особая ситуация поля ‘менять’

Выше мы описали четыре фрейма поля ‘менять’: **модификацию**, **замену**, **замещение** и **обмен** — и распределение по ним финских глаголов. Однако контексты **замены**, как мы заметили, обнаруживают некоторую неоднородность в отношении падежного маркирования ОБЪЕКТА. Как описано в разделе 2.1.1, маркирование прямого объекта при глаголе *muuttaa* (фрейм **модификации**) зависит от степени изменения. Теперь рассмотрим подробнее маркирование прямого объекта при глаголе *vaihtaa*.

В контекстах типа (41)–(42), описывающих замену по причине нефункциональности, в которых объектом является конкретный предмет, возможно только генитивное маркирование. Автор примера (41) отмечает, что партитивное маркирование прямого объекта указывало бы на незавершенное действие (имперфективную ситуацию).

- (41) *Hän vaihto-i pala-nee-n lampu-n [uute-en].*
 он(а) менять-PST.3SG гореть-PTCP.PFV.ACT-GEN лампа-GEN новый-ILL
 ‘Он заменил перегоревшую лампу [на новую]’.

- (42) <...> *osaa-t-ko vaihta-a vaipa-n?*
 уметь-2SG-Q менять-INF подузник-GEN
 ‘Ты можешь (букв. ‘умеешь’) поменять подузник?’ [Glosbe].

Однако партитивное маркирование при глаголе *vaihtaa* все же возможно. Рассмотрим два похожих примера, которые отличаются друг от друга, во-первых, маркированием прямого объекта и, во-вторых, отсутствием (выраженного) ОБЪЕКТА-2 в (43b). В (43a) прямой объект — врач — маркирован генитивом и выражен ОБЪЕКТ-2 — новый врач. В (43b) прямой объект маркирован партитивом, ОБЪЕКТ-2 не выражается.

- (43) a. *Kahde-n kuukaude-n jälkeen hän vaihto-i lääkäri-n uute-en.*
 два-GEN месяц-GEN после он(а) менять-PST.3SG врач-GEN новый-ILL
 ‘После двух месяцев [лечения] она сменила врача на нового’.
- b. *Kahde-n kuukaude-n jälkeen terapia-a hän vaihto-i yhtäkkiä lääkäri-ä.*
 два-GEN месяц-GEN после терапия-PART он(а) менять-PST.3SG внезапно врач-PART
 ‘После двух месяцев лечения она внезапно сменила врача’.

Употребление разных падежей здесь нельзя трактовать в терминах степени изменения: замена врача не может осуществиться в большей или меньшей степени, так что стандартное семантическое различие генитива и партитива в этом случае неприменимо.

Похожее противопоставление наблюдается в следующих предложениях:

- (44) a. *Ne ihana-t vaalea-n-punaise-t pilve-t voi-vat*
 эти чудесный-PL светлый-GEN-красный-PL облако-PL мочь-3PL
nopeasti vaihta-a väri-nsä vere-n-punaise-ksi.
 быстро менять-INF цвет-GEN.POSS.3 кровь-GEN-красный-TRA
 ‘Эти чудесные розовые облака могут быстро сменить свой цвет на кроваво-красный’.
- b. *Osa höyhe-n-peittee-stä vaihta-a väri-ä vuode-n-aja-n mukaan.*
 часть перо-GEN-покрывало-ELA менять-3SG цвет-PART год-GEN-время-GEN согласно
 ‘Часть оперения меняет цвет в зависимости от времени года’.

Если в (44a) выделяется ОБЪЕКТ замены — *väri-nsä* (цвет-GEN.POSS.3) ‘их цвет’, конкретный оттенок и ОБЪЕКТ-2, заступающий на его место, — кроваво-красный цвет, то в (44b) ни начальное, ни конечное значение цвета не определено. Можно предположить, что прямой объект в (44b) обозначает не конкретный оттенок, а параметр цвета, значение которого у оперения изменяется.

Выражение ОБЪЕКТА-2, по мнению носителей, невозможно также в следующих предложениях с партитивным маркированием прямого объекта:

- (45) *Ikkuna-n lähellä ol-i kylmä, joten vaihdo-i-n paikka-a.*
 окно-GEN рядом быть-PST.3SG холодно поэтому менять-PST-1SG место-PART
 ‘Возле окна было холодно, и я пересел [букв. ‘поменял место’]’.
- (46) *Vaihdo-i-n työ-tä viime kuu-ssa.*
 менять-PST-1SG работа-PART прошлый месяц-INE
 ‘В прошлом месяце я поменял работу’.

В то же время в примере (47) генитивное маркирование прямого объекта требует выраженного ОБЪЕКТА-2:

- (47) *Ikkuna-n vieressä ol-i kylmä-ä, joten vaihdo-i-n paika-n lähe-mmä-ksi ove-a.*
 окно-GEN рядом быть-PST.3SG холодно-PART поэтому
 менять-PST-1SG место-GEN близкий-COMP-TRA дверь-PART
 ‘У окна было холодно, и я пересела поближе к двери’.

Маркирование прямого объекта в ситуациях смены работы или врача в некоторой степени вариативно. Однако имеет место явная тенденция использовать в таких контекстах партитивное маркирование. Так, в примерах (48)—(49), соответствующих (46) и (43b) выше, вариант с партитивом у всех носителей порождался первым. Вариант с генитивом расценивался некоторыми из них как не вполне грамматичный.

- (48) *Vaihdo-i-n työ-paikka-a / [?]työ-paika-n viime kuu-ssa.*
 менять-PST-1SG работа-место-PART работа-место-GEN прошлый месяц-INE
 ‘В прошлом месяце я поменял работу’.
- (49) *Kahde-n kuukaude-n terapia-n jälkeen hän yhtäkkiä vaihto-i lääkäri-ä / [?]lääkäri-n.*
 два-GEN месяц-GEN терапия-GEN после он(а) внезапно менять-PST.3SG врач-PART врач-GEN
 ‘После двух месяцев лечения она внезапно сменила врача’.

При этом носители отмечают, что в (49) генитивное маркирование возможно в сочетании с посессивным показателем: *lääkäri-nsä* (врач-GEN.POSS.3) ‘своего врача’. В таком случае ситуацию можно интерпретировать как замену конкретного ОБЪЕКТА (своего врача) на поверхностно невыраженный ОБЪЕКТ-2 (другого врача). Генитив без посессивного маркирования расценивается носителями как не вполне грамматичный.

Описанные выше примеры иллюстрируют следующую закономерность: употребление генитива коррелирует с определенностью ОБЪЕКТА и выраженностью ОБЪЕКТА-2, а партитива — с меньшей определенностью ОБЪЕКТА и запретом на выражение ОБЪЕКТА-2.

Таким образом, на уровне конструкции финский язык различает внутри ситуации замены две подситуации. Мы предполагаем, что контексты, в которых используется партитивное маркирование и не выражен ОБЪЕКТ-2, можно анализировать как описывающие изменение по некоторому параметру («врач», «место», «работа»), а не замену одного ОБЪЕКТА другим.

Для такого типа ситуаций мы предлагаем ввести отдельный фрейм — **переключение**. Во фрейме **переключения** мы выделяем следующих участников: СУБЪЕКТ и ПАРАМЕТР. ПАРАМЕТР может быть реляционным именем, как в случае с цветом, или же проявлять свойства такового в контексте **переключения**. Так, *врач* — не реляционное имя в первичном значении, но в ситуации переключения обозначает роль по отношению к СУБЪЕКТУ: нельзя сменить чужого врача⁵. В результате исходное значение ПАРАМЕТРА заменяется на новое, что отражается и на СУБЪЕКТЕ благодаря посессивному отношению между ними.

Еще одним свидетельством в пользу выделения фрейма **переключения** является то, что, в отличие от **замены**, этот фрейм не покрывается глаголом *korvata*. Так, носители отмечают, что не использовали бы этот глагол в контекстах (42b), (44)—(45). Это подтверждается и корпусными данными: сочетание *korvata + väri* ‘цвет’ совершенно не представлено в корпусе [Borin et al. 2012], а *korvata + lääkäri* ‘врач’ имеет другой смысл — либо заменить посещение врача (например, на сеанс иглоукалывания), либо подменить (другого) врача. То же можно сказать о *korvata + työpaikka* ‘место работы’ (компенсация рабочих мест). Следовательно, фрейм **переключения** имеет иное лексическое покрытие, чем фрейм **замены**.

Итак, особенности фрейма **переключения** в финском языке следующие:

- 1) особый набор участников ситуации, в частности отсутствие результата или ОБЪЕКТА-2;
- 2) невозможность употребления в этих контекстах глагола *korvata*;
- 3) партитивное маркирование прямого объекта (ПАРАМЕТРА).

Дополнительным аргументом, свидетельствующим о необходимости выделения еще одного фрейма, является релевантность противопоставления **замены** и **переключения** для поля ‘менять’ и в других языках: так, в сербском в ситуации **замены** используется глагол *zaminiti* (50), а в ситуации **переключения** — *promeniti* (51) [Федоров 2023: 9].

(50) ?*Променио* / ^{OK}*заменио сам сијалицу*.
‘Я поменял лампочку’.

(51) *Он је* ^{OK}*променио* / **заменио радно место*.
‘Он сменил место работы’.

В норвежском языке в ситуации **замены** могут использоваться две лексемы поля — *skifte* и *bytte* (52), а в ситуации **переключения** — только *skifte* (53) [Бакланов, Леонова 2023].

(52) *Det er et stør-re problem at folk bytte-r / skifte-r dekk for tidlig*.
DEF.N быть.PRS INDEF.N большой.COMP проблема что люди менять-PRS менять-PRS шина слишком рано
‘Это большая проблема, что люди меняют резину слишком рано’.

(53) *Eleve-r kan skifte skole*.
ученик-PL.INDEF мочь менять-INF школа
‘Ученики могут сменить школу’.

См. также рус. ^{OK}*сменить работу / врача / тему*, но ?*сменить лампочку*. Таким образом, материал плотного исследования подтверждает, что фрейм **переключения** может быть релевантен для описания других языков и добавлен на типологическую карту поля.

В разделе 2.3 мы упоминали о том, что одни и те же контексты могут интерпретироваться как ситуации **модификации** (с глаголом *muuttaa*) и **замены** (с глаголом *vaihtaa*). Однако в связи с выделением в поле нового фрейма мы склонны относить такие контексты с глаголом *vaihtaa* к ситуации **переключения**.

Так, например, ситуация изменения цвета, иллюстрирующая контекст **переключения**, может быть описана и как **модификация** (54), ср. (44b).

(54) *Mone-n vuode-n aika-na mekko vaihto-i / muutt-i väri-ä-än*.
много-GEN год-PL время-ESS платье менять-PST.3SG менять-PST.3SG цвет-PART-POSS.3
‘За много лет платье изменило цвет’.

⁵ Ср., например, следующее предложение (с генитивным маркированием ОБЪЕКТА), в котором *врач* не обозначает роли по отношению к СУБЪЕКТУ и которое описывает ситуацию **замены**:

Sairaala-n johtaja vaihto-i lääkäri-n.

больница-GEN директор менять-PST.3SG врач-GEN

‘Директор больницы поменял врача [уволнил одного и взял на его место другого]’.

Мы благодарим анонимного рецензента за этот пример.

Заметим, что не все ситуации **переключения** можно интерпретировать как **модификацию**, а, вероятно, только такие, в которых ПАРАМЕТР является реляционным именем в исходном значении: например, носители запрещают *muuttaa* в сочетании с *lääkäri* ‘врач’, поскольку в данном случае это интерпретируется как «модификация врача», что не имеет прагматически осмысленных трактовок.

4. Фреквентативные глаголы

В финском языке большинство глаголов способно образовывать фреквентативные производные — лексемы со значением повторяющейся или продолжительной ситуации. В частности, фреквентативным показателем является суффикс *-le-* (алломорфы *-ile-*, *-ele-*) [Nakulinen et al. 2004: §353]. Помимо композиционных, фреквентативные глаголы поля ‘менять’ обнаруживают особые значения, не сводимые напрямую к семантике исходного глагола.

4.1. Глагол *muutella*

Производный от *muuttaa* фреквентативный глагол *muutella* может употребляться в тех же контекстах, что и *muuttaa*. В композиционном значении он обозначает изменение, совершаемое неоднократно. Модель управления *muutella* в этом значении такая же, как у производящего глагола.

- (55) *Kenties voisi-mme myös muut-el-la esitys-tä-mme*
 может.быть мочь.COND-1PL тоже менять-FREQ-INF презентация-PART-POSS.1PL
pitä-ä-kse-mme se-n tuoree-na.
 держать-INF-TRA-POSS.1PL это(т)-GEN свежий-ESS
 ‘Может быть, мы могли бы менять нашу презентацию, чтобы она не теряла актуальности’ [Glosbe].

- (56) *Siivooja muutt-ele-e aikataulu-ja-an.*
 уборщица менять-FREQ-3SG график-PART.PL-POSS.3
 ‘Уборщица все время меняет график’ [ibid.].

Muutella, как и *muuttaa*, используется в ситуации превращения:

- (57) *E-n muutt-ele kurpitsa-ja kene-lle tahansa.*
 NEG-1SG менять-FREQ.CONNEG тыква-PART.PL кто-ALL угодно
 ‘Я для кого попало тыквы [в кареты] не превращаю’ [ibid.].

Некоторые фреквентативные производные на *-ele-/-ile-*, помимо переходных употреблений, имеют и непереходные [Nakulinen et al. 2004: §355]. Это верно и для глагола *muutella*⁶.

- (58) *Uskonno-t muutt-ele-vat, kansa-t vaihtelevat ja mikä-än muu e-i pysy*
 религия-PL менять-FREQ-3PL народ-PL менять-3PL и что-либо другой NEG-3SG оставаться.CONNEG
ennallaan kuin maailma ja ihmis-luonne.
 прежним чем мир и человек-природа
 ‘Религии изменяются, цивилизации сменяются, и ничто не вечно, кроме самого мира и человеческой природы’ [Glosbe].

Кроме того, среди корпусных примеров есть несколько употреблений *muutella* в значении ‘переставлять, менять местами (несколько предметов)’, которые не содержат слова ‘порядок’ (59). Напомним, что производящий глагол *muuttaa* может описывать перемещение на небольшое расстояние только в конструкции со словом ‘порядок’ (60) (= (12)).

- (59) *Mr Douglas muutt-el-i eilen taulu-ja sano-i hän.*
 Мр. Д. менять-FREQ-PST.3SG вчера картина-PART.PL говорить-PST.3SG он(а)
 ‘«Мистер Дуглас вчера перевешивал картины», — сказал он’ [ibid.].

- (60) *muutta-a kirja-t uute-en järjestykse-en*
 менять-INF книга-PL новый-ILL порядок-ILL
 ‘переставить книги в другом порядке’ [KTS 2022].

⁶ Анонимный рецензент отмечает, что непереходные глаголы *muuttua* и *vaihtua* также образуют фреквентативные дериваты: *muuttuilla*, *vaihtuilla*, которые допустимо использовать в примере (58). Они, однако, не зафиксированы в словаре [KTS 2022] и крайне редки в корпусе [Borin et al. 2012] — в общей сложности менее 20 вхождений, поэтому можно считать их окказиональными дериватами.

Примечательно, что, хотя лексема *muutella* встречается в корпусе, носители скорее были склонны оценивать ее как разговорную и не использовали в контекстах множественной модификации, как переходных, так и непереходных.

4.2. Глагол *vaihdella*

Как и *muuttaa*, *vaihtaa* образует фреквентативный дериват *vaihdella*, дистрибуция которого не полностью совпадает с дистрибуцией исходного глагола. В композициональном значении *vaihtaa* описывает ситуацию множественной замены:

- (61) *Oo-n vaihd-el-lut lamppu-ja koto-na-ni voimakkaa-mpi-in.*
 быть-1SG менять-FREQ-PTCP.PFV.АКТ лампа-PART.PL дом-ESS-POSS.1SG мощный-COMP.PL-ILL
 ‘Я заменил лампочки в своем доме на более мощные’ [Glosbe].

Кроме того, как и *vaihtaa*, *vaihdella* обнаруживает употребления в ситуации переключения, если предполагается, что действие выполняется неоднократно:

- (62) *Android-laittee-si saatta-a vaihd-el-la automaattisesti nii-den [verkko-jen] välillä.*
 А.-устройство-POSS.2SG мочь-3SG менять-FREQ-INF автоматически эти-GEN сеть-GEN.PL между
 ‘Ваше устройство Андроид может автоматически переключаться между ними (сетями Wi-Fi)’
 [ibid.].

Одним из некомпозициональных значений *vaihdella* является описание колебательного изменения, которое предполагает повторяющиеся изменения между несколькими значениями или состояниями (63a). Для таких ситуаций используется непереходная конструкция. При этом единичная ситуация может описываться глаголом *muuttua* (63b), т. е. сфера употребления глагола *vaihdella* не полностью совпадает с контекстами исходного глагола.

- (63) a. *Nais-ten mieliala-t vaiht-ele-vat, se o-n normaali-a.*
 женщина-GEN.PL настроение-PL менять-FREQ-3PL этот быть-3SG нормальный-PART
 ‘У женщин настроение постоянно меняется, это нормально’ [ibid.].
 b. *Mieliala saatta-a muutt-u-a pari-ssa tunni-ssa.*
 настроение мочь-3SG менять-DECAUS-3SG пара-INE час-INE
 ‘Настроение может измениться за пару часов’ [ibid.].

Контексты колебательного изменения, насколько позволяют судить корпусные данные, составляют большую часть употреблений *vaihdella*. В отличие от композициональных значений, которые носители расценивают как разговорные или даже не вполне естественные, такие употребления отмечаются как совершенно приемлемые. В подобных контекстах также может использоваться глагол *muuttaa*, но в таком случае повторяемость должна быть дополнительно выражена лексически (64), ср. в этом отношении (63), где повторяющийся характер ситуации маркирован только показателем фреквентатива.

Обратим внимание, что *vaihdella* описывает не любое итеративное изменение, а такое, в котором ситуация периодически проходит через одни и те же состояния / в котором одни и те же состояния периодически сменяют друг друга (64a). В контексте (64b), где тоже описывается итеративная ситуация, но речь идет о последовательном, направленном изменении, *vaihdella*, по мнению носителей, использовать нельзя.

- (64) a. *Elämä vaiht-ele-e / muuttu-u koko aja-n: hyv-i-ä*
 жизнь менять-FREQ-3SG менять-3SG весь время-GEN хороший-PL-PART
päiv-i-ä, huono-ja päiv-i-ä, ja niin edelleen.
 день-PL-PART плохой-PART.PL день-PL-PART и так далее
 ‘Жизнь все время меняется: хорошие дни, плохие дни и так далее’.
 b. *Elämä *vaiht-ele-e / ^{OK}muuttu-u koko aja-n,*
 жизнь менять-FREQ-3SG менять-3SG весь время-GEN
tule-e oudo-mma-ksi ja oudo-mma-ksi.
 приходит-3SG странный-COMP-TRA и странный-COMP-TRA
 ‘Жизнь все время меняется, становится все страннее и страннее’.

Как можно заметить из примеров выше, ситуация колебательного изменения схожа скорее с **модификацией**, чем с **заменой**, что подтверждается и допустимостью глагола *muuttaa* в этих контекстах.

Кроме того, колебательное изменение обладает тем же набором участников, что и **модификация** (однако, т. к. речь идет о многократном изменении, объект и результат итеративно заменяются на новые). При этом глагол *vaihdella* в данном значении является одноместным и может выражать только ОБЪЕКТ. Таким образом, те контексты, которые покрывает глагол *vaihdella*, выделяются в особый подкласс ситуаций внутри фрейма **модификации**.

Глагол *vaihdella* в некомпозициональном значении также описывает ситуацию варьирования (65), где значение одного и того же свойства различается у идентичных объектов. Этот контекст не столько соответствует ситуации изменения, сколько выражает идею различия между сравниваемыми объектами. Данный факт подтверждается невозможностью употребления в этом значении глагола *muuttaa*: носители отмечают, что *muuttaa* в таких контекстах будет интерпретироваться как последовательное перемещение одного и того же объекта из одних условий в другие (например, цена одного и того же товара различается в разных магазинах).

- (65) *Tämä-n esinee-n hinta saatta-a vaihd-el-la kauppo-jen välillä.*
 этот-GEN предмет-GEN цена мочь-3SG менять-FREQ-INF магазин-GEN.PL между
 ‘Цена этого товара может варьироваться в зависимости от магазина’.

Правда, в более абстрактных контекстах граница между различием и изменением оказывается существенно размыта: один и тот же контекст может допускать обе интерпретации. Так, ситуация (66) может пониматься как различие смысла в разных контекстах, а может — как изменение смысла при употреблении слова в другом контексте:

- (66) *Sana-n tai ilmaukse-n merkitys voi vaihd-el-la tekstiyhteyde-n mukaan.*
 слово-GEN или выражение-GEN значение мочь.3SG менять-FREQ-INF контекст-GEN согласно
 ‘Смысл слова или выражения может различаться в зависимости от контекста’ [Glosbe].

Таким образом, статическая ситуация различения может описываться как динамическая ситуация изменения (ср. *Дорога повернула направо* в [Апресян 1986], где глаголом движения описывается направление дороги, т. е. ее параметр, статическая ситуация). Схожесть этих интерпретаций и использование глагола *vaihdella* в контекстах типа (66), не предполагающих ситуации изменения, позволяют выдвинуть предположение, что поля ‘менять’ и ‘различаться’ являются смежными, а варьирование — контекст, общий для обоих полей.

И *muutella*, и *vaihdella* в композициональных значениях расцениваются носителями как разговорные. Это же верно для *muutella* в контексте изменения порядка. Однако у *vaihdella*, по-видимому, сформировались некомпозициональные употребления в ситуациях колебательного изменения и варьирования. **Колебательное изменение** представляет собой микрофрейм внутри фрейма модификации и входит в поле ‘менять’, тогда как варьирование находится на периферии и не включается в список фреймов.

4.3. Глагол *korvailla*

Korvata, как и другие два рассматриваемых глагола, может образовывать фреквентативный дериват *korvailla*.

- (67) *Esimerkki-nä ajatus siitä, että työnantaja-n pitä-isi korva-il-la*
 пример-ESS мысль этот.ELA что работодатель-GEN быть.должным-COND.3SG менять-FREQ-INF
si-tä ja tä-tä, kun henkilö sattuu halua-ma-an laps-i-a.
 этот-PART и тот-PART когда человек случаться-3SG хотеть-3INF-ILL ребенок-PL-PART
 ‘Например, мысль о том, что работодателю следует возмещать то одно, то другое, когда работнику случится захотеть детей’ [Glosbe].

Эта лексема практически не употребляется, в отличие от *muutella* и *vaihdella* (154 вхождения в корпусе [Vorin et al. 2012] против 41 642 и 425 837 соответственно), и не зафиксирована в словарях. Кроме того, ни один из опрошенных носителей не использовал ее при построении предложений. Мы предполагаем, что значение образованного (вероятно, окказионально) глагола композиционально и отличается от значения *korvata* только множественностью действия. Заметим, однако, что ОБЪЕКТ-2 при глаголе *korvailla* может чаще не выражаться, что, скорее всего, объясняется обобщенным характером ситуации: из контекста не следует, на что именно заменяется исходный объект, в каждой ситуации может быть предложен набор разных объектов.

5. Заключение

В настоящей работе были рассмотрены способы лексикализации ситуаций семантического поля ‘менять’ в финском языке. Учитывая данные финского языка, а также материалы пилотного типологического исследования, мы предлагаем следующую модель карты поля. На ней мы отражаем основные фреймы и распределение по ним финских глаголов. Ребра между фреймами отражают возможность колексификации этих фреймов. Подробнее о графовых семантических картах см. в [Рахилина, Резникова 2013: 13—17]. Фреквентативные глаголы мы не наносим на карту, т. к. их дистрибуция внутри поля совпадает с дистрибуцией соответствующих им производных глаголов.

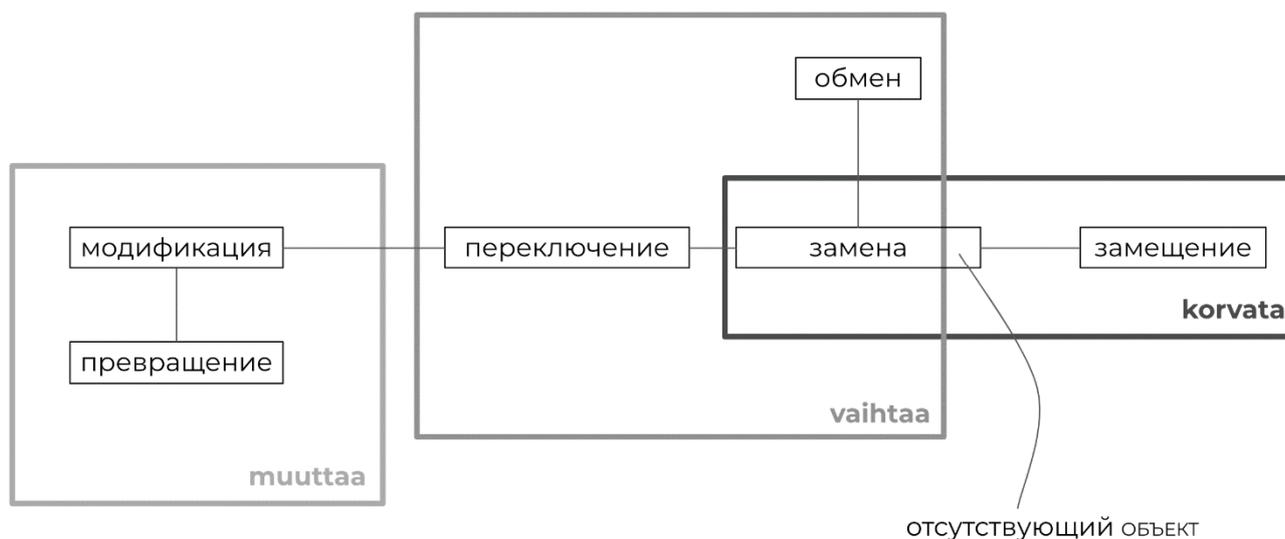

Рис. 1. Семантическая карта поля ‘менять’ в финском языке

Ключевым параметром, существенным для распределения глаголов в семантическом поле ‘менять’ в финском языке, является локус ситуации. Ситуация, локализованная внутри ОБЪЕКТА, кодируется глаголом *muuttaa*, а ситуация, затрагивающая два ОБЪЕКТА, — глаголами *vaihtaa* и *korvata*. Фрейм **переключения** занимает промежуточное положение между **модификацией** и **заменой**. С одной стороны, локус ситуации находится внутри одного участника — ПАРАМЕТРА. С другой стороны, изменение затрагивает и СУБЪЕКТ, поскольку ПАРАМЕТР и СУБЪЕКТ связаны посессивным отношением. Контексты **переключения** колексифицируются с другими контекстами глагола *vaihtaa*.

В ситуации, в которой задействованы более двух участников (субъект и объект), базовым глаголом является *vaihtaa*. Так, он распространяется на фреймы **обмена**, **замены** и **переключения**. *Korvata* — специальная лексема для фрейма **замещения**, она также покрывает некоторые контексты **замены**. Можно выделить три параметра, которые определяют использование глагола *korvata* в этом фрейме:

- 1) неидентичность ОБЪЕКТА и ОБЪЕКТА-2;
- 2) физическое отсутствие ОБЪЕКТА;
- 3) нефункциональность ОБЪЕКТА.

Нам представляется, что перечисленные выше условия объединяет то, что они описывают отклонения от прототипической ситуации замены. Таким образом, прототипическую ситуацию замены можно определить как включающую трех отдельных участников: СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ и ОБЪЕКТ-2 (ОБЪЕКТ и ОБЪЕКТ-2, как правило, идентичны). В случае физического отсутствия ОБЪЕКТА использование *vaihtaa*, по мнению большинства носителей, недопустимо.

Помимо лексического противопоставления фреймов, в финском языке наблюдается противопоставление **замены** и **переключения** на уровне конструкций, а именно по способу маркирования прямого объекта при глаголе *vaihtaa*: в ситуации **замены** используется генитивное, а в ситуации **переключения** — партитивное падежное маркирование.

Данные финского языка представляют интерес для дальнейшего изучения семантического поля ‘менять’ в типологической перспективе. Во-первых, было обнаружено, что лексемы поля ‘менять’ покрывают значения смежных полей ‘перемещать’ и ‘различаться’. В первом случае изменение положения предмета в пространстве кодируется как его модификация. Пересечение с ‘различаться’ интересно еще и

в том отношении, что свидетельствует о нечетких границах между полями, т. к. некоторые контексты можно интерпретировать как принадлежащие как к одному, так и к другому полю (см. раздел 2.3). В основе этой смежности лежит метафора описания статической ситуации различия как динамической — изменения.

Фрейм **превращения**, который в финском языке колексифицируется с фреймом **модификации**, в некоторых других языках покрывается лексемой из поля ‘вращение’, что также указывает на смежность двух полей. При этом если, например, в русском наблюдается лексическое противопоставление фреймов **превращения** и **модификации** (ср. *превращать* vs. *менять*), то в финском их разграничение представляется невозможным.

Во-вторых, финский материал позволяет выделить в поле ‘менять’ еще один фрейм — **переключение**, который оказывается релевантным и для описания ряда языков, в частности сербского и норвежского. Заметим, что как в финском, так и в других рассмотренных нами языках не существует особой лексемы для фрейма **переключения**, но наблюдается его частичная колексификация с фреймом **замены**.

Таким образом, наше исследование финской системы лексикализации поля ‘менять’ может служить отправной точкой для дальнейших типологических и конкретно-языковых исследований этого поля.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IMPER — императив
ABL — аблатив	IMPS — субъектный имперсонал
ACC — аккузатив	INDEF — неопределенный артикль
ACT — активное причастие	INE — инессив
ADD — аддитивная клитика	INF — инфинитив
ADE — адессив	N — номинализация
ALL — аллатив	NEG — отрицание
COMP — компаратив	PART — партитив
COND — кондиционал	PFV — перфектив
CONNNEG — коннегатив	PL — множественное число
DECAUS — декаузатив	POSS — посессивность
DEF — определенный артикль	PRS — настоящее время
ELA — элатив	PST — прошедшее время
ESS — эссив	PTCP — причастие
FREQ — фреквентатив	Q — вопросительная клитика
GEN — генитив	SG — единственное число
ILL — иллатив	TRA — транслатив

Литература

Апресян 1986 — Ю. Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986, 5. С. 272—298.

Вагизиева, Толдова 2023 — Н. А. *Вагизиева*, С. Ю. *Толдова*. Глаголы со значением изменения/мены в кадарском и в литературном даргинском. Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике». Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 28—29 апреля 2023 г.

Горшкова, Чубарова 2021 — Ю. А. *Горшкова*, Л. И. *Чубарова*. К лексической типологии глаголов замены: данные французского языка // Восьмая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Тезисы конференции (ИЯз РАН, 25—27 марта 2021 г.). М.: Институт языкознания, 2021. С. 17—18.

Леонова, Бакланов 2023 — П. И. *Леонова*, А. Е. *Бакланов*. Меняемся по-норвежски: структура поля МЕНЯТЬ в норвежском языке (и некоторые сопоставления с русским). Доклад на XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 4—14 апреля 2023 г.

Майсак, Рахилина (ред.) 2007 — Т. А. *Майсак*, Е. В. *Рахилина* (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007.

Маринина 2022 — В. В. *Маринина*. Глаголы семантической зоны ‘менять’ в ижемском диалекте коми языка. Курсовая работа бакалавра. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022.

- Рахилина, Некушоева 2020 — *Е. В. Рахилина, Ш. С. Некушоева*. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI (1). С. 579—608.
- Рахилина, Резникова 2013 — *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова*. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013, 2. С. 3—31.
- Резникова 2022 — *Т. И. Резникова*. Глаголы прятания: типология систем // *Вопросы языкознания*. 2022, 4. С. 66—94.
- Резникова и др. 2020 — *Т. И. Резникова, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова*. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI. С. 9—63.
- Рыжова, Багиорова 2022 — *Д. А. Рыжова, И. Г. Багиорова*. Глаголы прятания и особенности их оформления локативными аффиксами в адыгейском языке // *Вопросы языкознания*. 2022, 4. С. 95—114.
- Федоров 2023 — *Д. Г. Федоров*. Поле ‘менять’ в сербском языке. Доклад на семинаре НУГ «Лексико-типологические исследования». Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Школа лингвистики), 11 апреля 2023 г.
- Шерстюк, Резникова 2021 — *А. Ю. Шерстюк, Т. И. Резникова*. О семантической непрерывности: поле ‘толкать’ в славянских языках // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2021, 5 (80). С. 21—33.
- Borin et al. 2012 — *L. Borin, M. Forsberg, J. Roxendal*. Korp — the corpus infrastructure of Språkbanken. Proceedings of LREC 2012. Istanbul: ELRA, 2012. P. 474—478. URL: <https://www.kielipankki.fi/korp/#?cqp=%5B%5D&corpus=&lang=en>.
- François 2008 — *A. François*. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // *M. Vanhove* (ed.). *From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations Studies in Language Companion Series*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163—215.
- Glosbe — Multilanguage online-dictionary Glosbe. URL: <https://ru.glosbe.com> (accessed on 2023-02-17).
- Häkkinen 2005 — *K. Häkkinen*. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Juva: WS Bookwell Oy, 2005.
- Hakulinen et al. 2004 — *A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen, I. Alho*. Ison suomen kielipin verkoversio. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>. 2004.
- Karlsson 1999 — *F. Karlsson*. *Finnish. An Essential Grammar*. London; New York: Routledge, 1999.
- Krifka 1989 — *M. Krifka*. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // *R. Bartsch, J. F. A. K. van Benthem, P. van Emde Boas* (eds.). *Semantics and Contextual Expression*. Dordrecht: Foris Publications, 1989. P. 75—115.
- KTS 2022 — *Kielitoimiston sanakirja*. Helsinki: Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu 35. URL: www.kielitoimistonsanakirja.fi. 2022.
- Rzymiski, Tresoldi et al. 2019 — *Ch. Rzymiski, T. Tresoldi et al.* The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. URL: <https://clics.clld.org>. 2019.
- Sherstyuk, Reznikova 2022 — *A. Sherstyuk, T. Reznikova*. Semantic Continuity in a Cross-Linguistic Perspective: Evidence from Slavic Verbs of Pulling and Pushing // *Jezikoslovni zapiski*. 2022, 1. P. 55—67.

References

- Apresyan 1986 — *Yu. D. Apresyan*. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira. In: *Semiotika i informatika*. 1986, 5. S. 272—298. {Yu. D. Apresyan. Deixis in lexis and grammar and the naive world model. In: *Semiotics and informatics*. 1986, 5. P. 272—298.}
- Borin et al. 2012 — *L. Borin, M. Forsberg, J. Roxendal*. Korp — the corpus infrastructure of Språkbanken. Proceedings of LREC 2012. Istanbul: ELRA, 2012. P. 474—478. URL: <https://www.kielipankki.fi/korp/#?cqp=%5B%5D&corpus=&lang=en>.
- Fedorov 2023 — *D. G. Fedorov*. Pole ‘menyat’ v serbskom yazyke. Doklad na seminaru NUG “Leksiko-tipologicheskie issledovaniya”. Moskva, Natsional'nyi issledovatel'skii universitet “Vysshaya shkola ehkonomiki” (Shkola lingvistiki), 11 aprelya 2023 g. {D. G. Fedorov. Verbs of change in Serbian. Talk at the seminar of the Research group “Lexical Typology”. Moscow, HSE University (School of Linguistics), April 11, 2023.}
- François 2008 — *A. François*. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. In: *M. Vanhove* (ed.). *From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations Studies in Language Companion Series*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163—215.
- Glosbe — Multilanguage online-dictionary Glosbe. URL: <https://ru.glosbe.com> (accessed on 2023-02-17).
- Gorshkova, Chubarova 2021 — *Yu. A. Gorshkova, L. I. Chubarova*. K leksicheskoi tipologii glagolov zameny: dannye frantsuzskogo yazyka. In: *Vos'maya konferentsiya-shkola “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh”*. Tezisy konferentsii (IYaz RAN, 25—27 marta 2021). Moskva: Institut yazykoznaniiya, 2021. S. 17—18. {Yu. A. Gorshkova,

L. I. Chubarova. Towards lexical typology of the verbs of change: data from French. In: 8th conference “Language issues: a young scholars’ perspective”. Abstracts (ILing RAS, March 25—27, 2021). Moscow: Institut yazykoznanija, 2021. P. 17—18.}

Häkkinen 2005 — K. Häkkinen. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2005.

Hakulinen et al. 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen, I. Alho. Ison suomen kieliopin verkkoversio. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>. 2004.

Karlsson 1999 — F. Karlsson. Finnish. An Essential Grammar. London; New York: Routledge, 1999.

Krifka 1989 — M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch, J. F. A. K. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.). Semantics and Contextual Expression. Dordrecht: Foris Publications, 1989. P. 75—115.

KTS 2022 — Kielitoimiston sanakirja. Helsinki: Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu 35. URL: www.kielitoimistonsanakirja.fi. 2022.

Leonova, Baklanov 2023 — P. I. Leonova, A. E. Baklanov. Menyaemysya po-norvezhski: struktura polya MENYAT' v norvezhskom yazyke (i nekotorye sopostavleniya s russkim). Doklad na XXIV Yasinskoi (Aprel'skoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva. Moskva, Natsional'nyi issledovatel'skii universitet “Vysshaya shkola ehkonomiki”, 4—14 aprelya 2023 g. {P. I. Leonova, A. E. Baklanov. Change in Norwegian: the structure of the semantic field of CHANGE in Norwegian (and some comparisons to Russian). Talk at XXIV Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow, HSE University, April 4—14, 2023.}

Maisak, Rakhilina (red.) 2007 — T. A. Maisak, E. V. Rakhilina (red.). Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya. Moskva: Indrik, 2007. {T. A. Maisak, E. V. Rakhilina (eds.). Lexical typology of AQUA-motion. Moscow: Indrik, 2007.}

Marinina 2022 — V. V. Marinina. Glagoly semanticheskoi zony ‘menyat’ v izhenskom dialekte komi yazyka. Kursovaya rabota bakalavra. Moskva, Natsional'nyi issledovatel'skii universitet “Vysshaya shkola ehkonomiki”, 2022. {V. V. Marinina. Verbs of the semantic field of change in Izhma dialect of Komi. Bachelor’s term paper. Moscow, HSE University, 2022.}

Rakhilina, Nekushoeva 2020 — E. V. Rakhilina, Sh. S. Nekushoeva. Sistema glagolov dvizheniya vni v shughnanskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020. T. XVI (1). S. 579—608. {E. V. Rakhilina, Sh. S. Nekushoeva. A system of verbs of moving down in Shughni. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. XVI (1). P. 579—608.}

Rakhilina, Reznikova 2013 — E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii. In: Voprosy yazykoznanija. 2013, 2. S. 3—31. {E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. Frame approach towards lexical typology. In: Voprosy Jazykoznanija. 2013, 2. P. 3—31.}

Reznikova i dr. 2020 — T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova. Glagoly padeniya v yazykakh mira: freimy, parametry i tipy system. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2020. T. XVI. S. 9—63. {T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova. Verbs of falling in languages of the world: frames, parameters and types of systems. In: Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2020. Vol. XVI. P. 9—63.}

Reznikova 2022 — T. I. Reznikova. Glagoly pryataniya: tipologiya sistem. In: Voprosy yazykoznanija. 2022, 4. S. 66—94. {T. I. Reznikova. Verbs of hiding: typology of systems. In: Voprosy Jazykoznanija. 2022, 4. P. 66—94.}

Ryzhova, Bagirokova 2022 — D. A. Ryzhova, I. G. Bagirokova. Glagoly pryataniya i osobennosti ikh oformleniya lokativnymi affiksami v adygeiskom yazyke. In: Voprosy yazykoznanija. 2022, 4. S. 95—114. {D. A. Ryzhova, I. G. Bagirokova. Verbs of hiding and peculiarities of their locative marking in Adyghe. In: Voprosy Jazykoznanija. 2022, 4. P. 95—114.}

Rzymiski, Tresoldi et al. 2019 — Ch. Rzymiski, T. Tresoldi et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. URL: <https://clics.clld.org>. 2019.

Sherstyuk, Reznikova 2021 — A. Yu. Sherstyuk, T. I. Reznikova. O semanticheskoi nepreryvosti: pole ‘tolkat’ v slavyanskikh yazykakh. In: Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2021, 5 (80). S. 21—33. {A. Yu. Sherstyuk, T. I. Reznikova. Of semantic continuity: verbs of pushing in Slavic languages. In: The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2021, 5 (80). P. 21—33.}

Sherstyuk, Reznikova 2022 — A. Sherstyuk, T. Reznikova. Semantic Continuity in a Cross-Linguistic Perspective: Evidence from Slavic Verbs of Pulling and Pushing. In: Jezikoslovni zapiski. 2022, 1. P. 55—67.

Vagizieva, Toldova 2023 — N. A. Vagizieva, S. Yu. Toldova. Glagoly so znacheniem izmeneniya/meny v kaderskom i v literaturnom darginskom. Doklad na konferentsii “Malye yazyki v bol'shoi lingvistike”. Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, 28—29 aprelya 2023 g. {N. A. Vagizieva, S. Yu. Toldova. Verbs of change in Kadar and literary Dargwa. Talk at the conference “Minor languages in big linguistics”. Moscow, Lomonosov MSU, April 28—29, 2023.}

Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Консонантизм

Новак Ирина Петровна, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); novak@krc.karelia.ru

Статья является продолжением исследования фонетической системы говоров карельского языка с помощью алгоритма «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок, а именно их консонантизма. Источниковой базой для работы послужили лексические диалектные материалы 1979—1981 гг. по 24 говорам карельского и шести говорам вепсского языков, извлеченные из «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007). Таблицы рядов соответствий, предоставленные программой, позволили выявить основные диалектные различия карельского языка в области консонантизма. К ним в первую очередь следует отнести оппозицию по глухости/звонкости, дистрибуцию переднеязычных щелевых согласных, степень палатализации согласных, распределение согласных j/d' , вокализацию согласного l , сохранение/сокращение постсонорных и ауслатных геминат. Привлечение к анализу данных сомнительных рядов соответствий дало возможность более точно определить основные позиции функционирования отдельных из обнаруженных соответственных явлений, а также дополнить их список.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, диалектная классификация, анализ когнатов, междиалектное соответствие, фонетика, консонантизм

DETERMINING REGULAR PHONETIC CORRESPONDENCES IN THE KARELIAN DIALECTS. CONSONANTISM

Irina P. Novak, Institute of Linguistics, Literature and History of KarRC RAS (Petrozavodsk),
Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); novak@krc.karelia.ru

This article is a continuation of the study of the phonetic system of Karelian sub-dialects using the Cognate Analysis algorithm on LingvoDoc linguistic platform, more specifically, their consonantism. Source data for the study was lexical dialectal materials dating to 1979—1981 on 24 Karelian sub-dialects, sampled from the “Comparative Onomasiology Dictionary of Karelian, Veps, and Sami Dialects” (2007). A comparison of these data with corresponding material on six Veps sub-dialects gives ground to conclude that the Veps substrate has played the lead role in shaping the Livvi and Ludic Karelian supradialects. The correspondence series produced by the software in tabular form highlighted the main distinctions in consonantism between Karelian dialects. These include, first of all, voiced/voiceless opposition, distribution of front fricative consonants, degree of consonant palatalization, distribution of the consonants j / d' , vocalization of the consonant l , retention/contraction of geminates in post-sonorant and coda positions. Having involved uncertain correspondence series in the analysis, we managed to determine the main functional features of some correspondence phenomena more precisely and to expand their list. A comparison of the resultant vocalism and consonantism maps suggests a division of Karelian sub-dialects into two large zones: the Karelian Proper, comprising the northern, southern (Central Russia), and middle (Middle Karelia) sub-groups, and the Livvi-Ludic one, which falls into the Livvi and the Ludic subgroups depending on features of the vocalic system. The Ludic sub-dialect of Vlg. Gallezero occupied an intermediate position between them. The results of this study will be used in making a Karelian dialect classification based on linguistic data.

Keywords: Karelian language, dialectology, linguistic geography, dialectometry, dialectal classification, cognate analysis, inter-dialectal correspondence, phonetics, consonantism

Исследование проведено в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН. Работы по внесению и обработке словарей на платформе ЛингвоДок выполнены при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (рук. Ю. В. Норманская).

1. Введение

Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, посвященного анализу фонетической системы карельской диалектной речи [Новак, Норманская 2023], в ходе которого с целью решения актуальных проблем диалектологии карельского языка и переработки системы его диалектного членения с помощью алгоритма «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок были проанализированы карельские и вепские диалектные материалы «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепского и саамского языков» [СОСД 2007] и выявлен ряд междиалектных соответствий в области вокализма. К основным маркирующим карельские говоры явлениям были отнесены особенности систем расширяющихся и сужающихся дифтонгов, долгих гласных, конечных гласных имен, а также случаи отсутствия тембрового сингармонизма в людиковских диалектных материалах. Сводная картина распределения выявленных междиалектных соответствий (итоговая таблица и составленная на ее основе матрица) позволила разбить карельские говоры на четыре группы, которые совпали с делением на языки и наречия:

1) группа собственно карельских говоров с двумя подгруппами: северной (Княжая, Кестеньга, Калевала, Вокнаволок, Тунгуда) и южной (Реболы, Паданы, Юостозеро, Койкары, Селище, Валдай, Вьсьегонск, Толмачи);

2) группа ливвиковских говоров (Проккойла, Колатсельга, Видлица, Олонец);

3) группа людиковских говоров (Галлезеро, Святозеро);

4) группа вепских говоров (Шелтозеро, Каскесручей, Ошта, Озера, Войлахта, Сидорово).

Не вошли ни в одну из групп говоры п. Ондозеро (близок к соседним говорам Падан и Ребол), куста деревень Держа (близок к говору Ребол), с. Ведлозеро (близок к соседнему говору Видлицы), куста деревень Кондуши (близок к соседнему говору Олонца), с. Михайловское (близок к людиковским говорам).

В ходе настоящего этапа работы предполагается провести аналогичный анализ системы согласных звуков говоров карельского языка на базе тех же диалектных материалов, выявить основные диалектные различия карельской речи в области консонантизма, сопоставить полученные в ходе первого и второго этапов исследования результаты.

Инструмент «Анализ когнатов» сравнивает между собой согласные компоненты диалектных данных словарей в двух позициях: по начальному согласному и по согласному после гласного первого слога, учитывая при этом не только одиночные согласные, но также геминаты и сочетания согласных. По результатам автоматического сравнения материалов словарей программа предоставила таблицы надежных рядов соответствий, которые проявили основные диалектные различия карельской речи в области консонантизма. Работа с материалами сомнительных рядов позволила получить дополнительные сведения об условиях функционирования диалектно-дифференцирующих явлений.

2. Исследование карельского диалектного консонантизма

Первые описания основных отличий диалектных консонантных систем карельского языка, как и гласных, а также их анализ в синхронном и диахроническом аспектах были произведены в конце XIX — начале XX в. финскими исследователями А. Генетцом и Х. Оянсуу. В первой половине XX в. был опубликован целый ряд описаний отдельных групп карельских говоров, основанных на материалах интенсивной полевой работы. Результатом влияния младограмматизма стала ориентация на изучение фонетической системы карельского языка, или ее отдельных аспектов, в том числе диалектного консонантизма: А. Тункело «Puheäänellisen ja puheäänettömän loppukonsonantin vaihtelusta lyydiläismurteissa» («О чередовании звонкого и глухого конечного согласного в людиковских диалектах») (1925), Т. Лильеблад «Tunkuan murteen konsonantismi» («Консонантизм тунгудского диалекта») (1931), Я. Калима «Aunuksen -m- > -r-» («Переход -m- > -r- в олонецком наречии карельского языка») (1933), Э. Суова «Lyydiläismurteiden loppu-h: stä» («О конечном согласном h в людиковских диалектах») (1935), П. Виртаранта «Eteläkarjalaisten murteiden s» («Согласный s южнокарельских диалектов») (1946). Становлению консонантной системы людиковских говоров посвящен первый том исследования А. Турунена «Lyydiläismurteiden äännehistoria» («Историческая фонетика людиковских диалектов») (1946).

Во второй половине XX в., наряду с описанием отдельных диалектов (например, П. Виртаранта «Über den olonetzischen Konduši-Dialekt» («Об олонецком кондушском диалекте») (1973), М. Пахомов «Muinaisvepsän tytärkielten historiallista äänneoppia: Kuujärven lyydiläismurteen klusiilit astevaihtelusuhteineen» («Историческая фонетика дочернего языка древневепского языка: Смычно-взрывные согласные михайловского диалекта в отношении чередования ступеней согласных») (2000)), финские языковеды обратились к проблеме происхождения наречий карельского языка, важная роль уделялась

и особенностям их систем согласных: работы Т. Итконена «Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty» («Особенности фонетической системы олонечского наречия и рождение олонечских диалектов») (1971), Х. Лескинена «Vepsän, karjalan ja inkeröisen asemasta kolmen äännepiirteen valossa» («О положении вепсского, карельского и ижорского языков в свете трех фонетических особенностей») (1990) и др. В «Die Dialekte des Karelischen» («Диалекты карельского языка») П. Виртаранта к основным диалектным чертам карельской речи отнес дистрибуцию переднеязычных щелевых согласных [Virjaranta 1972].

В отечественной финнистике начало целенаправленного исследования карельской диалектной речи пришлось на 30-е гг. XX в. и связано с именем Д. В. Бубриха, организовавшего интенсивную работу по сбору материала для «Диалектологического атласа карельского языка». 57 карт атласа отражают диалектные особенности консонантных систем 186 говоров Карелии и Тверской области, в том числе 27 карт посвящены дистрибуции переднеязычных щелевых, 11 — палатализации, 4 — постсонорным геминатам, 4 — выпадению согласного *n* на конце слова, 3 — распределению согласных *j/d'*, 2 — оппозиции глухих/звонких согласных [Атлас 1997].

Описания систем согласных отдельных карельских диалектов представлены в работах А. А. Белякова, П. Палмеос, А. П. Баранцева, Д. В. Рягоева. Ряд исследований посвящен явлениям в области диалектного консонантизма: Д. В. Бубрих «Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах» (1947), А. П. Баранцев «О структуре консонантных групп в людиковском диалекте карельского языка» (1966), Л. Ф. Маркианова «Сочетаемость согласных в карельском языке» (2000), П. М. Зайков «Дистрибуция и фонологический статус /s/ и /š/ в диалектах карельского языка» (2014).

В пособиях по карельской диалектологии «Karjalan kielen murteoppii» («Диалектология карельского языка») (1987) и «Karjalan kielen murteet» («Диалекты карельского языка») (2017) П. М. Зайков выделяет следующие диалектные особенности карельских наречий в области консонантизма: оппозиция по глухости/звонкости, дистрибуция переднеязычных щелевых согласных, палатализация, употребление *j/d'* [Зайков 1987: 23—32; Zaikov 2017: 16—26].

Как показывает краткий обзор работ, анализу диалектных особенностей системы согласных карельского языка российскими и зарубежными лингвистами было уделено значительное внимание. Все же отдельные менее выраженные междиалектные соответствия остались за рамками исследований. Кроме того, отсутствуют работы обобщающего характера, в которых было бы дано целостное представление о поэтапной истории становления всех диалектно-дифференцирующих явлений в лингвогеографическом аспекте.

3. Регулярные междиалектные соответствия в области консонантизма

Артикуляционная классификация согласных карельского языка строится на основе таких признаков, как активный / пассивный действующий орган, образующий преграду, способ ее образования, поведение голосовых связок и сила шумовых составляющих. Фонетические свойства согласных зависят от их непосредственного окружения, что влечет к их различению на твердые и мягкие (таблица 1).

Таблица 1. Согласные фонемы карельского языка

По месту образования			Губные		Язычные				Гортанные	
			губно-губные	губно-зубные	переднеязычные		среднеязычные	заднеязычные		
					зубные	небно-зубные				
По способу образования			тв.	тв.	тв.	тв.	тв.	тв.	тв.	
Шумные	смычные	взрывные	гл.	p		t	t'			k
			зв.	b		d	d'			g
	аффрикаты	гл.			c				č	
		зв.							dž	
Сонозные	щелевые	срединные	гл.		f	s	s'	š		h
			зв.		v	z	z'	ž	j	
	смычные	носовые	зв.	m		n	n'			
		щелевые	зв.			l	l'			
	дрожащие		зв.					r	r'	
			зв.							

Финнисты реконструируют для прибалтийско-финского праязыка одиночные согласные **p, *t, *k, *c, *s, *h, *j, *m, *n, *l, *r, *v* [Kallio 2007: 230, 233]. К результатам влияния древнерусских диалектов на

древнекарельский язык они относят появление аффрикаты *č*, озвончение глухих согласных в звонком фонетическом окружении и распространение палатализации [Kalima 1934; Leskinen 1998: 357, 378—380].

В анлауте исконной карельской лексики встречаются главным образом *p, t, k, v, j/d', s/š, h, m, n, l, r*. Внутри слова возможны все согласные. В ауслауте — *h, l, n, r, s/š/z/ž, t/d* [Новак и др. 2019: 75]. Важно добавить, что в ливвиковских и людиковских, а также в собственно карельских держанских говорах инвентарь согласных (в том числе геминат и сочетаний согласных) конца слова более разнообразен, что объясняется выпадением конечного гласного.

В ходе развития языка консонантные системы карельских говоров приобрели некоторые отличия. Применение инструмента «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок к словарным материалам [СОСД 2007] позволило выявить ряд диалектных различий в области карельского диалектного консонантизма, которые в рамках статьи оформлены в виде таблиц, содержащих автоматически определенные программой ряды надежных соответствий, подкрепляемых примерами из сомнительных рядов (мелким шрифтом).

3.1. Оппозиция по глухости/звонкости

Оппозиция согласных по глухости/звонкости относится к непротивопоставленным диалектным различиям, поскольку встречается не во всех диалектах карельского языка. Анализируемое фонетическое соответствие послужило основанием для выделения севернокарельской и южнокарельской подгрупп собственно карельского наречия в диалектной классификации [Leskinen 1998: 376—378; Зайков 2000: 24].

Согласно результатам применения программы «Анализ когнатов» (таблица 2), севернокарельские говоры собственно карельского наречия (Княжая, Кестеньга, Калевала, Вокнаволок) демонстрируют полное отсутствие звонких согласных, в отличие от остальных привлеченных к исследованию карельских и вепских говоров. Лишь в собственно карельском говоре Тунгуды по сомнительным рядам было обнаружено два примера, демонстрирующих редкую возможность использования глухого согласного *k* (примеры 11—12).

Объясняемое результатом влияния фонетической системы древнерусского языка озвончение смычно-взрывных согласных, находящихся в звонком фонетическом окружении, относится феннистами к древнекарельскому этапу развития языка, на что указывает фиксация звонких согласных в писцовых книгах Водской пятины XVI—XVII вв. [Kalima 1934: 254—256; Tunkelo 1938: 21; Leskinen 1964: 98]. Следует добавить, что употребление звонких и полувзрывных согласных характерно и для диалектов ижорского языка [Лаанест 1966: 20—21]. В северных говорах карельского языка отсутствие анализируемой оппозиции может иметь архаичный характер (см. [Virtaranta 1972: 8]). Однако нельзя исключать, что восстановление в них глухих согласных из звонких является результатом более позднего влияния со стороны диалектов финского языка.

Если изначально в языке озвончению были подвержены лишь согласные компоненты середины слова, то современные диалектные материалы демонстрируют возможность использования звонких и **в позиции начала слова**, главным образом в заимствованной из русского языка лексике (примеры 67—77). Внимание к себе вновь привлекают севернокарельские диалекты собственно карельского наречия, в которых произошло оглушение звонких согласных в анлауте заимствованной лексики. Кроме того, озвончению подверглись начальные согласные отдельных исконных лексем в собственно карельских говорах д. Юстозеро, д. Койкары, с. Паданы, с. Реболы, а также в людиковских говорах (примеры 73, 77). А. Турунен объясняет явление воздействием звонких согласных середины слова, т. е. дистантной регрессивной ассимиляцией [Tugunen 1946: 48—52]. Стоит обратить отдельное внимание на то, что звонкие смычно-взрывные согласные в анализируемых позициях повсеместно представлены и в вепских говорах, что может указывать на возможность возведения явления к древневепскому языку.

Таблица 2. Оппозиция по глухости/звонкости¹

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вет.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Слр.	Перевод		
	[t]	[t]	[t]	[t]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]			
1	šituo	šituo	šituo	šituo	šiduo	šiduo	sidua	siduo	šiduo	šiduo	šidua	šiduo	šiduo	šiduo	šiduo	šiduu	siduo	sidua	siduo	sidua	sidua	sidja	šidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	связывать	
2	muta	muta	muta	muta	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	mudo	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	muda	ил		
3	matala	matala	matala	matala	madala	madala	madala	madala	madala	madala	madala	madala	madala	madala	madala	madal	madal	madal	madal	madal	madal	madal	madal	madal	madal	madal	madou	madal	madal	madaa	мелкий		
4	rauta	rauta	rauta	rauta	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	raud	raudu	raudu	raudu	raudu	raudu	raudu	raudo	raud	raude	raud	roud	roud	roud	roud	raud	raad	железо	
5	kataja	kataja	kataja	kataja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaja	kadaji	kadua	kadai	kadai	kadai	kadai	kadai	kadai	kadai	kadag	kadag	kadag	kadag	kadag	kadag	kadagi	можжеватель		
	[k]	[k]	[k]	[k]	[g/k] ²	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]			
6	jakua	jakua	jakua	jakua	jagua	d'agua	d'agaa	d'agua	d'agua	d'agua	jagua	jaguo	jagja	jagua	jaguu	d'agua	jagaa	jagoo	jagaa	jagua	jagja	d'agada	d'agada	d'agada	d'agada	d'agada	d'agada	g'agada	jagada	g'agada	jagada	делить	
7	šakie	šakie	šakie	šakie	šagie	šagie	šagia	šagie	sagei	sagei	šagie	šagie	šagie	šagie	šagii	sagie	sagie	sagie	sagie	sagie	sagie	saged	sagie	saged	saged	saged	saged	saged	saged	saged	густой		
8	ikä	ikä	ikä	ikä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	iga	igä	iga	iga	iga	iga	iga	iga	iga	возраст		
9	šuka	šuka	šuka	šuka	suga	suga	suga	suga	suga	šug	suga	suga	suga	suga	šug	suga	suga	suga	suga	suga	suga	sugo	šug	šug	šug	suga	suga	suga	suga	suga	гребень		
10	lako	lako	lako	lako	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	lago	полеглость		
11	joki	joki	joki	joki	joki	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	jogi	jogi	jogi	jogi	jog	d'ogi	jogi	jogi	d'ogi	jogi	joge	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	g'ogi	jogi	g'ogi	jogi	река	
12	akana	akana	akana	akana	akana	agana	agana	agana	agana	agano	agana	agana	agana	agana	agan	agan	agan	agan	agan	agan	agano	agan	agan	agan	aganod	aganod	aganod	aganod	aganod	aganod	высевки		
	[p]	[p]	[p]	[p]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]	[b]			
13	hepoñi	hepoñi	hepoñi	hepoñi	heboñe	heboni	hepoñi	hebone	hebone	hebo	heboñe	heboñe	heboñe	heboñe	heboñ	hebo	hebo	hebo	hebo	hebo	hebo	hebo	hebo	hebo	hebo	h'öbo	h'öbo	hebo	hebo	hebo	лошадь		
14	apie	apie	apie	apie	abie	abie	abia	abie	abie	abie	abie	abie	abie	abie	abei	abevus	abei	abevus	abei	abevus	abid	abei	abid	abid	abid	abid	abid	abid	abid	abid	обида		
15	repo	repo	repo	repo	rebo	rebo	rebo	rebo	rebo	rebo	rebo	rebo	rebo	rebo	reb	reboi	reboi	reboi	reboi	reboi	reboi	rebuo	rebuoi	rebuoi	rebuoi	rebuoi	rebji	rebji	reboi	reboi	rebji	rebaañe	лиса
16	ñapa	ñapa	ñapa	ñapa	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñab	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñaba	ñabo	ñaba	ñaba	naba	naba	naba	naba	ñaba	naba	пуп		
17	leipä	leipä	leipä	leipä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibü	leibü	leibü	leibü	leibü	leibü	leibö	leib	leibe	leib	lijb	lijb	lijb	lijb	leib	leib	хлеб	
	[lt]	[lt]	[lt]	[lt]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	[ld]	?	[ld]	[ld]	[ld]	?	?	?	?	?	?			
18	iltañi	iltañi	iltañi	iltañi	ildañe	ildañi	ildañi	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañi	ildaine	ildane	ildaine	ildaine	ildaine	ildaine	ildaine	ildaine	ildañe							ужин		
19	keltani	keltani	keltani	keltani	keldañe	keldani	keldani	keldañe	keldañe	keldaine	keldañe	keldañe	keldañe	keldañe	keldani	keldaine	keldane	keldaine	keldaine	keldaine	keldaine	keldaine	keldaine								желтый		
20	ilta	ilta	ilta	ilta	ilda	ilda	ilda	ilda	ilda	ilda	ilda	ilda	ilda	ilda	ild	ildu	ildu	ildu	ildu	ildu	ildu									вечер			
21	mulda	mulda	mulda	mulda	mulda		mulda	mulda	mulda	mulda	mulda			mulda		muldu	muldu	muldu	muldu	muldu	muldu										почва		

¹ Таблица в статье представлена в сокращенном виде. Программой «Анализ когнатов» по оппозиции по глухости/звонкости были сформированы длинные ряды соответствий (более 100 примеров). Шапки таблиц здесь и далее залиты разными цветами в соответствии с традиционным в финнестике делением анализируемых говоров на группы: темно-зеленый — севернокарельские говоры, зеленый — южнокарельские говоры Карелии, светло-зеленый — южнокарельские говоры Центральной России собственно карельского наречия; оранжевый — говоры ливвиковского наречия; розовый — говоры людиковского наречия; синий — говоры вепсского языка. В таблицах для наглядности произведена заливка примеров, обнаруживающих наличие междиалектных соответствий.

² Биение выделяется в тех случаях, когда менее выраженный член соответствия встречается более чем в 10 % примеров.

№	Киж.	Кет.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Слр.	Перевод	
	[nt]	[nt]	[nt]	[nt]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	[nd]	
22	kanto	kanto	kanto	kanto	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kando	kand	kand	kand	kand	kand	kand	kand	kand	пень
23	pinta	pinta	pinta	pinta	pinda		pinda		pinda	pinda	pinda			pinda		pindu	pindu	pindu	pindu	pindu		pind	pinde	pind	pind	pind	pind	pind	pind	pind	заболонь	
24	mäntü	mäntü	mäntü	mäntü	mändü	mändü	mändü	mändü	mändü	mändü		mändü		mändü		mändü	mändü	mändü	mändü	mändü		mändü	mändü	mänd							сосна	
25	pentu	pentu	pentu	pentu	pendu	pendu	pendu	pendu	pendu	pendu	pendu	pendu		pendu		pendu	pendu	pendu	pendu	pendu		pendu	pendu							щенок		
26	rinta	rinta	rinta	rinta		rinda	rinda	rinda		rinda	rinda					rindu	rindu					rinde	rinde	rind	find	find	find	find	find	findhad	грудь	
	[rt]	[rt]	[rt]	[rt]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	[rd]	
27	parta	parta	parta	parta	parda	parda	parda	parda	barda	barda	parda	parda	parda	parda	pard	pardu	pardu	pardu	pardu	pardu	pardu	pardo	bard	barde	bard	bard	bard	bard	bard	bard	борода	
28	pirta	pirta	pirta	pirta	pierda	pirda	pirda	pirda	pirda	birda	pirda	pirda	pirda	pirda	pird	pirdu	pirdu	pirdu	pirdu	pirdu	pirdu	pirdo	bird	birde	bird	bird	bird	bird	bird	bird	бёрдо	
29	merta	merta			merda		merda	merda	merda	merda	merda	merda	merda	merda		merdu	merdu	merdu	merdu	merdu		merdu	mjordaine	merd	merdaaŋe	merd	merd	merd	merd	мережа		
30	šortuo	šortuo	šortuo	šortuo	šorduo		sordua	sorduo	sordua	sorduo	šordua					sorduo	sorduo	sorduo	sordua	sorduo		sorduda	sorduda							падать		
31	vartalo	vartalo	vartalo	vartalo	vardalo		vardalo	vardalo	vardalo			vardalo	vardalo	vardilo	vardalo															туловище		
	[lk]	[lk]	[lk]	[lk]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[lg]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	[g]	
32	valkie	valkie	valkie	valkie	valgie	valgie	valgia	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgei	valgei	valgei	valgei	valgei	valgei	valgei	valged	valgei	vauged	vauged	vauged	vauged	vauged	vauged	ваугод	белый
33	šulka	šulka	šulka	šulka	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga		šulga	šulga		šulgu	šulgu	šulgu	šulgu	šulgu		šulg	šulge	šuuŋ	šuuŋ	šuuŋ	šuuŋ	šuuŋ	šuuŋ	шүүг	перо	
34	olkapiä	olkapiä	olkapiä	olkapiä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupee	olgupiä	olgopiä	olgupie	olgupöä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupee	olgupeä	olgupää	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	ouganpiä							плечо	
35	šalko	šalko	šalko	šalko	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo											стожар	
36	šolki	šolki	šolki	šolki	šolgi	šolgi	šolgi	šolgi		šolgu	šolgi	šolgi		šolgi									šolgu							ширина полотна		
	[rk]	[rk]	[rk]	[rk]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	[rg]	
37	korkie	korkie	korkie	korkie	korgie	korgie	korgia	korgie	korgie	korgie	korgie	korgie	korgie	korgie	korgii	korgei	korgei	korgei	korgei	korgei	korgei	korgei	korged	korgei	korged	korged	korged	korged	korged	korged	высокий	
38	karkie	karkie	karkie	karkie	kargie	kargie	kargia	kargie	kargie	kargie	kargie	kargie	kargie	kargie	kargii	kargei	kargei	kargei	kargei	kargei	kargia	karged	kargei	karged	karged	karged	karged	karged	karged	горький		
39	härkä	härkä	härkä	härkä	härgä	härgä			härgä	härgä		härgä	härgä	härgä	härg							härg	härge	härg	härg	härg	härg	härg	härg	бык		
40	šarka	šarka	šarka	šarka	šarga	šarga	šarga		sarga	sarga	šarga	šarga	šarga	šarga	šarg	sargu	sargu		sargu		sargo									сукно		
	[nk]	[nk]	[nk]	[nk]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	[ng]	
41	hanki	hanki	hanki	hanki	hangi	hangi	hangi	hangiene	hangi	hangi	hangi	hangi	hangi			hangi	hangi	hangi	hangi	hangi	hange	hangi	hangi	hang	hang	hang	hang	hang	hang	наст		
42		renki	renki	renki	rengi					rengi	rengi	rengi	řengi	rengi	řengi	rengi	rengi	rengi	rengi	rengi	rengi	rengi	rengi	rengi						ведро		
43	hanka	hanka	hanka	hanka	hanga	hanga	hanga	hanga	hanga							hangu	hangačču	hangu	hangačču	hangačču											уклучина	
	[mp]	[mp]	[mp]	[mp]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	[mb]	
44	ampuo	ampuo	ampuo	ampuo	ambuo	ambua	ambua	ambua	ambua	ambuo	ambua	ambuo	ambuo	ambuo	ambuu	ambua	ambua	ambuo	ambua	ambua	ambua	ambja	ambuda	ambuda	ambuda	ampta	ampta	ampta	ampta	ампта	стрелять	
45	lampi	lampi	lampi	lampi	lambi	lambi	lambi	lambi	lambi	lambi	lambi					lambi	lambi	lambi	lambi	lambi	lambi		lambi	lambi						лампа		
46		šumpa	šumpa	šumpa		sumba		šumbo	sumba	sumba						sumbu	sumbu	sumbu	sumbu	sumbu		sumb	sumbe							плотный		
	[rp]	[rp]	[rp]	[rp]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	?	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	[rb]	
47	tarpuo	tarpuo	tarpuo	tarpuo	tarbuo		tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo		tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo	tarbuo		tarboda	tarboda	tarbuota	tarbjiida	tarbjiida	tarboida	tarboida	tarboida	tarbooda	ботать
48	turpa	turpa	turpa	turpa	turba	turba	turba	turba	turba	turba	turba	turba	turba	turba	turba	turbu	turbu	turbu	turbu	turbu	turbu		turb	turbe						морда		
49	varpa	varpa	varpa	varpa	varba		barba	barba	barba	varba				varba		varbu	varbu	varbu	varbu	varbu	varbu		barb	barbe	barb			barb	barb	barb	ветка	

3.2. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных

К важнейшему фонетическому признаку, маркирующему группы говоров карельского языка, относится дистрибуция переднеязычных щелевых согласных (*s/š, z/ž*). Выбор свистящего или шипящего согласного в них зависит от нескольких факторов: позиции в слове (начало, середина или конец слова), качества гласных слова (переднерядная или заднерядная огласовка), фонетического окружения (после гласного *i* или дифтонга на *i*, перед гласным *i*, в составе сочетания согласных). К тому же в разных говорах эти факторы выступают в отличных комбинациях [Новак 2021].

Программа «Анализ когнатов» на основе привлеченных к исследованию данных предоставила следующие ряды соответствий.

В позиции начала слова:

1) перед гласными заднего ряда (таблица 3, примеры 1—53; рис. 1а):

— в ливвиковских и людиковских говорах, а также в собственно карельском говоре д. Койкары выступает свистящий согласный (как и в вепском языке);

— в собственно карельских Княжой, Кестеньге, Калевале, Вокнаволоке, Тунгуде и Весьегонске используется исключительно шипящий; собственно карельский говор д. Юостозеро демонстрирует переходный характер явления с преимущественным использованием свистящего;

— в собственно карельских Реболах, Ондозере, Паданах, Селище и Валдае, а также по сомнительным рядам в Держе и Толмачах доминируют шипящие согласные, но возможно и употребление свистящих. По общему количеству примеров Паданы и по сомнительным рядам также Селище и Держа демонстрируют переходный характер явления;

2) перед гласными переднего ряда (примеры 54—108; рис. 1б):

— в севернокарельских Кестеньге, Калевале и Вокнаволоке выступают исключительно шипящие;

— в вепских говорах представлены свистящие согласные;

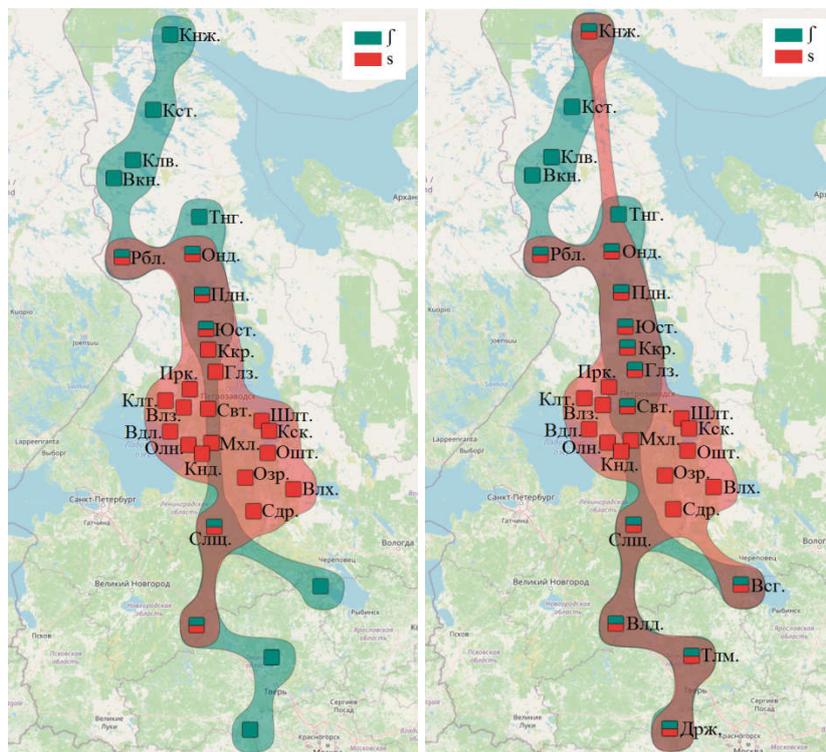

Рис. 1. Рефлексы прибалтийско-финского **s* в анлауте в позиции перед а) заднерядным гласным (левая карта); б) переднерядным гласным (правая карта)³

³ В статье представлены карты на отдельные явления, основанные исключительно на данных надежных рядов соответствий. Приняты следующие сокращения: собственно карельские говоры: Кнж. — Княжая, Кст. — Кестеньга, Клев. — Калевала, Вкн. — Вокнаволоке, Тнг. — Тунгуда, Рбл. — Реболы, Онд. — Ондозеро, Пдн. — Паданы, Юост. — Юостозеро, Ккр. — Койкары, Слщ. — Селище, Влд. — Валдай, Всг. — Весьегонск, Тлм. — Толмачи, Држ. — Держа; ливвиковские говоры: Прк. — Проккойла, Клт. — Колатсельга, Влз. — Ведлозеро, Вдл. — Видлица, Олн. — Олонец, Кнд. — Кондуши; людиковские говоры: Глз. — Галлезеро, Свт. — Святозеро, Мхл. — Михайловское; вепские го-

— преимущественное употребление шипящих, но при наличии примеров со свистящими демонстрируют собственно карельские Княжая, Реболы (по одному примеру со свистящим), Тунгуда (единственный пример со свистящим в сомнительных рядах), Юостозеро, Селище, Валдай, Весьегонск, Толмачи, Держа и людиковское Галлезеро;

— наоборот, доминирующее использование свистящих наблюдается в собственно карельских Ондозере, Паданах, Койкарах, людиковском Святозере, а также по сомнительным рядам (единичные примеры) в людиковском Михайловском и всех ливвиковских говорах.

Переходный характер демонстрируют собственно карельские Койкары (по надежным рядам доминируют свистящие, а по сомнительным — шипящие), Весьегонск (по надежным рядам доминируют шипящие, а по сомнительным — свистящие), Юостозеро, Селище, а также людиковское Галлезеро.

Примеры 91—108 показывают сохранение анлаутной огласовки в заимствованной из русского языка лексике.

В середине слова в интервокальном положении:

1) по позиции после гласного *i* (таблица 4, примеры 1—9; рис. 2а) говоры разделились на следующие группы:

— собственно карельские северные говоры, Реболы, Ондозеро, Селище, Валдай, Держа с использованием исключительно свистящих согласных *s, z*;

— ливвиковский говор куста деревень Кондуши и все вепские говоры с шипящим *ž*;

— собственно карельские говоры д. Тунгуда, г. Весьегонск, с. Толмачи, а также ливвиковский говор д. Проккойла с преимущественным использованием свистящего согласного;

— собственно карельские говоры с. Паданы, д. Юостозеро, д. Койкары, ливвиковские говоры с. Коллатсельга, с. Ведлозеро, с. Видлица, г. Олонек и все людиковские говоры с доминированием шипящего согласного. Следует добавить, что по соотношению примеров говоры Падан и Юостозера демонстрируют скорее переходный характер явления;

2) в позиции перед гласным *i* в словах заднерядного вокализма:

— в собственно карельских говорах (кроме Койкар и Селища) и в людиковском Галлезере употребляются шипящие согласные;

— в ливвиковских, вепских и людиковских говорах Святозера и Михайловского — свистящие;

— собственно карельские говоры д. Койкары (чаще свистящий) и по сомнительным рядам д. Селище (чаще шипящий) обнаруживают переходный характер явления (примеры 10—12; рис. 2б);

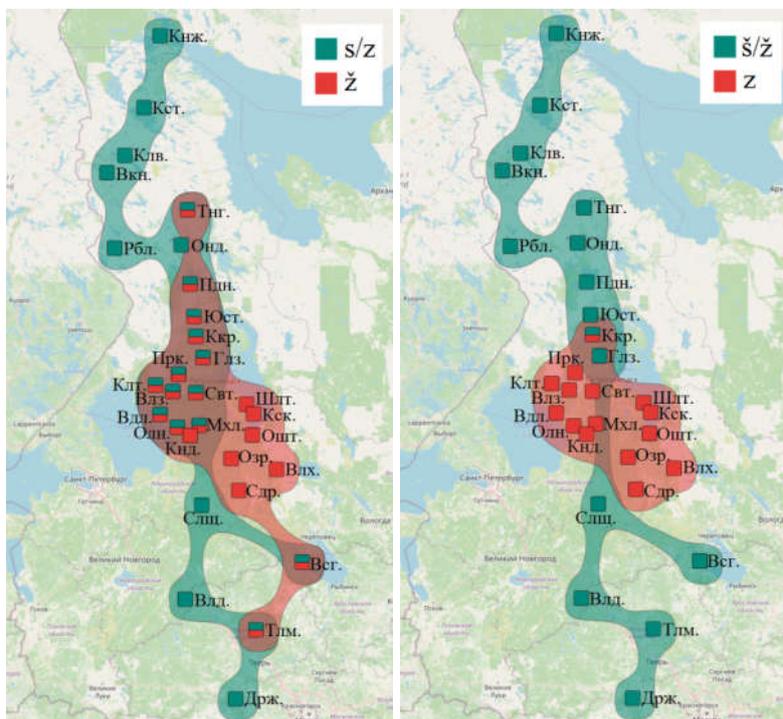

Рис. 2. Рефлексы прибалтийско-финских: а) **is* (левая карта); б) **si* в словах заднерядного вокализма (правая карта)

воры: Шлт. — Шелтозеро, Кск. — Каскесручей, Ошт. — Ошта, Озр. — Озера, Влх. — Войлахта, Сдр. — Сидорово. Карты составлены с помощью инструмента «Поиск и построение карт» лингвистической платформы ЛингвоДок.

3) в позиции перед гласным *i* в словах переднерядного вокализма:

— в собственно карельском Юостозере и соседнем людиковском Галлезере отмечены исключительно шипящие согласные (примеры 13—15);

— в остальных собственно карельских говорах (без Койкар), ливвиковских Проккойле и Кондушах, людиковских Святозере и Михайловском, а также в вепских Шелтозере и Каскесручье — свистящие;

— в основной части ливвиковских говоров (Колатсельга, Ведлозеро, Видлица, Олонец) и в собственно карельском говоре д. Койкары представлен переходный характер явления, примеры с шипящими согласными обнаружены также в средне- и южновепских говорах. Поскольку диалектное различие выделилось лишь по сомнительным рядам, на карту оно не выносится;

4) в окружении переднерядных гласных (при отсутствии в непосредственной близости *i*) (примеры 16—18):

— в северных собственно карельских говорах и Весьегонске используются шипящие согласные;

— в собственно карельских говорах Тунгуды, Ондозера, Падан, Юостозера, Койкар, Селища, Толмачей, в ливвиковских говорах Проккойлы, Колатсельги, Видлицы, Кондуш, людиковских и вепских говорах — свистящие;

— собственно карельский говор с. Реболы, а также ливвиковские говоры с. Ведлозеро и г. Олонец демонстрируют использование обоих рефлексов. Дефицит примеров, даже несмотря на их отнесение к надежным рядам, не дает возможности составить карту ареалов, отражающих членов междиалектного соответствия;

5) в окружении заднерядных гласных (при отсутствии в непосредственной близости *i*) (примеры 19—26; рис. 3):

— в собственно карельских говорах Кестеньги, Калевалы, Вокнаволока, Ондозера, Валдая и Весьегонска представлены шипящие согласные. К ним присоединяются также Тунгуда, Реболы, Селище и Толмачи, демонстрирующие возможность использования свистящих только по сомнительным рядам;

— во всех ливвиковских, людиковских и вепских, а также в собственно карельских Юостозере и Койкарах употребляются исключительно свистящие согласные;

— возможность использования обоих вариантов переднеязычных щелевых (с доминирующей ролью шипящих) демонстрируют Княжая, Паданы и Держа. Следует отметить, что в поздних заимствованиях из русского языка шипящие согласные встречаются во всех анализируемых говорах (примеры 27—28).

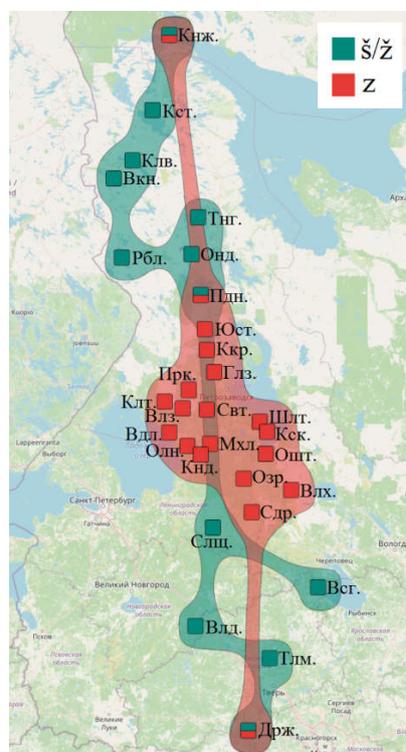

Рис. 3. Рефлексы прибалтийско-финского *VsV в словах заднерядного вокализма

В середине слова в составе сочетаний согласных:

1) в позиции после гласных, кроме *i*, независимо от рядности гласных слова (примеры 29—44; рис. 4а):

— в собственно карельских говорах (кроме Падан, Юостозера и Койкар) употребляются сочетания *šk*, *št*;

— в ливвиковских, людиковских и вепских говорах, а также в Койкарах и Юостозере — *sk*, *st*. По сомнительным рядам шипящий проявился в Койкарах, Юостозере, а также в людиковском Галлезере;

— собственно карельский говор с. Паданы демонстрирует единичные примеры использования обоих рефлексов щелевого согласного. Следует обратить внимание, что при заимствовании слов из русского языка щелевой согласный в них не изменяется (примеры 45—50);

2) в позиции после гласного *i* (**i*) по сомнительным рядам (примеры 51—53) в большей части собственно карельских говоров (кроме Падан, Койкар и Весьегонска) выступает сочетание *sk*. По говорам Центральной России д. Селище, г. Валдай и куста деревень Держа недостаточно примеров, чтобы сделать определенный вывод. В южных карельских наречиях (по говору Михайловского и вепским говорам нет информации), а также в собственно карельских Паданах, Койкарах и Весьегонске используется *šk*;

3) в сочетаниях согласных, в которых щелевой выступает в качестве второго компонента (**ks*, **rs*, **ns*, **ps*) (примеры 54—86, рис. 4b):

— в собственно карельских говорах Княжой, Кестеньги, Калевалы, Вокнаволока, Селища, Валдая и Толмачей используются шипящие согласные. В двух последних говорах в сомнительных рядах проявляются примеры со свистящими в сочетании *ps*;

— в ливвиковских говорах, людиковских Святозере и Михайловском, а также в вепских говорах представлены свистящие, однако в вепских говорах и Михайловском в сомнительных рядах опять же в сочетании *ps* обнаруживается шипящий;

— собственно карельские Тунгуда, Реболы, Ондозеро, Паданы, Весьегонск и Держа демонстрируют преимущественное использование шипящих в анализируемых сочетаниях, но при наличии свистящих;

— собственно карельские Юостозеро, Койкары и соседний с ними людиковский говор д. Галлезеро демонстрируют противоположную картину: доминируют свистящие при наличии шипящих. Правила распределения свистящих/шипящих здесь вновь не распространяются на поздние заимствования (примеры 87—88).

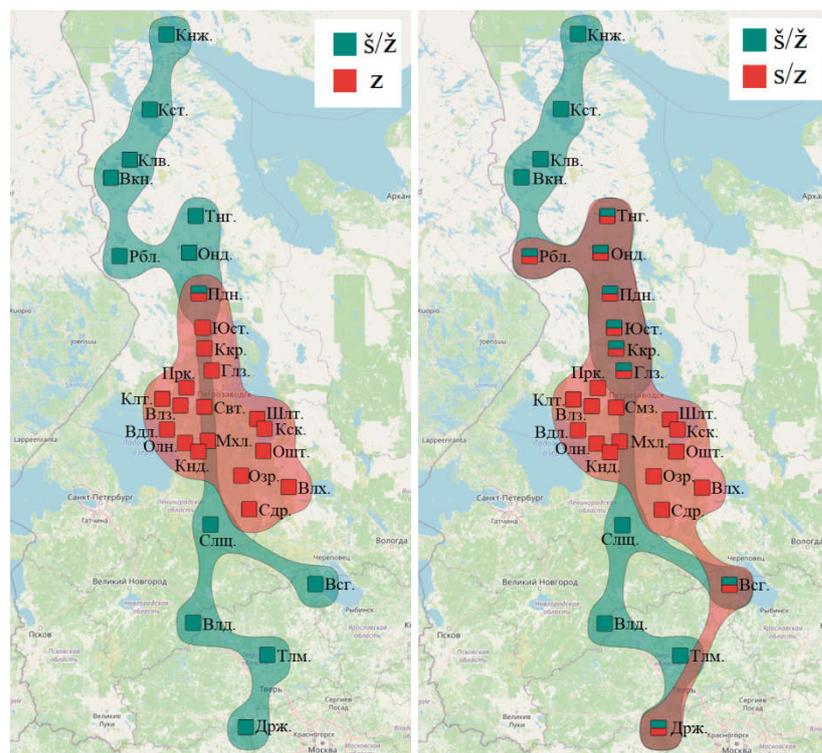

Рис. 4. Рефлексы прибалтийско-финских: а) **Vsk*, **Vst* (левая карта); б) **ks*, **rs* (правая карта)

Феннисты сходятся во мнении, что для прибалтийско-финского праязыка согласный *š* не был характерен (см., например, [Kallio 2007: 230; Lehtinen 2007: 137]). Наличие шипящих во всех карельских наречиях, а также в ижорских диалектах [Лаанест 1966: 54—58] позволяет возвести их появление в результате влияния фонетической системы древнерусских говоров к древнекарельскому периоду функционирования языка. Опять же, доказательством могут служить графемы *ж*, *ш*, зафиксированные в писцовых книгах [Kalima 1934: 255—256].

Материалы памятников карельской письменности демонстрируют, что в ливвиковских говорах начала XIX в. в начале слова представлены исключительно свистящие согласные, например *сидовь* ‘связывает’, *сюдальмь* ‘совесть’, *сáйтть* ‘родила’, *сүрень* ‘большой’. В середине слова также чаще используется свистящий, тогда как шипящий представлен только в позиции после гласного *i* (**i*), например *вэрзи* ‘совесть’, *у́зи* ‘новый’, *лáпси* ‘ребенок’, *кю́зюн* ‘спрашиваю’, *кóнзу* ‘когда’, *áстун* ‘шагаю’, но *и́жале* ‘отцу’, *пáгижя́ть* ‘говорящие’, *му́шта* ‘помни’ [Перевод некоторых молитв 1804]. Аналогичную картину обнаруживают «олонецкие» материалы из словарей П. С. Палласа, например *Силмю'* ‘глаз’, *Су* ‘рот’, *Сечеми* ‘семь’, *Сю'ввя* ‘есть’, *Сури* ‘большой’, *Сата* ‘сто’, *Вези* ‘вода’, *Лапси* ‘ребенок’, *Рускей* ‘красный’, *Оксу* ‘ветка’, *Конзу* ‘когда’, *Паста* ‘луч’, но *Кажу* ‘кошка’, *Лаику* ‘лень’, *Сеижо'* ‘стой’, *Вижи* ‘пять’ [Сравнительные словари 1787, 1789], а также карельско-вепские тексты заговоров середины XVII в., например *синун* ‘твой’, *сибет* ‘крылья’, *сувах* ‘в глубокий’, *сеичеме* ‘семь’, *сусь* ‘во рту’, *сорди* ‘он свалил’, *кузи* ‘ель’, *кяски* ‘велел’, *мусть* ‘черный’, *лапсен* ‘ребенка’, *конзь* ‘когда’, но *кулдаижет* ‘золотые’, *яникшен* ‘зайца’, *иштуп* ‘сидит’ [Мызников 2010].

В русско-карельских словарных записях начала XVIII в. в анлауте также употребляется свистящий, например *сия* ‘ты’, *сюва* ‘есть’, *сареть* ‘голени’, *салба/суле* ‘закрой’, *сарва* ‘выдра’, свистящий представлен и в середине слова в позиции после *i*, и в глухой фонетической позиции, например *лизя* ‘прибавь’, *остаа* ‘купить’, *кагекси* ‘надвое’, *армасса* ‘помилуй’, и только в звонкой (не после *i*) — шипящий, например *ожюта* ‘покажи’, *кяржи* ‘терпеть’, но *кюзюна* ‘прошу’ [Мещерский 1961].

В тверских карельских текстах начала XIX в. в исконной лексике, напротив, в анлауте использованы исключительно шипящие, например *шилмилля* ‘глазами’, *шейзотта* ‘стоите’, *шиоо́нь* ‘ем’, *шано* ‘сказал’, *шормгъть* ‘пальцы’, *шуу́ри* ‘большой’, как и в инлауте в окружении заднерядных гласных, например *кю́жюттихь* ‘спрашивали’, *новжé* ‘поднимись’, *конжа* ‘когда’, *опаи́тая* ‘учитель’, *окиа́ть* ‘ветки’, *у́жи* ‘новый’, *какии* ‘два’, *лапи́и* ‘ребенок’. В середине слова в позиции после гласного *i* представлены преимущественно свистящие согласные, например *тойзéть* ‘другие’, *изянь* ‘отца’, *истуйхь* ‘уселся’, как и перед гласным *i* в лексемах переднерядного вокализма в интервокальной и глухой позициях, например *кязи* ‘рука’, *пй́зи* ‘выбрался’, *юкси* ‘один’, но *тявжи* ‘полный’, *кяшки* ‘просил’ [Тверские переводные 2020].

В остальных привлеченных источниках в позиции начала слова обнаружены оба варианта переднеязычных щелевых. При этом их параллельное употребление в «корельских» материалах П. С. Палласа указывает на явный разнодиалектный характер источников, например *Шильмя/Сильмя* ‘глаз’, *Шие/Синя* ‘ты’, *Шави/Сави* ‘глина’, *Шарьви/Сарви* ‘рог’, *Шуу/Су* ‘рот’ [Сравнительные словари 1787, 1789]. В середине слова в положении после *i* в данном источнике представлены графемы *c*, *z*, например *Лайсуиш* ‘лень’, *Пайста* ‘луч’, *Вйизи* ‘пять’. Перед гласным *i* в лексемах переднерядного вокализма чаще встречаются свистящие, а заднерядного — шипящие, например *Иуксы* ‘один’, *Вези* ‘вода’, *Вуажу* ‘год’, *Лапши* ‘дитя’, *Рушкйе* ‘красный’. В остальных случаях употребляются шипящие, например *Ке'жа* ‘лето’, *Мушта* ‘черный’, *Конжа* ‘когда’, но *Озра* ‘ячмень’.

В словнике начала 1668 г. в анлауте используются преимущественно шипящие, но также возможны свистящие согласные, например *Шильта* ‘мост’, *Шарьки* ‘плотва’, *Шелька* ‘спина’, *Шо́ла* ‘соль’, *Шурима* ‘крупа’, *Шáви* ‘глина’, но *Сика* ‘свинья’, *Сю́лки* ‘слюна’, *Сетькю́мень* ‘семьдесят’, *Сорьметь* ‘пальцы’. В середине слова после гласного *i* представлены свистящие, например *И́за* ‘отец’, *Вийзашь* ‘хитрый’, *И́стуа* ‘садь»; перед *i* в звонком фонетическом окружении — свистящие, а в глухом в словах заднерядного вокализма — шипящие, например *Кáзи* ‘кошка’, *Кáзи* ‘рука’, *Тю́нзи* ‘ноготь’, но *Лáпшии* ‘младенец’, *Кáкшии* ‘два»; в прочих позициях употребляются преимущественно шипящие, например *Ке́жа* ‘лето’, *Вáжа* ‘теленек’, *Му́шта* ‘черный’, но *О́зра* ‘ячмень’ [Савельева и др. 2021].

В записях 1667 г. в начале слова в положении перед гласными заднего ряда представлены шипящие, а перед гласными переднего ряда, наоборот, — преимущественно свистящие, например *шола* ‘соль’, *шула* ‘закрой’, *сáвня* ‘язь’, *си́би* ‘крыло’ [Муллонен, Панченко 2013]. По позиции середины слова дистрибуция свистящих/шипящих совпадает с памятником 1668 г., например *ри'тти* ‘крест’, *и́сла* ‘высеки»; *кáзи* ‘кошка’, *гйржи* ‘бревно’, *и́о'иши* ‘бежал»; *вáшта* ‘веник’, *но́ишиа* ‘подними’, но *ва́зма'* ‘налево’, *лáса* ‘пусти’ [там же].

Представленная как в современных диалектах, так и в памятниках карельской письменности картина подтверждает, что на южные карельские наречия существенное влияние оказал древневепский язык с абсолютно противоположной в сравнении с древнекарельским языком постановкой явления. В них согласные *s* и *z* подверглись палатализации в позиции после гласного *i* и перешли в шипящие *š*, *ž*, тогда как в собственно карельском наречии, наоборот, они сохранились, а твердые *s*, *z* перешли в *š*, *ž* (см. [Virganta 1984]). Постепенно в пограничной между наречиями зоне сформировалась широкая полоса переходных говоров, в которых дистрибуция переднеязычных щелевых получила самое разнообразное продолжение.

Таблица 3. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных начала слова⁴

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Крр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кек.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]		
1	šatattua	šatattua	šatattua	šatattua	satattua	šatattua	šatattaa	šatattua	satattua	satattua	šatattua	šatattoo	šatattja	šatattua	šatattaa	satattua	satattaa	satattoo	satattaa	satattua	satattja	satattada	satattai	satatada	satatada	satatada	satatada	satatada	satatada	satatada	satatada	ушибить
2						šauštua / savuštua	šauštaa	šauštua	savustua									savvustoa	savvustaa	savvustua		savustada	savustada	savustada								красить
3	šakie	šakie	šakie	šakie	šagie	šagie	šagia	šagie	sagei	sagei	šagie	šagie	šagie	šagie	šagii	sagie	sagie	sagie	sagie	sagie	sagie	sagie	saged	sagie	saged	saged	saged	saged	saged	saged	saged	густой
4	šuuri	šuuri	šuuri	šuuri	šuuri	šuuri	šuuri	šuuri	suuri	suuri	šuuri	šuuri	šuuri	šuuri	šuur	suuri	suuri	suuri	suuri	suuri	suuri	suure	suuf	suuri	suuf	suuf	suuf	suif	suif	suif	suif	большой
5	šormi	šormi	šormi	šormi	šormi	šormi	šormi	šormi	sormi	sormi	šormi	šormi	šormi	šormi	šorm	sormi	sormi	sormi	sormi	sormi	sormi	sorme	sorm'	sormi	sorm	sorm'	sorm'	sofm'	sofm'	sofm'	sofm'	палец
6	šavu	šavu	šavu	šavu	šavu	šavu	šau	šavu	sau	savu	šavu	šavu	šavu	šavu	šavu	savu	savu	savu	savu	savvu	savvu	savvo	savu	savu	savu	savu	savu	savu	savu	sau	savu	дым
7	šukšet	šukšet	šukšet	šukšet	šukšet	šukšet	šukšet	šukšet	sukšet	sukset	šukšet	šukšet	šukšet	šukšet	šukšet	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	лыжи
8	šata	šata	šata	šata	šada	šada	šada	šada	sada	sada	šada	šada	šada	šada	šada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	сто
9	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	sarvi / šarvi	sarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	sarvi	sarvi	sarvi	sarvi	sarvi	sarvi	sarve	sařv	sarvi	sařv	sařv	sařv	sařv'		sařv'	sařv	рог
10	šulata	šulua	šulua	šulua	šulua	šulata	šulata	šulata	sulata	sulja	šulua		šulata	šulua	šuluu	sulua	sulaa	suloa	sulaa	sulua	sulja	sulata	sulada	sulata	sulada	sulada	sulada	sulada	sulada	sulada	sulada	таять
11	šammal	šammal	šammal	šammal	šammal	šammal	šammal	šammal	sammal	sammal	šammal	šammal	šammal	šammal	šammal	sammal	sammal	sammal	sammal	sammal	sammal		sammal	sammal	samal	samal	samuu	samou	samou		мох	
12	šana	šana	šana	šana	šana	šana	šana	šana	sana	sana	šana	šana	šana	šana	šana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	sana	слово	
13	šuaha	šuaha	šuaha	šuaha	šuaha	šuaha	šaaha	šuaha	suada	suada	šuaha	šoata	šjaha	šuaha	šuvva	suaha	saaha	soaja	saaha	suaja	sjaha	suada	suada	suada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	зарабатывать
14	šuattua	šuattua	šuattua	šuattua	šuattua			šuattua	suattua	suattua	šuattua	šoattoa	šjattja	šuattua	šuattuu	suattua	saattaa	soattoa	saattaa	suattua	šjattja	suattada	suattai	suatta	satta	satta	satta	satta	satta	satta	satta	проводить
15	šalko	šalko	šalko	šalko	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	salgo / šalgo	salgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	šalgo	salgo	salgo	salgo	salgo	salgo	salgo											столяр
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[f/s]	[f/s]	[s/f]	[s]	[s]	[f/s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]		
16	šuaha	šuaha	šuaha	šuaha	šuaha	šuaha	šaaha	soaha	suada	suada	šuaha	šoaha	šjaha	šuaha	šuaha	suaha	saaha	soaha	saaha	suaja	sjada	suada	suada	suada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	доставать
17	šavi	šavi	šavi	šavi	šavi	šavi	šavi		savi	savi	šavi	šavi	šavi	šavi	šavi	savi	savi	savi	savi	savi	save	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi	глина
18	šalvua	šalvua	šalvua	šalvua	šalvua				salvua	salvua	šalvua	šalvoa	šalvja	šalvua	šalvuu	salvua	salvaa	salvoa	salvaa	salvua	salvja	salvada	salvada	sauvata	souda	souda	souda	souda	souda	souda	saada	рубить
19	šoutua	šoutua	šoutua	šoutua	šoudua	šoudua	šoudaa	soudoa / šoudoa	soudua	soudua	šoudua					soudua	soudaa	soudoa	soudaa	soudua		soutta	soudai	souta	souta	souta	souta	souta	souta	suřta		грести
20	šuome- laiset	šuome- laiset	šuome- laiset	šuome- laiset	šuome- laiset	šuome- laiset	šuome- laiset	suome- lažet	suome- lazet	suomi- lažet	šuome- lažet					suome- laizet	suome- lazet	suome- laizet	suome- lazet	suome- lažet	suomet	suome- laižet	suome- laižet	suome- laažed							финны	
21	šarka	šarka	šarka	šarka	šarga	šarga	šarga		sarga	sarga	šarga	šarga	šarga	šarg	sargu	sargu		sargu		sargo											сукно	
22					šualist'uo		šaalistua	sualistuo	sualistuo	sualistuo			šjalistuo	šualistuo		sualistuo	saalistua	soalistuo	saalistua	sualistuo		sualistuda	sualistuda		salištuda	salištuda	salištuda	salištuda				спеть
23	šalmi	šalmi	šalmi	šalmi	šalmi	salmi	salmi	salmi	salmi	salmi						salmi	salmi	salmi	salmi	salmi		salmi	salmi	salmi			soum'	soum'		salm	пролив	
24	šuvata	šuvata	šuvata	šuvata	šuvata				suvata	suaiija	šuvata	šuvata	šuvata	šuvata	šuvata	suvaid'a	suvaiija	suvaiija	suvaiija	suvaiija	suvaiija	suvaiija	suvaitta	suvaitta	suvata							любить

⁴ Таблица представлена в незначительно сокращенном виде. Сохранены все примеры, выбивающиеся из общей картины говора, однако подсчет процентов соответствий для вынесения в сводную (серую) строку произведен с учетом полного списка примеров.

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вен.	Тиг.	Рбл.	Онд.	Пид.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кек.	Ошт.	Оэр.	Влх.	Слр.	Перевод	
25	šalpa	šalpa	šalpa	šalpa	šalba			salba		salba		šalba	šalba	šalba				salbaine		salbain					soub	soub	soub	soub	saub	saab	задвижка	
	[ʃ]	[ʃ/s]	[s]	[ʃ]	[ʃ/s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]								
26	šam-muttua	šam-muttua	šam-muttua	šam-muttua	šam-muttua	šam-muttua	šam-muttaa	šam-muttoa	šam-muttua	sam-muttua	šam-muttua	sam-muttua	šam-mutja	šam-muttua	šam-muttuu	sam-muttua	sam-muttaa	sam-muttoa	sam-muttaa	sam-muttua	sam-muttja	sam-buttada	sam-muttai	sam-butada	sam-butada	sam-butada	sam-butada	sam-butada	sam-butada	sam-butada	гасить	
27	šulka	šulka	šulka	šulka	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga	sulga	šulga		šulga	šulga			sulgu	sulgu	sulgu	sulgu		sulg	sulge	suug	suug	suug	suug	suug	suug	suug	перо	
28	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi / sarvi	sarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	šarvi	sarvi	sarvi	sarvi	sarvi	sarvi	sarve	šarv	sarvi	sarv	šarv	šarv	šarv'		šarv'	šarv	рог	
29	šalvo	šalmo	salbamo	šalmo	šamalo		šamalo		salbamo	salbamo	salbamo	salvoin	salvoin		salgamo	salme	saum	saum	saum	soum	soum	soum	saum	saam	угол							
30						šordoo		šordoo	šordua	sordua		šordoa		šordua	šordu	sordua	sordaa			sordua		sordada	sorta	sortta							рубить	
	[ʃ]	[s]	[s]	[s/ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ/s]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]								
31	šuurma	šuurima	šuurima	šuurma	šuurima	šuurima	šuurima	šuurima	šuurima	suurima	suurima	šuurima	šuurima	šuwrima	šuwfima	šuařim	šuwřim	šuurimu	šuwřim	šuurimu	šuwřim	šuurim	šuurim	šuurim	šuurin	šuuřin	šufin	šufin	šufin	šufin	šufim	крупа
32	šuumu	šuumu	šuumu	šuumu	šuumuš	šuumuš	šuumi	šuumuš	šuumus	šuumus						šuumus	šuumus	šuumus	šuumus	šuumus	šuumus		šuumus	šuumus	šuumus	šuumuz	šuumuz	šuumuz	šuumuz	šuumuz	šuumuz	чешуя
33	šapilahat	šapilahat	šapilahat	šapilahat	šabilahat	šabilahat	šablahat	šabilahat	šablahat	šablahat						šablahat	šabilahat	šablahat	šabilahat	šablahat		šablahat	šabilahat	šabilahat	šabilahat	šabilahat	šabilahat	šabilahat	šabilahat	šabilahat	шосилки	
34		šuarva	šuarva	šuarva	šuarva	šuarva	šaarva		šuarava	šagarvo						šagarvo	šagarvo	šagarvo	šagarvo	šagarvo	šagarvo	šagarvo	šagarvo	šagarm	šagarm	šagarm	šagarm	šagarm	šagarm	šagarm	šagarv	выдра
35	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šuoła	šual	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	šuołu	соль
36	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanua	šuanua	šuanua	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanuo	šuanua	šuanua	šuanuo	šuanua	šuanua	šanja	šanuda	šanoda	šanoda	šanuda	сказать						
37	šauvva	šauvva	šauvva	šauvva	šauvva	šauva	šaua	šauva	šauvane	šauvva			šauva	šauvva				šavakko	šavakko	šavakko		šavakko	šavakko								палка	
38					šalo	šalo	šalo	šalo	šalo	šalo				šalo	šalo	šalo	šalo	šalo	šalo	šalo			šalo								глухой лес	
39	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä	šuoła-heinä			šuoła-heinä		šuołu-heinä		šuołu-heinä	šuołu-heinä	šuołu-heinä	šuołu-heinä	šuołu-heinä	šuołu-heinä	šuołu-heinä			šolhiin				щавель	
	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]								
40	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	sua	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	шосо	болото
41	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi		šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	šuoňi	жила
42	šokie	šokie	šokie	šokie	šogie	šogie	šogia	šogie	šogie	šogie	šogie	šogie	šogie	šogie		šogei	šogei	šogei	šogei	šogei	šogei	šogei	šoged	šoged	šoged	šoged	šoged	šoged	šoged	šoged	šoged	слепой
43	šolmu	šolmu	šolmu	šolmu	šolmu	šolmi	šolmi	šolmi	šolmi	šolmi	šolme	šolmi	šolmi	šolmi		šolmi	šolmi	šolmi	šolmi	šolmi	šolmi	šolme	šolm	šolme		šolm	šolm	šolm	šolm	šolm	узел	
44	šorša	šorša	šorša	šorša	šorža	šorža	šorža	šorža	šorza	šorza	šorža		šorža	šorža		šorzu	šorzu	šorzu	šorzu	šorzu	šorzu	šorzo		šorze	šorz	šorz	šorz	šorz	šorz	šorz	шорза	
45	šam-maltua	šam-maltua	šam-maltua	šam-maltua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	šam-maldua	шосо	
46	šopie	šopie	šopie	šopie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šovita	šovita	šobie		šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	šobie	шосо	ладить	
47	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi		šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	šoimi	шосо	ясли		
48					šugie	šugie	šugia	šugie	šugie	šugia	šugie		šugie	šugie		šugie	šugie	šugie	šugia	šugie	šugie	šugie	šugida	šugida	šugida	šugida	šugida	šugd'a		šugd'ä	чесать	
49		šumpa	šumpa	šumpa		šumba		šumbo	šumba	šumba						šumbu	šumbu	šumbu	šumbu	šumbu		šumb	šumbe							шосо	плотный	
50	šuolet	šuolet	šuolet	šuolet		šuolet	šuolet	šuolet		šuolet	šuolet					šuolet	šuolet	šuolet	šuolet				šuolet								шосо	кишки

№	Киж.	Кет.	Клив.	Вен.	Тиг.	Робл.	Онд.	Пид.	Юст.	Крр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кек.	Ошт.	Оэр.	Влх.	Слр.	Перевод	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]		
51	šukkula	šukkula	šukkula	šukkula	šukku- laiñe	šukkula	sukkula	šukkula	sukku- lane	sukku- laine	šukku- laiñe	šukkula	šukkula	šukku- laiñe	šukkul	sukku- laine	sukku- lane	sukku- laine	sukku- laine	sukku- laine	sukku- lane	sukku- laiñe	sukku- laine	sukkul	sukleĩne	sukljĩne	sukloĩne	suklaiñe	sukleĩne	suklooĩne	челнок	
52	šuarña	šuarña	šuarña	šuarña	šuarña			šoarna		suarna	šuarña	šoarna	šjarina	šuarña	šuarin	suaru	saarnu	soarnu	saaru	suaru	šjaro		suarne					sarn	sarn	sarn	sarn	сказка
53			šulanto				sulando		sulain	sulaimi	šulain					sulain	sulain	sulain	sulain	sulain	sulain	sulo	sulaim	sulaime			sulaim	suloim	suleim	suloim	полюнья	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[ʃ/s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[ʃ]	[s/ʃ]	[s]								
54	šituo	šituo	šituo	šituo	šiduo	šiduo	sidua	siduo	šiduo	šiduo / siduo	šidua	šiduo	šiduo	šiduo	šiduu	siduo	sidua	siduo	sidua	sidua	sidja	šidoda	sidoda / šiduoĩ	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	sidoda	связывать
55	šärpüä	šärpüä	šärpüä	šärpüä	šärbüä	šärbüä	särbüä	särbüä	särbüä	šärbüä	šärbüä	šärbie	šärvitä	šärbie	šärbüä	särbüä	särbie	särbie	särbää	särbüä		šärbäda	särbäda	särpä	хлебаць							
56	šiantüö	šiantüö	šiantüö	šiantüö	šiant'üö	šiantüä	siändüä		šiantüä		šientüä	šöändüö	šiant'üö	šiant'üö	šiant'üö		seendüö						šiantüä						sänduda		сердиться	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[s/ʃ]	[ʃ/s]	[ʃ]	[s]	[ʃ/s]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]		
57	šelkä	šelkä	šelkä	šelkä	šelgä	šelgä	selgä	selgä	šelgä	selgä	šelgä	šelgä	šelgä	šelgä	šelg	selgü	selgü	selgü	selgü	selgü	selgü	selgö	šelg	selge	selg	selg	selg	selg	selg	süug	selg	спина
58	šinne	šinne	šinne	šinne		šinne	sin	sinna	šinna	sinnä / šinne	šinne	šinne	šinne	šinne	šinni	sinne	sinne	sinne	sinne	sinne	sinne	šinna	sinne	sinne	sinna	sinna	sinna	sinna	sinna	sina	туда	
59	šiaštüä	šiaštüä	šiaštüä	šiaštüä	šiaštüä	šiaštüä	siäštää	siästee	šiaštüä		šiaštüä	šöäšt'öä	šiašt'ia	šiaštia	šiaštii	siästia	seestee	seäst'eä	säästää	siästia	šjästjä	šiaštada										берець
60	šija	šija	šija	šija	šijat		sia	sija	šija	sija						sija		sija	sija	sija		šija	sija		sija	sija	sija	sija	sija	sija	постель	
61	šärvi		šärvi	šärvi	šärvi				šärvi	särvi						särvi	särvi	särvi	särvi	särvi		šärv	särvi								край	
62	šütüttüä	šütüttüä	šütüttüä	šütüttüä	šütüttää			sütüttee	šütüttüä	sütüttüä				sütüttüä		sütüttüä	sütüttee	sütüttee	sütüttee	sütüttää	sütüttüä		šütüttada	sütüttäi		sütütada	sütütada	sütütada		sütütada	sütütada	зажигать
63	šiiipi						siibi	siived	šiiibi	siibi	siibi								siibi	siivet		šiiibi	siived	siived							плавник	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ/s]	[s/ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ/s]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]		
64	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččei	šeiččei	šeiččei	šeičče	šeiččia	šeičchie	šeiččeme	šeiččei	šeiččeme	šjičme	šjičme	šjičme	šjičime	šjičmen	šeiččemen	семь	
65	šiäri	šiäri	šiäri						šiäri	šiäri			šieri	šiäri			seri					siäri		siär	sär	sär					голень	
66	šarki	šarki	šarki	šarki	šärgi	šärgi	särgi	särgi	šärgi	šärgi	šärgi	šärgi	šärgi	šärgi	šärg	särgi	särgi	särgi	särgi	särgi	säрге	särg	särgi	särg'	särg'	särg	särg	särg	särg'	särg	плотва	
67		šättä		šättä				sättä	šättä	šättä	šättä	šättä		šättä	šät't'							sätt									червяк	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ/s]	[s]	[ʃ/s]	[s]	[s]	[s]	[s/ʃ]	[s/ʃ]	[ʃ]	[ʃ/s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]		
68	šuoттüä	šuoттüä	šuoттüä	šuoттüä	šuoтт'ie	šuoттüä	šuoттää	šuoттüä	šuoттüä	šuoттüä	šuoттüä	šuoттie	šuoттöä		šuoттia		šuoттia		šuoттeä	šuoттää	šuoттia		šuoттada	šuoттäi	šuoттa	söтта	söтта	söтта	söтта	söтта	set't'ä	кормить
69	šühüttüä	šühüttüä									šühüä		šühü- t't'ia	šühü- t't'ia	šühü- t't'ii																зудеть	
70	šilläh								šilläh				šilläh	šilläh	šilläh	šilläh	silläh	silläh	silläh	silläh	šilläh		silleh								даром	
71	šürjä	šürjä	šürjä	šürjä												šürjü	šürjü			šürjü	sürdö										сторона	
72		šijan- poika	šijan- poika	šijan- poika	šijan- poiga		sian- poiga	sian- poiga																							поросенок	
73	šiiivota	šiiivota	šiiivota	šiiivota		šiiivata																									убирать	
74	šivoš	šije	šive	šit'ie		šije	sidie		sive	side	šid'ie	šid'ie	sije	šije	šid'im		sive	sive	sive	sive		side	side	side	sid'eg		sid'eg	sid'e	sid'eg	sid'eg'i	перевясло	

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вен.	Тиг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Слр.	Перевод		
	[f/s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[s/ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[f/s]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]			
75	šielä	šielä	šielä	šielä	šielä	šielä	sielä	sielä	šielä	siel / šiel	šielä	šielä	šielä	šielä	šial	sie	sie	sie	siä	siä	sie	šiga	sie	šiga	šiga	šiga	šigou	šig'ä	šigou	šigaa	там		
76	šika	šika	šika	šika	šiga	šiga		šiga	šiga	šiga		šiga		šiga									šiga		šiga	šiga	šiga	šiga	šiga	šiga	свинья		
77	šiika	šiika	šiika	šiika	šiiga	šiiga	šiiga	šiiga	šiiga	šiiga				šiiga		šiigu	šiigu	šiigu	šiigu	šiigu	šiigu	šiigo	šiig	šiige	šiig	šiig	šiig	šiig	šig	šig	šig	сиг	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[f/s]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[f/s]	[ʃ]	[s]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]			
78		šarkie	šarkie	šarkie	šärgie			särgie		särgie	šärgie			šärgie										särgedä							колоть		
79	šelkie	šelkie	šelkie	šelkie	šelgie		selgiä		selgie		šelgie	šelgie		šelgie		selgei	selgei	selgei	selgei	selgei	selgei		šelged		selged	selged	selged	selged	selged		selged	ясный	
80	šiiviloija	šiiviloija	šiiviloija	šiiviloija	šiibioloija							šiibioloija	šiibioloija	šiibioloija	šiiviloija																цедить		
81	šeisattua	šeisattua	šeisattua	šeisattua	seizattua		seizattaa	seizattua	seizattua	seizattua	šeezattua	šeizattoo			šeizattuu		seizattaa	seizattoo	seizattaa	seizattua		šeizattada	šeizattada	seišta	šijžutada	šijžutada	šijžutada	šijžutada	šeizutada	šeizutada	останавливать		
82	šakki	šakki	šakki	šakki		šakki				sakki							sakki	sakki	sakki	sakki			šakki	sakki							мешок		
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[ʃ]	[s/ʃ]	[s/ʃ]	[s/ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s/ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]			
83	šieni	šieni	šieni	šieni	šieni	šieni	sieñi	sieñi	šieni	šieni	sieñi	sieñi	sieñi	šieni		sieñi	sieñi		sieñi	sieñi		šieni	sieñi	sieñi	señ	señ	señ	señ	señ		гриб		
84	šiipi	šiipi	šiipi	šiipi	šiibi	šiibi	siibi	siibi	šiibi	šiibi	siibi	siibi	siibi	šiibi	šiibi	siibi	siibi	siibi	siibi	siibi	siibi	siibö	šiib	siibi	siib						крыло		
85	šelüš	šelüš	šelüš	šelüš	šelüš	šellüs	selüš	selüš	šelüš	šelgüs						šellüs	šellüs	šellüs	šellüs	šellüs	šellüs	šelgö	šelguoine	šelgüs	šelguoine						тетива		
86	šülki	šülki	šülki	šülki			sülgi		šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi	šülgi		šülg'e	šülg	sülgi	sülg	sülg	sülg	sülg	sülg	süug	шюна		
87	šäunüä	šäunüä	šäunüä	šäunüä	šäunüä	šäunüä	säunäa	säunä	šäunä	šäunä				šäunä		säunü	säunü	säwnü	säunü					šäun	säune				söunaz	söunaz	söugañ	säänaz	язь
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[ʃ]	[f/s]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]			
88	šia	šia	šia	šia	šia	šia	sia	see	šia	šia / siä	šie	šöä	sia	šia	šia	siä	see	seä	sää	siä		šia	siä	sia	sä	sä	sä	sä	sä	sä	погода		
89	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	seinä	seinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	seinä	šeinä		seinü	seinü	seinü	seinü	seinü	seinü	šeinö	šein	seine	sein	šijn	šijn	šijn	šijn	sein	sein	стена	
90	šänki	šänki	šänki	šänki	šängi	šängi	sängi	sängi	šängi	šängi	šängi	šäng'i		šängi	šangi	sängi	sängi	sängi	sängi	sängi	sängi	sange	šäng	sängi	sañg	šäng	šäng	šäng	šäng'	šäng'	šäng'ist	стерня	
91	šepä	šepä	šepä	šepä	šebä	šebä	sebä	sebä	šebä	šebä	šebä	šebä	sebä	šebä		sebä	sebä	sebä	sebä	sebä	sebä	sevätä	šeba	sebä						seba	передок саней		
	?	[ʃ]	?	?	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	?	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[f/s]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]			
92		šüömiñi			šüömiñe	šüömiñi	šüömiñi	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine		šüömine		šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	šüömine	пицца		
93						šittapörö		šittapörö	šittapörö	šittaböröi		šittabörö				šittapöröi	šittapöröi	šittapöröi	šittapöröi	šittaböröi									šittaböröi		šittaböröi	жук	
	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]		
94	sussieta	sussieta	sussieta	sussieta	soseda	sušieda	sussieda	sušeda	sosieda	sušieda	sušieda	sušieda	sušieda	sušieda	sušid	sušiedu	sušiedu	sušiedu	sušiedu	sušiedu	sušiedu	sošedo	sušöd	sušod	sušed	sused	sused	sused	sused	sused	сосед		
95		sarafana	sarafana	sarafana	sarafana	sarafana			sarafana	sarahpana	saraaffana	sarafana	sarapana	sarafana	sarfan	sarafan	sarafan	sarafan	sarafan	sarafan	sarafan		saraffan	sarafan	sarafan	sarafon	sarafon	sarafon	sarafon	sarafan	сарафан		
96															suatto	saatto	soato	saatto	suatto	suatto	suatto	suatto	suatto	suatt	satt	satt	sat	sat	sat	сват			
97					sobrañña	sobrañija	sobrañña	soabranija			sobrañja			sobrañja		sobrañie	sobraañij		sobraañij		sobrand'o											собрание	
	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]		
98	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuuppa	skuupp	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	skuuppu	скупой		
99	skuatteri	skuat't'eri	skuat't'eri	skuat't'eri	skuat't'eri	skuatteri					skuat't'eri	skoat't'eri	skiat't'eri	skuat't'eri	skuat't'eri		skaat't'eri		skaat't'eri				skuateft'								скатерть		
100									skañča													skañč	skančče	skančča		skanč	skanč			сканец			

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кек.	Ошт.	Оэр.	Влх.	Слр.	Перевод	
	[s]	[s]	[s]	[s]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]		
101					zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakon	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakono	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	zakona	закон	
102					zaviiduija	zaviduija		zaviduija	zaviehuija	zaviduija	zaviiduija	zaviiduija	zaviiduija	zaviiduija	zaviiduiji	zaviiduija	zaviduija		zaviiduija			zaviduitta	zaviiduita	zaviiduita	zavidjita	zavidjita	zavidoitaa	zavidjida	zavidoitaa	zaviduida	завидовать	
103					zavod'ie						zavod'ie	zavod'ie		zavod'ie		zavod'ie	zavod'ie	zavod'ie		zavod'ie	zavod'ie					zavot't'a	zavot't'a	zavot't'a	zavot't'a	zavot't'a	zavot't'a	начинать
104	sav-trakka	sau-trokka	sau-trokka	sau-trokka	zau-trokka		zau-trakka	zau-trokka	zau-trokka						zau-trakku			zau-trakko	zaw-htrokku	zafrokku	zau-trakke										завтрак	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	?	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]		
105				šalkku	šalkku	šalkku	šalkku	šalkku	šalkku		šalku		šalku	šalku		šalgu	šalgu	šalgu	šalgu	šalgu		šalg		šaug	šoug	šoug	šoug		šaug	šaag	мешок	
106	šupettua	šöpettä						šupettua		šupettua						šupettua	šupettaa	šopettoo	šopettaa	šupettua		šupettada	šupettada		šupitada	šupitada	šopotada		šopšotada	шептать		
107					šohattua		šohottaa	šahattoo	šohottoo	šohottua								šohaitto	šohaittaa	šohaittua					šuheita	šuheita	šuheita	šuheita	šuheita	šahaata	шептать	
108								šurdakka	šurdakka	šurjakka	šurjakka	šurjakka			šufjakk					šuwrin		šurd'ak	šurd'akko	šurd'jak	šurd'ak	šurd'ak	šurin		šurin	шурин		

Таблица 4. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных середины слова

№	Киж.	Кет.	Клв.	Вен.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вет.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод		
	[s]	[s]	[s]	[s]	[z/ʒ]	[z]	[z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[z]	[z]	[z/ʒ]	[z/ʒ]	[z]	[z/ʒ]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]			
1	viisaš	viisaš	viisaš	viisaš	viizaš / viizaš	viizaš	viizaš	viizaš	viizas	viizaš	viizaš	viizaš		vijžaš		viizas	viizas	viizas	viizas	viizas		viizas	viizaš	viizas								хитрый	
2	šeisattua	šeisattua	šeisattua	šeisattua	seizattua		seizattaa	seižattua	seižattua	seižattua	šeizattua	šeizattoa			šeizattuu		seizattaa	seizattoa	seizattaa	seižattua		šeizattada	seižattada	seišta	sijžutadas	sijžutadas	sijžutadas	sijžutadas	seižutadas	seižutadas		останавливать	
3	kisata	kisata	kisata	kisata	kizata	kizata	kizata	kizata / kižata	kizata / kižata	kižata	kizata	kizata	kižata / kizata	kizata	kizuu	kizata	kižata	kižata	kižata	kižata	kižata		kižata									играть	
4										paižuo				paizottua	paizottaa								paižuda	paižuttada	paižota	paižota	peižota	paižota	paižota	paižota	paižota	пухнуть	
5										raiživo						raiživo	raiživo	raiživo	raiživo	raiživo			raiživo	raiživo	raiž	raiž	reiž		raiž	raiž	колея		
6									ižä							ižä	ižä	ižä	ižä	ižä		ižä	ižä		ižä	ižä	ižä	ižä	ižä	ižä	самец		
7								nižu	nizu	nižu						nižu	nižu	nižu	nižu	nižu	nižo	nižuine	nižu	nižu	nižu	nižu	nižu	nižu	nižu	nižu	пшеница		
8	paise						paize	paiže	paiže	paiže	paizu		paižo		paiž	paize	paize						paiže	paiže				paiže	paižo	paiže	нарыв		
9				isintimä					ižindimä	izändimä / ižindam							ižindäm		ižindäm			ižindam	ižindäm		ižindam	ižindam	ižindam		ižindam		отчим		
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[z/ʒ]	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]			
10	kuuši	kuuši	kuuši	kuuši	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži		kuwži		kuuž	kuwzi	kuuzi	kuwzi	kuuzi	kuwzi	kuwzi	kuwzi	kuuž	kuuzi	kuuž	kuuž	kuuž	kuž	kuž	kuž	кузьма		
11	kauši	kauši	kauši	kauši						kauzi						kauzi	kauzi	kawzi	kauzi	kawzi			kauzi									период	
12	toši	toši	toši	toši	toži	toži	toži	toži	toži	tože	tozi	toži	toži	toži	toži	tozi	tozi	tozi	tozi	tozi	tozi	tože	toži	tože	tože				toži			правда	
	[s]	[s]	[s]	[s]	[z]	[z]	[z]	[z]	[ʒ]	[z/ʒ]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[z]	[ʒ]	[z]	[z]	[z]	[z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]			
13	käsi-paikka	käsi-paikka	käsi-paikka	käsi-paikka		käzi-paikka	käzi-paikka	käzi-paikka	käzi-paikka	käzi-paikka	käzi-paikka		käzi-paikka	käzi-paikka	käz-paikk	käz-paikku	käzi-paikku	käzi-paikku	käzi-paikku	käzi-paikku	käzi-paikku	käzi-paikko	käzi-paikk	käzi-paikke	käzipaik	käzipaik	käzipaik	käzipaik	käzipaik	käzipaik		полотенце	
14		läsimiini	läsimiini	läsimiini	läzimiine							läzimiine	läzimiine	läzimiine				läzimiine	läzimiine	läzimiine								läžund	läžund	läžund	läžund	болезнь	
15	läsija	läsija	läsija	läsija	läžija	läzija	läžija	läžija	läžija	läžija	läžija	läžija	läžija	läžija	läžiji		läžii	läžii	läžii	läžii								läžui	läžui	läžui	läžui	больной	
	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[z]	[ʒ/z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	?	[ʒ]	[z]	?	[z]	[z]	[z/ʒ]	[z]	[z/ʒ]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	?	?	[z]	?		
16	liäšö	liäšö			liäzö	liäzö	liäzö			lieza			liäd'žö	liäzö				läžmü	liäzü	liäžmü												лужа	
17	küšuö	küšuö	küšuö	küšuö	küzüö	küšuö																										спрашивать	
18							väzüö	väzüö	väzüö	väzüä						väzüä	väzüä	väzüö	väzüä	väzüä	väzüä	väzüä	väzüä	väzüä	väzüä	väzüä	väzüä	viästa	väzda	väzda		väzuda	устать
	[ʃ/s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ/z]	[z]	[z]	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]			
19	vašen	vašen	vašen	vašen	važen	važen	važain	važen			važen			važen	važem																	левый	
20	oša					oža	oža	oža	oza	oza	oža	oža	oža	oža	oza	oza	oza	oza	oza	oza	oza	ozo	oza	oza	oza	oza	oza	oza	oza	oza	oza	счастье	
21	ošata	ošata	ošata	ošata	ožata	ožata	ožata	ožata	ozata	ozata		ožata	ožata	ožata	ožawduu	ozata	ozata	ozata	ozata	ozata	ozata		ozaitta	ozaita	ozaata	ozeita	ozaita	ozeita	ozeita	ozeita	ozeita	попадать в цель	
22	veša	vešani	vešani	vešani	veža		veža	veža	veza	veza	veža	veža	veža	vežane		veza	veza	veza	veza	veza	veza							veza		veza	побег		
23	tašani	tašani	tašani	tašani	tažaŋe				tazane	tazane	tažaŋe					tazaine	tazane	tazaine	tazaine	tazaine	tazaine		tazaine	taza	tazo	tazo	tazo	tazo	tazo	tazo	гладкий		
24								azettoa	azettua	azettua	ažettua					azettua	azettaa	azettoa	azettaa	azettua	azettja	azettada	azettada	azettuda	azotada	azotada	azotada	azotada	azotada	azotada		останавливать	

№	Киж.	Кет.	Клив.	Вен.	Тиг.	Рёл.	Онд.	Пид.	Юст.	Крп.	Слц.	Влд.	Вет.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Оэр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[sk]	[k]	[sk]	[k]	?	?	[k]	[sk]	?	[k]	[k]	[k]	[k]	[k]	[k]	[k]	[k]	[k]	?	?	?	?	?	?	?							
51	kiskuo	kiskuo	kiskuo	kiskuo	kiskuo	kiskua	kiskua	kiškua	kiskua	kiškuo			kiškuo	kiskuo		kiškua	kiškua	kiškuo	kiškua	kiškua	kiškja	kiškoda										вырывать
52	viskuan	viskuan	viskuan	viskuan	viskuan	viskain	viskain	viškain	viskain	viškain							viškain						viškain									черпак
53	kiiski	kiiski	kiiski	kiiski	kiiski		kiiski									kiiškoi	kiiškoi		kiiškoi	kiiškoi												ерш
	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ/ks]	[kʃ/ks]	[kʃ/ks]	[kʃ/ks]	[ks/kʃ]	[ks/kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ/ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	
54	okša	okša	okša	okša	okša	okša	okša	okša	oksa	oksa	okša	okša	okša	okša	okš	oksu	oksu	oksu	oksu	oksu	okso	oks	okse	oks	oks	oks	oks	oks	oks	oks	oks	ветвь
55	makša	makša	makša	makša	maksa	makša	makša	makša	maksa	maksa	makša	makša	makša	makša	makš	maksu	maksu	maksu	maksu	maksu	maksu	makso	maks	makse	maks	maks	maks	maks	maks	maks	maks	печень
56	makšua	makšua	makšua	makšua	makšua	makšua	makšaa	makšua	maksua	maksua	makšua	makšoa	makšja	makšua	maksuu	maksua	maksaa	maksoa	maksaa	maksua	maksja	maksada	maksada	maksta	maksta	maksta	maksta	maksta	maksta	maksta	maksta	платить
57	pakšu		pakšu		pakšu	pakšu	pakšu				pakšu	pakšu		pakšu	pakš																	толстый
58	jakšua	jakšua	jakšua	jakšua	jakšua	d'aksua	d'aksaa	d'akšattoa	d'ak-saudua	d'ak-sattua	jak-šuočie					d'ak-sattua	jaksattaa	jaksattoo	jaksattaa	jaksua	jaksja	d'ak-sattada	d'ak-sattai									снять
59	okšentua	okšentua	okšentua	okšentua	okšendua	okšendoa		okšendoa	okšendua	okseta	okšendua	okšendoa	okšendja	okšendua	okšenduu	okšendua	okšendaa	okšendoa	okšendaa	okšendua	okšendja	okseta	okseta	okseta	okseta	okseta	okseta	okseta	okseta	okseta	okseta	рвать
60								kekšie	kekšie	kekšie		kekšie	kekšie	kekšie	kekšii																замечать	
61						piekšüä	piekšää	piekšie			piekšüä					pieksiä	pieksee	piekseä	pieksää	piäksiä	pieksie	pieksada										мешать
62	piekšüä	piekšüä	piekšüä	piekšüä	piekšüä	piekšüä	piekšää	pieksiä/ piekšüä	piekšüä	pieksiä						piäksiä	pieksee	piekseä	pieksää			pieksada	pieksäi	pieksta	peksta	peksta	peksta	peksta	peksta	peksta	peksta	сбивать
	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ/rz]	[rʃ]	[rʃ/rz]	[rʃ/rz]	[rz/rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ/rz]	[rʃ]	[rʃ]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	[rz]	
63	viršut	viršut	viršut	viršut	viržud	virzut	viržud	virzut	virzut	virzut						virzut	virzut	virzut	virzut	virzut	virzut	virzut	virzut	virzut	verzud	virzud	virzud	virzud	virzud	virzud	virzud	лапти
64											kürzä							kürzü	kürzü	kürzü		kürz	kürze	kürz	körz	kürz	kürz	kürz	kürz	kirz	блин	
65																kirzi	kirzi	kirzi	kirzi	kirzi	kirzi	kirzo	kirz	kirzi							мерзлота	
66	korši								korži	korzi	korži	korži	korži	korži		kordeh	korzi	korzi	korzi	korzi		korž	korzi								стебель	
67			kuoršata	kuoršata	kuoržuo	kuoržuo				kuorzuo									kaarzata	kuorzata			kuorzuda	kuorsta			korsta	korsta	korsta		храпеть	
68	käršie	käršie	käršie	käršie									kärzie				kärzie		kärziä	kärziä												терпеть
69		moršien				moržein						moržien		moržiim																		невеста
70	poršaš	poršaš	poršaš	poršaš		poržaš																			porsheine	porzas	porzas	porzas	porzas	porzas		поросенок
71	käršittua	käršittua	käršittua	käršittua	käršittua		käržittaa					käržit'ia	käržit'ia	käržit'ia																		успокаивать
72			peršeluut			perželuut		perželuut	perželuut													perželuud	perželuud	perželuud								газ
73							viržittaja	viržittaja	viržittaja	viržittaja									viržittai			viržittaj										плакальщица
74	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	viršta	virštu	virštu	virštu	virštu	virštu	virštu	virsto	virst	virste	virst	virst	virst	virst	virst	virst	virst	верста
75	varši	varši	varši	varši																												стебель
76	šorša	šorša	šorša	šorša	šorža	šorža	šorža	šorža	šorža	šorža	šorža		šorža	šorža		šorzu	šorzu	šorzu	šorzu	šorzu	šorzo		šorze	šorz	šorz	šorz	šorz	šorz	šorz	šorz	шорз	утка
77	varša	varša	varša	varša	varža	varža	varža	varža	varža	varža		varža	varža	varža	varžaañ							varz	varzaine	varzaane	varzeine	varzeine	varzeine	varzeine	varzeine	varzaane		жеребенок

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вен.	Тиг.	Рбл.	Онд.	Пид.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Оэр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[nʃ]	[nʃ]	[nʃ]	[nʃ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nz]	[nz]	[nʒ]	?	?	[nʒ]	?	?	[nz]	[nz]	[nz]	[nz]	?	?	[nz]	[nz]	?	[nz]	[nz]	[nz]	[nz]	[nz]		
78	anša	anša	anša	anša	anža	anža	anža	anža	anza	anza	anža						anzu	anzu	anzu				anze								силок	
79	kinša	kinša	kinša																												клин	
80	kanša	kanša	kanša	kanša		kanža		kanža		kanza				kanža			kanzu	kanzu	kanzu	kanzu			kanze	kanze							семья	
81																	kanzu	kanzu	kanzu				kanze		kanz	kanz	kanz	kanz	kaaz	народ		
82	penšaš	penšaš	penšaš	penšaš				penžaš																		penzaz	penzaz		peeaz	куст		
	[pʃ]	[pʃ]	[pʃ]	[pʃ]	[pʃ]	[pʃ/ps]	[pʃ]	[ps]	[ps]	[ps]	[pʃ]	[ps]	?	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps/pʃ]	[ps/pʃ]	[ps/pʃ]	[ps/pʃ]	[ps]	[ps/pʃ]	[ps/pʃ]		
83	küpšüö	küpšüö	küpšüö	küpšüö	küpšüö		küpšetä	küpsüö	küpsetä	küpsüö	küpšetä					küpsetä	küpsetä	küpsetä	küpsetä	küpsetä		küpsetä	küpsetä	küpsetä	küpsetä	küpsetä	küpsetä	küpsetä	küpsetä			спеть
84						lipsuttua	lipšuttaa	lipsuttoo	lipsuttua	lipsata	lipšuta						lipšuttaa	lipšuttoa	lipšuttaa	lipsuttua	lipšata		lipsuttada	lipsata								трепать
85	vuapša-haini	vuapša-haini	vuapša-haini	vuapša-haine	vuapša-haini	vaapša-haini	voopša-hane	vuapsa-hane															vuapsa-haine			baps-heine	baps-haine	baps-heine	baps-haine	baps-heine	laps-haane	оса
86	viipšie	viipšie	viipšie	viipšie								viipšie		viipsie	viipsii									viipšta	bipšta	bipšta	bipšt'ä		bipšt'ä	bipšt'ä	мотать нитки	
	[rʃ] [rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]	[rʃ]									
87	arššina	arššina	arššina	aršina	arššina	arššina	aršina	arššina	arššina	arššina	aršina	aršina	aršina	aršina	aršin	aršin	aršin	aršin	aršin	aršin	aršin	aršin	arššin	arššin	aršin	aršin	aršin	aršin	aršin	aršin	аршин	
88						d'oršši		d'oršši	d'oršši	dorši	jorši	jorša	jorši	jorši	jorš	dorši		jorši		jorši	jorše	doršš	d'oršši	d'orš	d'orš	d'orš	g'orš	jorš	g'orš	jorš	ёрш	

3.3. Палатализация согласных

Явление палатализации согласных в той или иной степени свойственно практически всем прибалтийско-финским языкам. Смягчение переднеязычных согласных финнистами возводится к древнекарельскому периоду и объясняется результатом влияния древнерусских говоров [Turunen 1946: 337; Itkonen 1968: 100—101; Leskinen 1998: 370—371]. Современная корреляция согласных по твердости/мягкости представляет собой одно из диалектных соответствий карельского языка. Смыслоразличительной функцией наделена фонетически необусловленная палатализация (перед гласными заднего ряда или в абсолютном конце слова), например *villa/villu* ‘шерсть’ — *vil'l'a/vil'l'u* ‘зерно’. Данный вид представлен в карельских говорах довольно единообразно. В свою очередь, степень позиционной палатализации, зависящей от нескольких условий по отдельности или в совокупности, в них сильно колеблется.

В позиции начала слова:

1) довольно сильной степени регрессивной палатализации в положении перед переднерядными гласными подвержен согласный *n* (таблица 5, примеры 1—21) в собственно карельских говорах Тунгуды, Ондозера, Койкар, Центральной России, а также в ливвиковских, людиковских и вепсских говорах, в значительно меньшей степени — в северных собственно карельских говорах, Реболах, Паданах и Юостозере. Наименьшим образом на смягчение впереди стоящего согласного влияет гласный *e*;

2) согласный *l* смягчается в говорах карельского языка заметно реже, в отличие от вепсских говоров, что наглядно демонстрируют надежные ряды из таблицы 5 (примеры 22—24). По сомнительным рядам (примеры 25—47) палатализация проявилась в той или иной степени во всех говорах, кроме Падан и Юостозера;

3) реже всего смягчению подвержен согласный *r*. По надежным рядам палатализация отмечена лишь в вепсских говорах (примеры 48—51), тогда как сомнительные ряды (примеры 52—54) указывают на мягкость согласного в редких примерах в собственно карельских говорах Центральной России г. Велье-гонска и куста деревень Держа, а также в людиковских говорах д. Галлезеро и с. Михайловское. Карты атласа также демонстрируют *r'* в Тунгуде, Паданах и Святозере [Атлас 1997: к. 110];

4) палатализация смычно-взрывного согласного *t* не была вынесена программой в отдельные ряды. Ручная работа с материалом (примеры 55—73) показала, что в максимальной степени он подвержен смягчению в южнокарельских говорах собственно карельского наречия (кроме Ребол), людиковском Галлезере и в вепсском языке. Палатализация не отмечена в собственно карельских Княжой, Вокнаволоке, ливвиковских Проккойле, Колатсельге и в людиковском Святозере. В [Атлас 1997] на соответствующей карте мягкий *t'* представлен во всех собственно карельских (кроме Велье-гонска) и людиковских говорах [там же: к. 103].

По позиции середины слова программой было выделено явление палатализации носового *n* (примеры 74—80), также довольно часто подвергающегося смягчению, как и в анлаутной позиции. Сильную степень палатализации можно отметить для собственно карельских говоров Центральной России, Падан, Ондозера, Тунгуды, Кестеньги, Калевалы и Вокнаволока, ливвиковских Ведлозера, Видлицы и Олонца, а также всех вепсских говоров. Смягчение не представлено в собственно карельских Реболах. По сомнительным рядам (примеры 81—85) также можно сделать вывод о более выраженной степени палатализации смычно-взрывных согласных в собственно карельских говорах Тунгуды, Велье-гонска, Толмачей и Держи.

Карты 102—111 [там же] дают схожую картину, однако в целом они демонстрируют больший процент случаев употребления палатализованных согласных в южнокарельских говорах собственно карельского наречия Карелии, чем таблица, тогда как по отдельным позициям ливвиковских и людиковских говоров, наоборот, не указывают на наличие сильной степени смягчения.

К сожалению, графическая система привлеченных к исследованию памятников письменности не позволяет сделать каких-либо определенных выводов относительно степени палатализации в послуживших для них источником говорах карельского языка.

Результаты демонстрируют, что наиболее широкое распространение (но не такое сильное, как в вепсском языке) палатализация получила в южнокарельских говорах собственно карельского наречия (особенно в говорах Центральной России), а также в южной части ливвиковских говоров и в людиковских Галлезере и Михайловском. Вероятно, сдерживающим фактором распространения явления на северо-западе собственно карельской территории могло выступить позднее влияние со стороны соседних говоров финского языка. Большой процент случаев палатализации в южных собственно карельских говорах Карелии и в людиковских говорах можно объяснить результатом влияния фонетической системы вепсского языка. Нельзя также исключать возможности влияния русского языка, которое, очевидно, оказалось наиболее сильным в говорах Центральной России.

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вен.	Тиг.	Рбл.	Онд.	Плн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кок.	Олт.	Оар.	Влх.	Сдр.	Перевод	
54								räkki		räkki							räkki	räkki	räkki	räkki	räkke		räkke	räkk	räkk	räkk	räk	räk			жар	
	[t] ⁵	[t/v]	[t/v]	[t]	[v/t]	[t/v]	[v/t]	[v/t]	[v/t]	[v/t]	[v/t]	[v/t]	[v/t]	[v/t]	[v/t]	[t]	[t]	[t/v]	[t/v]	[t/v]	[t/v]	[v/t]	[t]	[t/v]	[v]	[v]	[v]	[v]	[v]	[v]		
55	temmata	temmata	temmata	temmata	t'emmata	temmata	temmata	t'embata/ temmata	temmata	t'emmata	t'emmata	temmata		t'emmata		temmata	temmata	temmata	temmata	temmata			tembaita		t'embeita	t'embeita	t'embeita	t'embeita	t'embeita		схватить	
56	terva	terva	terva	terva	t'erva	terva	terva	t'erva	t'erva	t'erva	terva	t'erva	t'erva	t'erva	t'erva	tervu	tervu	tervu	tervu	tervu	t'ervo	t'erv	terve	t'erv	t'erv	t'erv	t'erv	t'erv	t'erv	t'erv	смола	
57	terveh	terveh	terveh	terveh	t'erveh	terveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	terveh	terveh	terveh	terveh	terveh	terveh	t'erveh	terveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'erveh	t'ervez	здоровый	
58	terä	terä	terä	terä	t'erä	terä	t'erä	t'erä	terä	t'erä	tefä	t'erä	t'erä	t'erä	t'erä	terä	terä	terä	terä	terä	terä	t'era	terä	t'era	t'era	t'era	t'era	t'era	t'era	t'era	острие	
59	terävä	terävä	terävä	terävä	t'erävä	terävä	t'erävä	t'erävä	t'erävä	t'erävä	t'erävä	t'erävä	t'erävä	t'erävä	t'erävä	terävä	terävä	terävä	terävä	terävä	terävä	t'eräv	teräv	t'eräu	t'erav	t'erav	t'erou	t'erou	t'erou	t'eraa	острый	
60	tihi	t'ihhi	t'ihhi		t'ihu		t'ihhi	t'ihhi	tihi	tihi	t'ihhi	t'ihhi	t'ihhi	t'ih	tihoi	tihi	t'ihhi	tihoi/t'ihhi	t'ihhi			t'ihu	tihi	tihed	t'ihed	t'ihed	t'ihed	t'ihed	t'ihed	t'ihed	мошка	
61	tietüä	tietüä	tietüä	tietüä	t'ied'üä	tiedüä	tiedää	tiediä	tiedüä	tietä	tied'ie			t'ied'ia	t'ied'ia	t'iad'ii	tiädjä	tiedec	tiedea	tiedää	tiädiä	tietä	t'ietta	tietä	tietä	t'eta	t'eta	t'eta	t'eta	t'eta	t'eta	знать
62	tikka	tikki	tikka	tikka	tikka	tikku	tikka	tikku	tikku	tikku		tikku	tikku	tikku	tikku	tikku	tikku	tikku	tikku	tikku	tikko	tikku	tikku	tik	t'ik	t'ikk	t'ik	t'ik	t'ik'	t'ik'	дятел	
63	tippuo	tippuo	tippuo	tippuo	tippuo	tippua	tippua	tippuo	tippua	tippuo	tippua	tippuo	tippuo	tippuo	tiputtaa	tippua	tippua	tippuo	tippua	tippua	tippua	t'ippja	tippida	tippuda	tippuda			t'ippuda	t'ippuda		капать	
64	tühjä	tühjä	tühjä	tühjä	t'uhjä	tühjä	t'uhjä	tühjä	tühjä	tühd'ä	t'uhjä	t'uhjä	t'uhjä	t'uhjä	t'uhji	tühd'ü	tühjü	tühjü	tühd'ü	tühjü	t'uhd'ö	tühd'	tühje	tühd'	t'uhd'	t'uhd'	t'uhg'eine	t'uhj	t'uhg'	t'uhj	пустой	
65	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö		t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö	t'üt't'ö							девочка	
66	tütär	tütär	tütär	tütär	t'ütär	tütär	t'ütär	tütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	tütär	tütär	tütär	tütär	tütär	tütär	tütär	t'ütär	tütär	tütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	t'ütär	дочь	
67	tüüntüö	tüüntüö	tüüntüö	tüüntüö	tüü- nistüö	tüü- nistüä	tüü- nistüä	tüü- nistüä	tiunistüä	tüü- nistüö	tüü- nistüä			t'üü- nist'üö		tüw- nistüä	tüü- nistüö	tüü- nistüö	tüü- nistüä	tüü- nistüö	tüü- nistüö	tüü- nistüä	tüü- nistüö	tüw- ništuda		t'ü- ništuda	t'üü- ništuda	t'ünduda	t'ü- ništuda	t'ü- ništuda	t'ü- ništuda	утихать
68	tüö	tüö	tüö	tüö	t'üö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	t'üö	t'üö	t'üö	t'üö	t'üä	tüö	tüö	tüö	tüö	tüä	tüö	tüö	tüö	tüö	t'ö	t'ö	t'ö	t'ij	t'ö	t'e	вы	
69	tüöntüä	tüöntüä	tüöntüä	tüöntüä	t'üönd'ua	tüöndüä	tüöndää	tüöndiä	tüöndüä	tüöndüä	tüöndje	tüöndöä	tüöndiä	t'üönd'ia	tüändii	tüöndiä	tüöndee	tüöndeä	tüöndää	tüändiä	tüötä	tüötä	tüötä	tüötä							отправлять	
70	tähkä	tähkä	tähkä	tähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	t'ähkä	tähk	tähkü	tähkü	tähkü	tähkü	tähkü	tähkü	tähkö	tähk	tähke	tähk			t'ähk	t'ähk	t'ähk	t'ähk	колос
71	tämä	tämä	tämä	tämä	t'amä	tämä	tämä	t'amä	t'amä	tämä	t'amä	t'amä	t'amä	t'amä	t'am	tämä	tämä	tämä	tämä	tämä	t'amä	t'amä	tämä	tämä							этот	
72	tänne	tänne	tänne	tänne	t'änne	tänne	tän	tännä	t'änne	t'änne/ tänne	t'änne	t'änne	t'änne	t'änne	tänne	tänne	tänne	tänne	tänne	tänne	tänne	t'ännä / tänne	tänne	t'änne / tänne	tänna	tänna	tänna	tänna	tänna	t'äna	сюда	
73	täüši	täüši	täüši	täüši	t'äüži	täüži	täüži	täüži	t'äüži	täüzi	t'aazi	täüzi	t'äüzi	t'äüzi	täüz	täüzi	täüzi	täüzi	täüzi	täüzi	täüze	t'äüz	täüze	täüz	t'öüz	t'öüz	t'öüz	t'öüz	t'äüz	t'äüz	полный	
	[n/n']	[n/n]	[n/n]	[n/n]	[n/n]	[n]	[n/n]	[n/n]	[n/n]	[n/n]	[n]	[n/n]	[n]	[n/n]	[n]	[n/n]	[n]	[n/n]	[n/n]	[n]	[n/n]	[n/n]	[n/n]	[n]	[n]	[n/n]	[n/n]	[n/n]	[n]	[n/n]		
74	maiñita	maiñita	maiñita	maiñita	maiñita	mainita	maiñičia	maiñita	mainita	mainita	muañita		maiñita		maiñita	muañita		maiñita	maañita	maiñita	maiñita	mainitta	mainita	mainita							упоминать	
75	mua- nittua	mua- ñittua	mua- ñittua	mua- ñittua	mua- ñittua		maa- ñittaa	mo- nittoo	mua- nittua	mua- nittua				mua- ñittua		mua- nittua	maa- nittaa	moa- ñittooa	maa- ñittaa	mua- ñittua		mua- nittada	mua- nittai	mua- nittada	ma- ñitada	ma- ñitada	ma- ñitada	ma- ñitada	ma- ñitada	ma- ñitada	лгать	
76									niini	ñiini	ñiini	ñiini	ñiini	ñiini		ñiini	ñiini	ñiini	ñiini	ñiini	ñiine		ñiini	niin	ñiin	ñiin	ñiin	ñiin	ñiin	ñiin	лыко	
77	puiñi	puiñi	puiñi	puiñi							puiñe	puiñe	puiñe	puiñe	puiñ																бочка	
78	ihmini	ihmini	ihmini	ihmini			ihmini					ihemiñe		ihemiñe	ihemiñ																человек	

⁵ Ряды с t / v выбраны из общих рядов с t.

3.4. Дистрибуция согласных j/d'

Инструмент «Анализ когнатов» к надежным рядам соответствий карельского консонантизма отнес дистрибуцию согласных j/d' .

В позиции начала слова переход $*j > d'$ представлен во всех южнокарельских говорах собственно карельского наречия Карелии (кроме Тунгуды), в людиковских говорах, а также в ливвиковских Проккойле и Видлице. Кроме того, d' в позиции начала слова демонстрируют северновепские говоры Шелтозера и Каскесручья (в восточных говорах средневепского диалекта представлен переход $j > g'$). Некоторые следы явления обнаруживают ливвиковские Ведлозеро и Кондуши, а также собственно карельский говор Тунгуды (таблица 6, примеры 1—13; рис. 5).

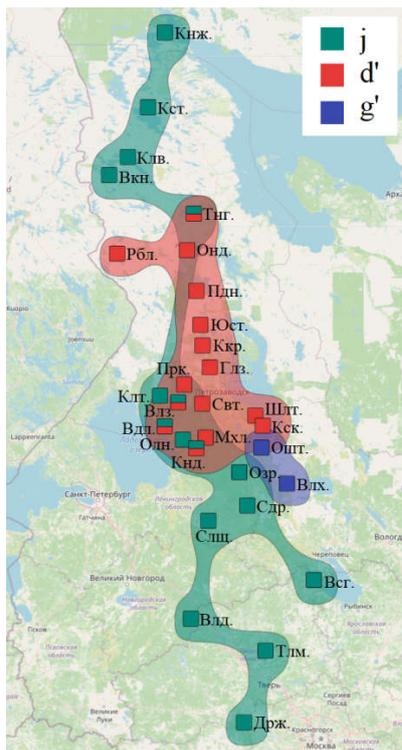

Рис. 5. Рефлексы прибалтийско-финского анлаутного $*j$

В середине слова в интервокальной позиции явление не представлено (примеры 14—18), тогда как в постконсонантной (после согласных h, r) по сомнительным рядам (примеры 19—25) граница перехода $*j > d'$ на собственно карельской территории сместилась значительно южнее в сравнении с анлаутной позицией: явление отражено лишь в Койкарах, Юостозере и Паданах, причем в двух последних представлены и примеры, не демонстрирующие наличия перехода. На территории южных карельских наречий ситуация середины слова практически не отличается от ситуации начала слова, с той лишь разницей, что в Ведлозере переход в инлаутной позиции не обнаружен.

Ни в одном из проанализированных в рамках настоящего исследования памятников карельской письменности явление не зафиксировано, например *ялга* ‘нога’, *юва* ‘пить’, *кирья* ‘письмо’ [Тверские переводные 2020], *юмалъ* ‘бог’, *юретта* ‘укоренить’, *лагыю* ‘дар’ [Перевод некоторых молитв 1804], *Юги* ‘река’, *Ялга* (в «корельской» части), *Юмалъ*, *Ялгу* (в «олонецкой» части) [Сравнительные словари 1787, 1789], *юота* ‘напой’, *юмала* [Мещерский 1961], *Юмалà*, *’Яльга*, *Корья* ‘сани’ [Савельева и др. 2021], *’Гѣки* ‘река’, *юмала*, *по’ьа* ‘дно’ [Муллонен, Панченко 2013], *ялгат* ‘ноги’, *юмал* [Мызников 2010].

Переход $j > d'$ исследователи карельской диалектной речи считают довольно молодым инновационным явлением (не древнекарельским) с чисто ареальной природой, на что указывает отсутствие каких-либо его следов как в памятниках письменности, так и в собственно карельских говорах Центральной России. Наличие аналогичного перехода в северновепских говорах, при сохранении j в южном вепском ареале [ЛАВЯ 2019: 70—72], позволяет искать в обоих языках общие корни явления, вызванного возможным русским языковым влиянием [Tunkelo 1946: 464; Turunen 1946: 318; Зайцева 2016: 72—74,

202—204]. В связи с этим следует отметить, что аналогичное восточным вепским говорам явление (переход [j] в [г'] в начале слова) характерно для заонежских говоров русского языка, что, напротив, объясняется влиянием прибалтийско-финского языкового компонента региона [Михайлова 2019: 40]. Не исключается и возможность людиковского происхождения перехода, что, в свою очередь, позволяет объяснить неравномерность его распространения в говорах остальных карельских наречий [Ojansuu 1918: 75—76].

3.5. Вокализация согласного /

Для людиковского говора Михайловского в словах заднерядного вокализма характерен переход $l > u$ преимущественно в позиции перед губными и заднеязычными согласными (таблица 8, примеры 3—13). На относительно небольшой возраст инновации указывает наличие в говоре форм, сохранивших согласный / (примеры 1—3). Следует добавить, что в собранных Ю. Куёла в начале XX в. людиковских словарных материалах переход отмечен исключительно в говоре д. Намоево [Kujola 1944].

Широкое распространение явления демонстрируют все вепские диалектные материалы, однако подтверждением молодости перехода в вепском языке служат зафиксированные в XIX в. топонимы с согласным / [ЛАВЯ 2019: 40—44]. В текстах карельско-вепских заговоров XVII в. никаких следов инновации не представлено, например *ялгат* 'ноги', *кулдаижет* 'золотые', *валгет* 'белое' [Мызников 2010].

Таким образом, позднее распространение перехода в людиковских говорах следует относить к результатам влияния фонетической системы соседних контактных говоров вепского языка (см. [Tunkelo 1946: 252; Turunen 1950: 47, 307—309; Virtaranta 1972: 20]). А. Турунен, однако, не исключает возможности возведения анализируемого явления в отдельных людиковских говорах (в том числе в Намоеве) к результатам непосредственного влияния фонетической системы северо-восточных (центральных онежских) говоров русского языка [Turunen 1950: 308—309], развитие аналогичного перехода в которых обычно относится к внутриязыковому процессу [Русская диалектология 1960: 80—83; Бромлей 2010: 165; ДАРЯ: к. 61].

Таблица 6. Дистрибуция согласных j/d⁶

№	Кнж.	Кст.	Кль.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слщ.	Влд.	Вер.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[j]	[j]	[j]	[j]	[j/d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[d]	[j]	[j/d]	[d/j]	[j]	[j/d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[d]	[q]	[j]	[q]	[j]		
1	jumala	jumala	jumala	jumala	jumala	d'umala	d'umala	d'umala	d'umala	d'umala	jumala	jumala	jumala	jumala	jumala	d'umal	jumal	d'umal / jumal	d'umal	jumal	jumal	d'umal	d'umal	d'umal	d'umal	d'umal	d'umal	g'umou	jumou	g'umou	jumaa	бог
2	joki	joki	joki	joki	joki	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	jogi	jogi	jogi	jogi	jog	d'ogi	jogi	jogi	d'ogi	jogi	joge	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	d'ogi	g'ogi	jogi	g'ogi	jogi	река
3	jānis	jānis	jānis	jānis	jānis	d'ānis	d'ānis	d'āniš	d'ānis	d'āniš	jānis	jānis	jānis	jānis	jānis	d'ānoi	jānoi	jānoi	d'ānoi	jānoi	jānüö	d'ānüöi	d'ānüöi	d'ānüö	d'āniš	d'āniž	g'āniš	jāniš	g'āniš	jāniš	заяц	
4	jalka	jalka	jalka	jalka	jal ga	d'alga	d'alga	d'alga	d'alga	d'alga	jalga	jalga	jalga	jalga	jalg	d'algu	jalgu	jalgu	d'algu	jawgu	jalgo	d'alg	d'alge	d'aug	d'oug	d'oug	goug	joug	g'aug	jaag	нога	
5	jakua	jakua	jakua	jakua	jagua	d'agua	d'agaa	d'agua	d'agua	d'agua	jagua	jaguo	jagia	jagua	jaguu	d'agua	jagaa	jagoo	jagaa / d'agaa	jagua	jagia	d'agada	d'agada	d'agada	d'agada	d'agada	d'agada	g'agada	jagada	g'agada	jagada	делить
6	juuri	juuri	juuri	juuri	juuri	d'uuri	d'uuri	d'uuri	d'uuri	d'uuri	juuri	juwri	juwri	juuri	juur	d'uuri	juuri	juwri	juuri / d'uuri	juwri		d'uuf	d'uuri	d'uuf	d'uur	d'uur	g'ur	jur	g'ur	jur	корень	
7	järvi	järvi	järvi	järvi	järvi	d'arvi	d'arvi	d'arvi	d'arvi	d'arvi	järvi	järvi		järvi		d'arvi	järvi	järvi	järvi / d'arvi	järvi	järve	d'arvi	d'arvi	d'arv	d'arv	d'arv	g'arv	järv	g'arf	järv	озеро	
8	jiä	jiä	jiä	jiä	d'ia	d'ia	d'ia	d'ee	d'ia	d'ia	jie	jöä	jiä	jiä	jiä	d'ia	jee	d'ea	d'ää/jää	jiä	d'ia	d'ia	d'ia	d'ia	d'ia	d'ia	g'a	jä	g'a	jä	лед	
9	joučen	joučen	joučen	joučen	joučen	d'oučen	d'oučen	d'oučen	d'oučen	d'oučen	joučen					d'oučen	joučen	jowčen	d'oučen	jowčen	joučen	d'oučuoi	d'oučen	d'oučen	d'oučen		g'uucen	juucen	g'ücon	juusn	лебедь	
10	jüvä	jüvä	jüvä	jüvä	d'üvä	d'üvä	d'üä	d'üvä		d'üvä	jüvä	jüvä	jüvä	jüvä	jüvi	d'üvä	jüvä	jüvä	jüvä	jüvä	d'üvä	d'üvä	d'üvä	d'üvä	d'üvä	d'üvä	d'üvä	g'üvä	jüvä	g'üvä	jivä	зерно
11	juottua	juottua	juottua	juottua		d'uottua		d'uottoo	d'uottua	juottua		juottua		juottua	juottuu		juottaa	juottoa	d'uottaa	juottua		d'uottai		d'uotta								поить
12	jälki	jälki	jälki	jälki	jälgi	d'algi	d'algi	d'algi	d'algi	d'algi	jälgi	jälgi	jälgi			jälgi	jälgi	jälgi	d'algi	jälgi	jälge							jälgi				след
13	jükie	jükie	jükie	jükie	jügie	d'ügie	d'ügiä	d'ügie	d'ügie	d'ügie	jügie	jügie	jügie	jügie	jügie	d'ügiä	jügie	d'ügie	d'ügie	jügie	d'ügie	d'üged	d'üged	d'üged	d'üged	d'üged	d'üged	g'üged	jüged	g'üged	jüged	тяжелый
	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	[j]	
14	ajua	ajua	ajua	ajua	ajua	ajua	ajaa	ajoa	ajua	ajua	ajua	ajoa	ajja	ajua	ajuu	ajua	ajaa	ajoa	ajaa	ajua	ajja	ajada	ajada	ajada	ajada	ajada	ajada	ajada	ajada	ajada	ajada	ехать
15	oja	oja	oja		oja		oja	oja	oja	oja	oja					oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	oja	ручей
16			pajattua	pajattua	pajattua	pajattua	pajattaa	pajattoo	pajattua	pajattua			pajattja			pajattua	pajattaa	pajattoo	pajattaa	pajattua	pajattja	pajat-tada	pajat-tada	pajatada	pajatada	pajatada	pajatada	pajatada	pajatada	pajatada	петь	
17					paju	paju	paju	pajo	pajo	pajo						pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	pajo	песня	
18		raja	raja	raja	raja		raja	raja		raja							raja	raja	raja	raja	raja	raja	raja	raja							граница	
	[hj]	[hj]	[hj]	[hj]	[hj]	[hj]	[hj]	[hj/hd]	[hd/hj]	[hd]	[hj]	[hj]	[hj]	[hj]	[hj]	[hd]	[hj]	[hj]	[hd]	[hj]	[hd]	[hd]	[hd]	[hd]	[hd]	[hd]	[hd]	[hg]	[hj]	?	?	
19	pohjañi	pohjañi	pohjañi	pohjañi	pohjañe	pohjañi	pohjañi	pohjane	poh-d'ane	poh-d'ane	pohjañe				poh-d'ane	pohjane	pohjaine	poh-d'ane	pohjaine	poh-d'ane	pohd'	poh-d'ane	poh-d'aañe	poh-d'eine	poh-d'aine	poh-g'eine	pohjeine				север	
20	lahjua	lahjottua	lahjuo	lahjuo	lahjua	lahjottua	lahjata	lahjuttoo	lahd'ua	lahd'uo	lahjua			lahjuo	lahjottuu	lahd'ua	lahjua		lahd'ua	lahjua		lahd'oda	lahd'oda					lahjoita			дарить	
21					tuhjo	tuhjo		tuhd'o	tuhjo	tuhd'o	tuhjo	tuhjo	tuhjo	tuhjo		tuhd'o	tuhjo	tuhd'o	tuhd'o	tuhjo			tuhd'o								куст	

⁶ Таблица представлена в сокращенном виде.

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онл.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[rj]	[rj]	[rj]	[rj]	[rj]	[rj]	[rj]	[rj]	[rdʲ]	[rdʲ]	[rj]	[rj]	[rj]	[rj]	[rj]	[rdʲ]	[rj]	[rj]	[rdʲ/rj]	[rj]	[rdʲ]	[rdʲ]	[rdʲ]	[rdʲ]	[rdʲ]	[rdʲ]	[rgʲ]	[rj]	[rgʲ]	[rj]		
22	kirja	kirjañi	kirjañi	kirjañi	kirjañe	kirjañi	kirjañi	kirjane	kird'ane	kird'ane	kirja	kirja	kirja	kirja	kirji	kir-d'aine	kirjane	kirjaine	kir-d'aine	kirjaine	kird'ane	kir-d'aine	kir-d'aine	kir-d'aañe	kir-d'eine	kir-d'aine	kir-g'eine	kirj	kir-g'eine	kirj	письмо	
23	šürjä	šürjä	šürjä	šürjä												sürjü	sürjü			sürjü	sürdö											сторона
24																kard'u	karju	karju	kard'u / karju	karju												стадо
25																	harju	harju	hard'u	harju	hard'o											грива

Таблица 7. Сохранение/вокализация согласного /

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онл.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[lC]	[C/lC]	[C]	[C]	[C]	[C]	[C]	[C]		
1	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkuna	talkkuna	talkkuna	talkuna	talkkuna	talkuna	talkuna	talkuna	talkun	talkun	talkun	talkun	talkun	talkun	talkun	talkkun	talkkun	talkun	toukun	toukun	toukun	toukun	toukun	taakun	толокно
2	palkka	palkka	palkka	palkka		palkka	palkka	palkka	palkka	palkka	palka	palkka	palka	palka	palk	palku	palku	palku	palku	palku	palko	palkk	palkke	palk	pouk	pouk	pouk	pouk	pouk	pauk	paak	заработок
3	palkata	palkata	palkata	palkata	palkata		palkata	palkata	palkata	palkata	palkata	palkata		palkata		palkata	palkata	palkata	palkata	palkata		palkkatta	palkata	palkata	poukata	poukata	poukata	poukata	poukata	paakaata	нанимать	
4	kolmi	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolm	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	kolme	koume	koume	koume	kuume	koumo	kuume	koume	три	
5	kulma-karvat	kulmat	kulmi-karvat	kulmat	kulma-karvat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmo-karvat	kulmat	kulmat	kuumad	kuumad	kuumad					брови	
6	valmis	valmis	valmis	valmis		valmis	valmis	valmis				valmiš		valmiš		valmis		valmis	valmis	valmiš	valmiš	valmiz	valmiš	vaumis	voumiž	voumiž	voumiž	voumiž	vaumiž	vaamiž	спелый	
7					kalma					kalma	kalma		kalma	kalma	kalm	kalmu	kalmu	kalmu		kalmu	kalmo	kalm	kalme		koum	koum	koum	koum	koum	kaam	могила	
8			palttina	palttina		palttina		paltin	palttina	paltina						paltin	paltin	paltin	paltin	paltin	paltin	paltin	palttjn	paltin	pautin	pautjn	pautjn	poutjn	pautjn	paatjn	полотно	
9	valkie	valkie	valkie	valkie	valgie	valgie	valgia	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgie	valgei	valgei	valgei	valgei	valgei	valgei	valgei	valged	valgei	vauged	vauged	vauged	vauged	vauged	vauged	vaaged	белый
10	šulka	šulka	šulka	šulka	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga		šulga	šulga		šulgu	šulgu	šulgu	šulgu	šulgu		šulg	šulge	šug	šug	šug	šug	šug	šug	šug	шуг	перо
11	valkie	valkie	valkie	valkie	valgie	valgie	valgia	valgia	valgie	valgie	valgie					valgei	valgei	valgei	valgei	valgei		valgei	valgei	vauged	vouged	vouged	vouged	vouged	vouged	vaaged	бледный	
12	olkapiä	olkapiä	olkapiä	olkapiä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupēe	olgupiä	olgopiä	olgupie	olgupōä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupēe	olgupēä	olgupää	olgupiä	olgupiä	olgupiä	olgupiä	ouganpiä							плечо	
13	jalka	jalka	jalka	jalka	jalga	d'alga	d'alga	d'alga	d'alga	d'alga	jalga	jalga	jalga	jalga	jalg	d'algu	jalgu	jalgu	d'algu	jalgu	jalgo	d'alg	d'alge	d'aug	d'oug	d'oug	goug	joug	g'aug	jaag	нога	

3.6. Геминаты/одиночные согласные

Смыслоразличительную роль в карельском языке играет разделение геминат и одиночных согласных. Удвоенные согласные основы слова восходят к прибалтийско-финским соответствиям, в собственном карельском и ливвиковском наречиях они также образуются в процессе качественного чередования ступеней согласных, кроме того, они могут входить в состав словоизменительных аффиксов или формироваться на границе основы и показателя. Практически все согласные карельского языка (за исключением *b, f, g, z, ž*) могут выступать в одиночном и геминированном виде.

Отличительной чертой людиковского говора Михайловского, как и вепсских говоров, является нерегулярное сокращение первоначальных геминат, оказавшихся вследствие апокопы в абсолютном конце слова (таблица 8, примеры 1—23). Кроме того, говор Михайловского с вепсским языком по сомнительным рядам сближает использование геминаты *ss* или одиночного *s* на месте праязыкового **tts* там, где в остальных карельских говорах представлена гемината *čč* (примеры 19—23).

Феннисты склоняются к древнекарельскому характеру вызванного влиянием фонетической системы древнерусского языка распространения небно-зубной аффрикаты [Häkkinen 1985: 35]. А. Турунен отмечает явный архаичный характер геминаты *ss* в михайловских и северо-восточных говорах людиковского наречия, объясняя распространение аффрикаты *čč* на основной людиковской территории влиянием других карельских наречий [Turunen 1946: 205—207]. Д. В. Бубрих же, наоборот, относит людиковскую особенность к результатам влияния фонетической системы вепсского языка [Бубрих 1947: 130].

В самых ранних памятниках карельской письменности 1667 и 1668 гг. геминированные аффрикаты отражены именно в «цокающем» виде, например *Vátъца* ‘живот’, *Métъца* ‘лес’, но *Héйчють* ‘девушка’, *Káча* ‘смотри’ [Савельева и др. 2021], *сталца* ‘миска’ [Муллонен, Панченко 2013], что, с одной стороны, может указывать на особенность звукового облика геминаты в прошлом карельского языка, но, с другой стороны, может быть спровоцировано присущим северорусскому наречию и восточным среднерусским говорам цоканьем. Любопытно, что в карельско-вепсских текстах того же периода, напротив, преимущественно используются небно-зубные аффрикаты, например *сеичеме* ‘семь’, *ичче* ‘сам’, *катчюи* ‘смотрящий’ [Мызников 2010].

Диалектные отличия в употреблении/неупотреблении смычно-взрывных геминат (*kk, pp, tt*) представлены также в постсонорной позиции (после согласных *l, m, n, r*) (примеры 24—43; рис. 6):

— в северных собственно карельских говорах Карелии и в людиковском Галлезере обнаружено регулярное использование геминаты;

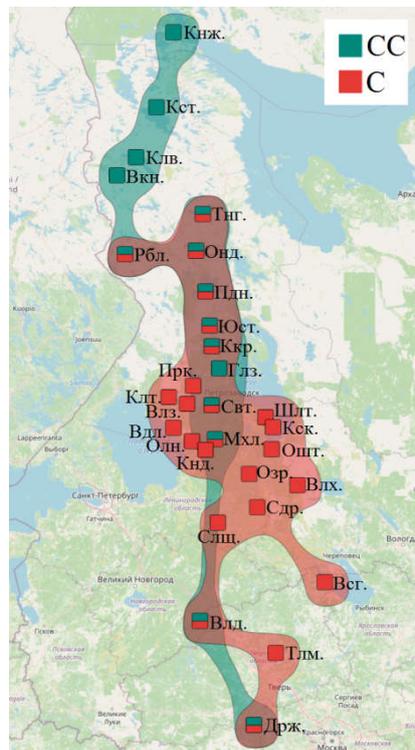

Рис. 6. Рефлексы прибалтийско-финских постсонорных геминат

— в ливвиковских, вепсских, а также собственно карельских говорах Центральной России (Селище, Весьегонск и Толмачи) — одиночного согласного;

— в остальных говорах отмечено использование обоих рефлексов праязыковых геминат, при этом если в южнокарельских говорах собственно карельского наречия Карелии, Валдае, а также в людиковском Святозере чаще используются геминированные согласные, то в собственно карельской Держе и людиковском Михайловском, наоборот, — одиночные.

В работах по карельской диалектологии в ливвиковском наречии по данному явлению представлена довольно пестрая ситуация, что объясняется невозможностью зачастую уловить разницу между одиночным и геминированным согласными (см. [Kujola 1910: 8; Nirvi 1932: 19, 20, 24; Leskinen 1933: 21, 32—33; Анисимов 1948: 116]). В [Атлас 1997] в северных ливвиковских говорах преимущественно отмечено употребление удвоенного согласного, по остальным анализируемым говорам отличий не обнаружено [там же: к. 54—56].

В памятниках тверской карельской письменности начала XIX в. (например, *перти* ‘изба’, *полтуя* ‘жечь’ [Тверские переводные 2020]), как и ливвиковской (*пáлка* ‘плата’ [Перевод некоторых молитв 1804]), а также в «корельских» материалах словаря П. С. Палласа (*Кулку* ‘горло’ [Сравнительные словари 1787, 1789]), в соловецком списке (*пéрти* ‘изба’ [Муллонен, Панченко 2013]) и в текстах карельско-вепсских заговоров (*гурть* ‘волк’ [Мызников 2010]) в постсонорной позиции зафиксированы краткие согласные, тогда как в русско-карельском словнике и в словарной записи 1668 г. встречаются оба варианта представительства явления, например *перти*, но *палъкка* ‘наем’ [Мещерский 1961], *Гиръти* ‘серп’, *Тáльта* ‘долото’, но *Киръльпо* ‘блоха’ [Савельева и др. 2021].

Сокращение геминат в постсонорной позиции, также возводимое к результатам влияния фонетической системы русского языка, относится к периоду самостоятельного развития карельских наречий [Ojansuu 1918: 10; Leskinen 1933: 41]. Согласно представленным в таблице 8 данным, для вепсских говоров здесь также характерно употребление одиночных смычно-взрывных и аффрикат. Возможность использования геминат демонстрируют лишь говоры северновепсского диалекта, что может быть объяснено результатом влияния фонетической системы карельского языка [ЛАВЯ 2019: 58—60].

4. Заключение

В процессе обработки рядов соответствий, отобранных инструментом «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок на базе карельских и вепских диалектных данных [СОСД 2007], был определен целый ряд явлений в области консонантизма, обнаруживающих диалектные различия. Каждый из них по-разному разделил анализируемые говоры на группы (таблица 9):

1) две группы сформировались на основе оппозиции глухих и звонких смычно-взрывных согласных: севернокарельские говоры собственно карельского наречия (Княжая, Кестеньга, Калевала, Вокнаволоок), демонстрирующие отсутствие звонких, против всех остальных говоров;

2) дистрибуция переднеязычных щелевых согласных также разбила говоры на две крупные группы: собственно карельские говоры (без Юостозера и Койкар) с доминирующим использованием шипящих; Койкары, Юостозера, людиковские, ливвиковские, а также вепские говоры, в которых распределение свистящих и шипящих представлено обратным образом;

3) по степени палатализации переднеязычных согласных образовалось три группы:

— максимально «мягкие» вепские говоры;

— южнокарельские говоры собственно карельского наречия Ондозера, Тунгуды и говоры Центральной России с более выраженной степенью палатализации;

— остальные говоры карельского языка, демонстрирующие существенно меньшую степень смягчения;

4) переход $j > d'$ представлен в южнокарельских говорах собственно карельского наречия Карелии, в людиковских и северновепских говорах, а также в ливвиковских Проккойле, Видлице и Кондушях, в меньшей степени также в Ведлозере; в остальных говорах изменение не обнаружено; для вепских говоров Ошты и Войлахты характерен переход $j > g'$;

5) по переходу $l > u$ изоглосса проходит между людиковским говором Михайловского и вепскими говорами в совокупности с одной стороны и всеми остальными карельскими говорами с другой. С ней совпадает и изоглосса, отделяющая говоры, для которых характерно сокращение геминат, оказавшихся в ауслушной позиции, от говоров их сохраняющих, а также говоры, использующие геминату cc / одиночный c , от говоров, представленных аффрикатой $čč/č$ (по сомнительным рядам);

6) сохранение первоначальных смычно-взрывных геминат в постсонорной позиции отделяет собственно карельские говоры Карелии (кроме Ондозера и Койкар) и людиковский говор Галлезера от ливвиковских и собственно карельских говоров Центральной России (без Валдая), а также говоров вепского языка. Говоры Ондозера, Койкар, Валдая и Святозера демонстрируют в данном случае переходный характер.

Таблица 9. Распределение основных междиалектных соответствий в области консонантизма⁷

	*	К.нж.	К.ст.	К.лв.	В.кн.	Т.нг.	Р.бл.	О.нд.	П.дн.	Ю.ст.	К.кр.	С.лц.	В.лд.	В.сг.	Т.лм.	Д.рж.	П.рк.	К.лт.	В.лз.	В.дл.	О.лн.	К.нд.	Г.лз.	С.вт.	М.хл.	Ш.лт.	К.ск.	О.шт.	О.зр.	В.лх.	С.др.			
Гл.	*гл.	гл.	гл.	гл.	гл.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.	зв.		
Переднез. щел. согл.	*sa, н.с.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ/s	ʃ/s	ʃ/s	s/ʃ	s	ʃ/s	ʃ/s	ʃ	ʃ/s	ʃ/s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s		
	*si/ä, н.с.	ʃ/s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ/s	ʃ/s	s/ʃ	s/ʃ	ʃ/s	s/ʃ	ʃ/s	ʃ/s	ʃ/s	ʃ/s	ʃ/s	s/ʃ	s/ʃ	s/ʃ	s/ʃ	s/ʃ	s/ʃ	ʃ/s	s/ʃ	s/ʃ	s	s	s	s	s	s	s		
	*is, с.с.	s	s	s	s	z/ʒ	z	z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	z	z	z/ʒ	z/ʒ	z	z/ʒ	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	
	*si, з.в. с.с.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	z/ʒ	ʒ/z	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	z	z	z	z	z	z	ʒ	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	
	*si, п.в. с.с.	s	s	s	s	z	z	z	z	ʒ	z/ʒ	z	z	z	z	z	z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	z	ʒ	z	z	z	z	z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	ʒ/z	
	*s, п.в. с.с.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	z	ʒ/z	z	z	z	z	z	z	-	ʒ	z	-	z	z	z/ʒ	z	z/ʒ	z	z	z	z	z	z	z	-	-	z	-	
	*s, з.в. с.с.	ʃ/s	ʃ	ʃ	ʃ	ʒ/z	ʒ/z	ʒ	ʒ/z	z	z	ʒ/z	ʒ	ʒ	ʒ/z	ʒ/z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	
	*st, *sk	ʃC	ʃC/sC	sC/ʃt	sC/ʃt	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	sC	sC	sC	sC	sC	sC	sC	sC/ʃC	sC	sC	sC	sC	sC	sC	sC	sC	sC							
	*isk, *ist	sC	ʃC	sC	ʃC	-	-	ʃC	sC	-	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	ʃC	-	-	-	-	-	-	-	-							
*Cs	Cʃ	Cʃ	Cʃ	Cʃ	Cʃ/Cs	Cʃ/Cs	Cʃ/Cs	Cʃ/Cz	Cs/Cʃ	Cs/Cʃ	Cʃ	Cʃ/ps	Cʃ/Cz	Cʃ/ps	Cʃ/Cs	Cs	Cs	Cs	Cs	Cs	Cs	Cs	Cs/Cʒ	Cs	Cs/pʃ	Cs/pʃ	Cs/pʃ	Cs/pʃ	Cs	Cs/pʃ	Cs/pʃ	Cs/pʃ		
Палагал.	*n, н.с.	n/nʲ	n/nʲ	n/nʲ	n/nʲ	nʲ	n/nʲ	nʲ/n	n/nʲ	n/nʲ	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ	nʲ/n	nʲ/n	nʲ	nʲ											
	*l, н.с.	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l	l	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	l/lʲ	lʲ/l	lʲ/l	lʲ	lʲ	lʲ	lʲ	lʲ	lʲ	
	*r, н.с.	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r/rʲ	r	r/rʲ	r	r	r	r	r	r	r	r/rʲ	r	r/rʲ	rʲ/r	rʲ	rʲ/r	rʲ/r	rʲ/r	rʲ/r	rʲ/r	
	*t, н.с.	t	tʲ	tʲ	t	tʲ/t	tʲ	tʲ/t	tʲ/t	tʲ/t	tʲ/t	tʲ/t	tʲ/t	tʲ/t	tʲ/t	tʲ/t	t	t	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ	tʲ
	*n, с.с.	n/nʲ	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ/n	n	nʲ/n	nʲ/n	n/nʲ	n/nʲ	nʲ	nʲ/n	nʲ	nʲ/n	nʲ	n/nʲ	n	nʲ/n	nʲ/n	nʲ	n/nʲ	n/nʲ	nʲ/n	nʲ	nʲ	nʲ/n	nʲ/n	nʲ	nʲ/n	nʲ	nʲ/n	nʲ/n	
*t, с.с.	t	t	tʲ	tʲ	dʲ/d	d	d/dʲ	d/dʲ	d	d	d/dʲ	d	d/dʲ	d/dʲ	dʲ/d	d/dʲ	d/dʲ	d/dʲ	d/dʲ	d/dʲ	d/dʲ	d	tʲ/d	tʲ/d	tʲ/d	tʲ/d	tʲ/d	t	t	t	t	t	t	
j/d	*j, н.с.	j	j	j	j	j/dʲ	dʲ	dʲ	dʲ	dʲ	dʲ	j	j	j	j	j	dʲ	j	j/dʲ	dʲ/j	j	j/dʲ	dʲ	dʲ	dʲ	dʲ	dʲ	gʲ	j	gʲ	j	j	j	
	*Cj, с.с.	Cj	Cj/Cdʲ	Cdʲ/Cj	Cdʲ	Cj	Cj	Cj	Cj	Cj	Cdʲ	Cj	Cj	Cdʲ/Cj	Cj	Cdʲ	Cdʲ	Cdʲ	Cdʲ	Cdʲ	Cdʲ	Cgʲ	Cj	Cgʲ	Cj	Cj	Cj							
Гс- мн.	*l	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC	lC								
	VCC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC	CC/C	CC	CC/C	CC/C	CC/C	C	C	C	C	C	C								
	CCC	CC	CC	CC	CC	CC/C	CC/C	CC/C	CC/C	CC/C	CC/C	C	CC/C	C	C	C/CC	C	C	C	C	C	C	CC	CC/C	C/CC	C	C	C	C	C	C	C	C	

⁷ Гл. — глухой согласный, н.с. — анлаутная позиция, с.с. — инлаутная позиция, п.в. — переднерядный вокализм, з.в. — заднерядный вокализм. Мелким шрифтом приведены сомнительные ряды.

Таблица 10. Матрица соответствий по консонантизму⁸

Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Всг.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	
1,5	1,5/2	1/1,5	6/5,5	5,5/5	5,5/6	6/8,5	7/8,5	8/10	5/5,5	3/3,5	4,5/6,5	4,5/5,5	3/4,5	9,5/11,5	9/10,5	9/10,5	9,5/11,5	9/10,5	10/11,5	7,5/10,5	8,5/10,5	10,5/11	15/14	15/14,5	14,5	13/12,5	15,5	13/12,5	Кнж.
	0/0,5	0,5/1	4,5/6	5/5,5	5/5,5	6,5/9	7,5/9	8,5/10,5	4,5/6	2,5/3	4/6	4/6	3,5/5	11/13	10,5/12	9,5/11	10/12	9,5/11	10,5/12	8/11	10/12	11/12	15,5/14,5	15,5/15	15	13,5/13	16	13,5/13	Кст.
		0,5	4,5/5,5	5/6	5	6,5/8,5	7,5/9,5	8,5/11	4,5/5,5	2,5/3,5	4/5,5	4/5,5	3,5/4,5	11/12,5	10,5/11,5	9,5/10,5	10/11,5	9,5/10,5	10,5/12,5	8/11,5	10/12,5	11/12,5	15,5/15	15,5	15/15,5	13,5	16/16,5	13,5	Клв.
			5/6	5,5/6,5	5,5	7/9	8/10	9/11,5	5/6	3/4	4,5/6	4,5/6	4/5	10,5/12	10/11	10/11	10,5/12	10/11	11/13	8,5/12	9,5/12	11,5/12,5	16/15,5	16	15,5/16	14	16,5/17	14	Вкн.
				3,5	2,5	3/4	4/5	5/6,5	4	4	3,5/5	2,5/2	3	7,5/8	8	7	6,5/7	8	7/8	5,5/8	6,5/8	7,5	12/10,5	12/11	12/11,5	12/11	13/12,5	11/10	Тнг.
					1/2	2,5/4,5	3/4	4,5/6	2,5/3,5	2	4/6,5	4/3,5	3	7/8,5	7,5/8,5	6,5/7,5	7/8,5	7,5/8,5	7,5/8,5	5/7,5	6/7,5	7	11,5/10	11,5/10	12,5/12	12/11	13/12,5	12/11	Рбл.
						1,5/3,5	2,5/4,5	3,5/6	2,5/3,5	1,5	4/5,5	3/2,5	2,5	6/7,5	7,5/8,5	6,5/7,5	6/7,5	7,5/8,5	6,5/8,5	4/7,5	5/7,5	6/7	10,5/10	10,5	12/12,5	11,5	12/12,5	12/11,5	Онд.
							1/3	2/3,5	4/5	3/4	4,5/6	3,5/4	3/4	4,5/5	6/7	5/6	4,5/5	6/7	5/6	2,5/5	3,5/5	4,5/5,5	9/8,5	9/9,5	10,5/11,5	10/11	10,5/11,5	10/11	Пдн.
								1/3,5	5/7	4/5	5,5/9	4,5/5	4,5/6	3,5/7	5/8	4/7	3,5/6	5/8	4/7	1,5/4	2,5/6	3,5/5,5	8/8,5	8/9	9,5/10,5	9/10	9,5/10,5	9/10	Юст.
									6	5/5,5	6,5/8,5	5,5/6,5	5/6,5	2,5/3,5	4/5,5	3/4,5	2,5/4	4/5,5	3/3,5	1,5/2,5	1,5/2,5	2,5/3	6	7/6,5	8,5	8/8,5	8,5	8/8,5	Ккр.
										1/3	2,5/4	1,5/2,5	2	7,5/7	7/6	7/6	6,5/6	6/5	7	6,5/9	7,5/8	8,5	11/9,5	11/10	12,5/12	11/10	11,5/11	11/10	Слц.
											2,5/3	1,5/2	2	7,5/8	7	6,5	6,5/7	6,5	7	5,5/7	6,5/7	7,5/8	12/10,5	12/11	12,5/12	11/10	12,5/12	11/10	Влд.
												2/4	1,5/2	8/9	7,5/8	6,5/7	7/7,5	5,5/6	7,5/9	7/9	8/10	9/9,5	11,5/10,5	11,5/11	12	10,5/10	12	10,5/10	Всг.
													2,5/2	7	6,5/6	6,5/6	6	6,5/6	6,5/7	6/8	7/8	8/7,5	11,5/9,5	11,5/10	12/11	10,5/9	12/11	10,5/9	Тлм.
														7,5/9	7	6,5	6,5/7	5,5	7/8	5/6,5	6,5/8	7,5	11/9,5	11/10	12,5/12	11/10	11,5/11	11/10	Држ.
															1,5/3	1,5/3	1/2	2,5/4	1,5/2	4/6	1	2/3,5	5,5	5,5/6	7/9	6,5/8	7/9	6,5/9	Прк.
																2	1,5/2	2	2/3	5,5/8	2,5/4	3,5/6,5	7/8,5	7/9	7,5/9	6	7,5/9	6/7	Клт.
																	0,5/1	1	1/3	4,5/7	2,5/4	2,5/5,5	4,5/7,5	6/8	6,5/8	6/5,5	7/8,5	5,5/6,5	Влз.
																		1,5/2	0,5/2	4/6	2/3	2/4,5	5,5/6,5	5,5/7	6,5/8	5,5/6	6,5/8	5,5/7	Вдл.
																			2/4	5,5/8	3,5/5	3,5/6,5	6/7,5	6/8	7/8,5	5,5	6,5/8	5,5/6,5	Олн.
																				4,5/6	2,5/2	2,5/3,5	5/4,5	5	6/7,5	5/6	6/7,5	5/7	Кнд.
																					3/5	3/4,5	7,5/6,5	7,5/7	9	8,5/9	9	8,5/9	Глз.
																						2/2,5	6,5/5,5	6,5/6	8/9	7,5/8	8/9	7,5/9	Свт.
																							4,5/3	4,5/3,5	7,5/8	5,5/6,5	6/6,5	5,5/6,5	Мхл.
																								0/0,5	2,5/4,5	2/4,5	1,5/3,5	3/4,5	Шлт.
																								2,5/5	2/5	1,5/4	3/5		Кск.
																									2/3	1	1,5/2		Ошт.
																										1,5/3	1		Озр.
																											2,5/3		Влх.

⁸ Через знак «/» даны результаты подсчета с учетом сомнительных рядов. Градация заливки от белого цвета к черному совпадает с ростом количества переходов и меняется через пять единиц.

Итоговая таблица 9 и основанная на результатах подсчета числа переходов между всеми говорами (биение = 0,5 единицы) матрица (таблица 10) позволяют выделить группы, на которые разбились анализируемые говоры по особенностям их консонантных систем:

1) группа севернокарельских говоров собственно карельского наречия (Княжая, Кестеньга, Калевала, Вокнаволоок), характеризующаяся преимущественным употреблением шипящих щелевых согласных, сохранением первоначального представительства j , а также постсонорных геминат. На фоне остальных говоров группа выделяется отсутствием оппозиции звонкий/глухой согласный, а также слабо выраженной степенью палатализации, что возводится к результатам позднего влияния со стороны соседних финских говоров;

2) группа северных южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии (Тунгуда, Реболы, Ондозеро);

3) группа южных южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии (Паданы, Юостозеро, Койкары) с людиковским Галлезером. Для говоров второй и третьей групп характерны присутствие звонких смычно-взрывных и щелевых согласных, средняя степень палатализации, а также ряд поздних инноваций: переход $j > d'$, нерегулярное сокращение постсонорных геминат. Переходную ситуацию они показали по распределению переднеязычных щелевых. Группа не отличается монолитностью, ее говоры могут выделяться по отдельным параметрам. Например, в Юостозере и Галлезере отмечено употребление шипящего в середине слова переднерядного вокализма, тогда как в остальных пунктах зафиксирован свистящий. В северной группе переход $j > d'$ встречается исключительно в позиции анлаута, тогда как в южной также далее в слове. Других явлений (без учета дублетных), которые могли бы дать четкие изоглоссы между двумя рассматриваемыми образованиями, нет;

4) группа южнокарельских говоров собственно карельского наречия Центральной России (Селище, Валдай, Весьегонск, Толмачи, Держа), в которой представлена довольно высокая степень палатализации, а также переходный характер позднего сокращения постсонорных геминат. К общекарельским инновациям относятся оппозиция звонкий/глухой согласный, преимущественное использование шипящих щелевых. В неизменном виде представлены также анлаутный и инлаутный j , интервокальные геминаты;

5) группа ливвиковских говоров и людиковских Святозера и Михайловского, которым свойственно наличие таких общекарельских инновационных явлений, как оппозиция по глухости/звонкости и средняя степень палатализации. Дистрибуция переднеязычных щелевых демонстрирует продолжение древневепсского представительства. Из поздних инновационных черт обращают на себя внимание сокращение постсонорных геминат и переходная ситуация по функционированию согласных j/d' . Людиковский говор Михайловского на фоне остальных выделяется присутствием нерегулярных диалектных отличий поздней инновационной природы (сокращение геминат, переход $l > u$, аффриката c), сближающих его с вепским языком;

6) группа вепских говоров (Шелтозеро, Каскесручей, Ошта, Озера, Войлахта, Сидорова), которым свойственны наличие звонких согласных, преимущественное употребление свистящих переднеязычных щелевых (кроме позиции после гласного i), переход $l > u$, сокращение постсонорных и интервокальных геминат, ярко выраженная палатализация.

Сравнение полученных с помощью инструмента «Анализ когнатов» результатов с картами [Атлас 1997] по большинству параметров обнаружило совпадение. Некоторые незначительные отличия, как и в случае с вокализмом, продемонстрировали лишь пограничные между наречиями карельского языка говоры.

При сравнении материалов итоговых таблиц по вокализму [Новак, Норманская 2023] и консонантизму становится очевидным, что, даже несмотря на большое число выявленных рядов соответствий (главным образом двучленных), консонантная система карельских говоров сохранилась более целостной, чем вокалическая. Обнаруженные диалектные различия преимущественно представляют собой поздние инновационные явления, имеющие ареальный (палатализация, переход $j > d'$, сокращение постсонорных геминат) или локальный (переход $l > u$, сокращение ауслатных геминат, использование аффрикаты c) характер. К ранним общекарельским инновациям следует относить оппозицию по глухости/звонкости и дистрибуцию переднеязычных щелевых согласных.

Проанализированные в ходе работы системы гласных и согласных фонем обнаруживают отличия при разбиении говоров на группы (рис. 7).

На итоговой карте, учитывающей выделение групп и подгрупп по вокализму и консонантизму, намечались пять основных ареалов:

1) севернокарельские говоры собственно карельского наречия (Княжая, Кестеньга, Калевала, Вокнаволоок);

2) южнокарельские говоры собственно карельского наречия Карелии (Паданы, Юостозеро, Койкары);

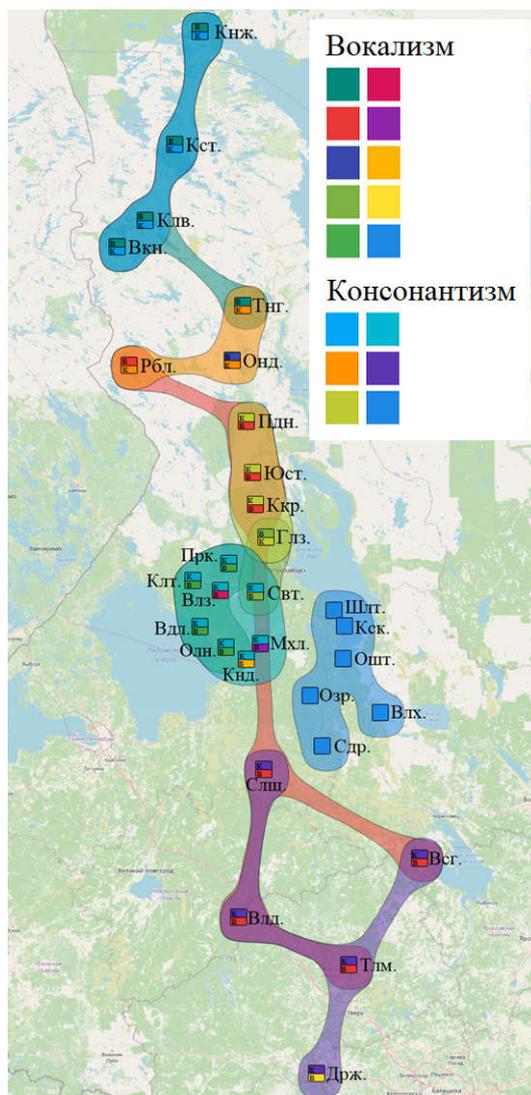

Рис. 7. Говоры карельского и вепсского языков согласно разбиению на группы по вокализму и консонантизму

3) южнокарельские говоры собственно карельского наречия Центральной России (Селище, Валдай, Вельегонск, Толмачи);

4) ливвиковские говоры (Проккойла, Колатсельга, Видлица, Олонец);

5) говоры вепсского языка (Шелтозеро, Каскесручей, Ошта, Озера, Войлахта, Сидорово).

Следует отметить, что между второй и третьей группами, представленными южнокарельскими говорами собственно карельского наречия, отличия обнаруживает лишь консонантная система.

Между основными четырьмя выявленными группами говоров карельского языка намечились переходные говоры, а на их окраинах — периферийные:

1) говор Тунгуды, по вокализму притягивающийся к севернокарельским (использование восходящих дифтонгов *uo*, *yo*, *ie*, *ia*, *iä*, а в безударном слоге также *ya*, утрата сужающимися дифтонгами на *i* второго компонента в заударной позиции), а по консонантизму к южнокарельским говорам собственно карельского наречия Карелии (переходная ситуация по дистрибуции переднеязычных щелевых согласных, нерегулярное сокращение постсонорных геминат, переход $j > d'$);

2) говор Ребол, по вокализму находящийся между севернокарельскими и расположенными южнее южнокарельскими говорами собственно карельского наречия, а по консонантизму (дистрибуция переднеязычных щелевых, переход $j > d'$ в анлауте) притягивающийся к соседним Ондозеру и Тунгуде;

3) говор Ондозера, выделяющийся наличием архаизмов (рефлексы **i-a*, долгих *aa*, *iä*, что сближает его с ливвиковским говором Видлицы). По рефлексам **u-a*, **u-o* он притягивается к соседним Реболам и Паданам, а по консонантизму (дистрибуция переднеязычных щелевых, переход $j > d'$) занимает между ними промежуточное положение;

4) говор Держи, оформившийся за счет своих инновационных черт в вокалической системе (расширение ударных дифтонгов, сужение заударных дифтонгов, апокопа). По консонантизму он демонстрирует минимальные различия с другими тверскими говорами (Толмачей и Весьегонска);

5) говор Ведлозера, отличающийся на фоне остальных ливвиковских исключительно рефлексамидолгих гласных;

6) говор Кондушей, обнаруживающий поздние инновации в вокалической системе (дифтонг *ja* и особенности конечной огласовки имен). По консонантизму говор близок к остальным ливвиковским, минимальные отличия демонстрирует с говором Видлицы;

7) говор Галлезера, по вокализму близкий к Святозеру (редукция конечных гласных *a*, *ä* начальных форм имен с долгим первым слогом, отсутствие расширяющихся дифтонгов далее ударного слога, тенденция к утрате тембрового сингармонизма), а по консонантизму — к южным собственно карельским говорам Карелии;

8) говор Святозера, обнаруживающий общие черты в области вокализма с Галлезером (при сохранении гармонии гласных), но по консонантизму притягивающийся к ливвиковским говорам (преимущественное употребление свистящих щелевых, сокращение постсонорных геминат, переход *j > d'*);

9) говор Михайловского, характеризующийся наличием инноваций, возводимых к результатам позднего вепсского влияния (монофтонгизация сужающихся дифтонгов, отсутствие сингармонизма). Самый близкий к Михайловскому по консонантной системе — говор Святозера.

Результаты исследования демонстрируют наличие четкой границы между анализируемыми говорами карельского и вепсского языков. Даже несмотря на большое количество совпадений с южными карельскими наречиями по целому ряду соответствий, вепсские говоры все же показали свою самостоятельность, обнаруживая собственные черты как в области вокализма (практически полное отсутствие долгих гласных и восходящих дифтонгов), так и консонантизма (отсутствие геминированных сонорных, сильная степень палатализации, использование аффрикаты *s*, переход *l > u*).

Итоговые изоглоссы, полученные при обчете вокалической и консонантной систем говоров карельского языка, не совпали. Если разбиение их на группы на основе диалектных различий в системе гласных практически повторило традиционное деление языка на три наречия, то изоглоссы, сформированные на втором этапе исследования, в некоторой степени перекрыли первые, объединив ливвиковские и южнолюдиковские, южные собственно карельские и севернолюдиковские говоры, а также их всех вместе. Таким образом, на итоговой карте между плавно перетекающими друг в друга говорами карельского языка удастся наметить лишь размытые границы, что позволяет говорить о диалектном континууме.

Полученные карты указывают на наличие двух крупных зон: собственно карельской и ливвиковско-людиковской, тогда как говор д. Галлезеро занимает переходную между ними позицию. В собственно карельской зоне по особенностям консонантизма выделяются северная, южная (Центральной России) и средняя (Средняя Карелия) группы. На формирование первой, очевидно, оказали влияние финские диалекты. Сложение южнокарельских говоров Карелии происходило на фоне интенсивных контактов с носителями южных наречий карельского языка. В Центральной России особенно сильным считается влияние со стороны говоров русского языка. В свою очередь, в ливвиковско-людиковской зоне по особенностям вокалической системы выделилось две группы: ливвиковская и людиковская, отличия между которыми объясняются степенью сохранности в них вепсского субстрата.

Выявленные в ходе работы междиалектные соответствия и их члены с учетом возможных условий функционирования в дальнейшем будут проанализированы на значительно большем числе говоров (более 200) с помощью методики кластерного анализа, что позволит уточнить изоглоссы диалектно-дифференцирующих явлений и использовать их в процессе доработки лингвистически обоснованной диалектной классификации карельского языка.

Сокращения

Говоры карельского и вепсского языков

Вдл. — с. Видлица

Вкн. — д. Вокнаволок

Влз. — с. Ведлозеро

Влд. — г. Валдай

Влх. — куст деревень Войлахта

Всг. — г. Весьегонск

Глз. — д. Галлезеро

Држ. — куст деревень Держа

Ккр. — д. Койкары

Клв. — пгт Калевала

Клт. — с. Колатсельга

Кнж. — с. Княжая

Кнд. — куст деревень Кондуши

Кск. — д. Каскесручей

Кст. — п. Кестеньга
 Мхл. — с. Михайловское
 Озр. — с. Озера
 Олн. — г. Олонец
 Онд. — п. Ондозеро
 Ошт. — с. Ошта
 Пдн. — с. Паданы
 Прк. — д. Проккойла

Рбл. — с. Реболы
 Свт. — с. Святозеро
 Сдр. — д. Сидорово
 Слщ. — д. Селище
 Тлм. — с. Толмачи
 Тнг. — д. Тунгуда
 Шлт. — с. Шелтозеро
 Юст. — д. Юстозеро

Источники и литература

Анисимов 1948 — *Н. А. Анисимов*. Грамматика карельского языка (коткозерский говор). Рук. // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 43. № 107.

Атлас 1997 — *Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина*. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997.

Бромлей 2010 — *С. М. Бромлей*. О происхождении [I] «среднего» в русских говорах // Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М.: Азбуковник, 2010. С. 164—184.

Бубрих 1947 — *Д. В. Бубрих*. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах // Ученые записки ЛГУ. 1947, 2. С. 129—159.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I: Фонетика. М., 1986; Вып. II: Морфология. М., 1989; Вып. III. Ч. 1: Лексика. М., 1997; Ч. 2: Синтаксис и лексика. М., 2004. URL: <https://da.ruslang.ru/>

Зайков 1987 — *П. М. Зайков*. Диалектология карельского языка. Петрозаводск: ПетрГУ, 1987.

Зайков 2000 — *П. М. Зайков*. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Периодика, 2000.

Зайцева 2016 — *Н. Г. Зайцева*. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: КарНЦ, 2016.

Лаанест 1966 — *А. Лаанест*. Ижорские диалекты. Таллин: Валгус, 1966.

ЛАВЯ 2019 — Лингвистический атлас вепсского языка. СПб.: Нестор-История, 2019.

Мещерский 1961 — *Н. А. Мещерский*. Русско-карельские словарные записи XVI — начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 16—32.

Михайлова 2019 — *Л. П. Михайлова*. Прибалтийско-финский фонетический компонент в лексике говоров Заонежья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019, 7. С. 38—43.

Муллонен, Панченко 2013 — *И. И. Муллонен, О. В. Панченко*. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013.

Мызников 2010 — *С. А. Мызников*. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX века. М.: Индрик, 2010. С. 286—310.

Новак 2021 — *И. П. Новак*. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка (на примере дистрибуции переднеязычных щелевых согласных) // Урало-алтайские исследования. 2021, 2. С. 103—132.

Новак 2022 — *И. П. Новак*. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии (на основе применения алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок) // Урало-алтайские исследования. 2022, 2. С. 79—105.

Новак и др. 2019 — *И. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сишлин*. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ, 2019.

Новак, Норманская 2023 — *И. П. Новак, Ю. В. Норманская*. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм // Урало-алтайские исследования. 2023, 3. С. 56—96.

Перевод некоторых молитв 1804 — Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на олонецком языке. СПб.: Синод. тип., 1804.

Русская диалектология 1960 — Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1960.

Савельева и др. 2021 — *Н. Савельева, И. Муллонен, Г. Федюнева*. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // *Linguistica uralica*. 2021, 4. С. 250—276.

СОСД 2007 — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск: КарНЦ, 2007.

Сравнительные словари 1787, 1789 — Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб., 1787; Ч. 2. СПб., 1789.

- Тверские переводные 2020 — Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020.
- Häkkinen 1985 — *K. Häkkinen*. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. Turku: Åbo Akademi, 1985.
- Häkkinen 2007 — *K. Häkkinen*. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Helsinki: WSOY, 2007.
- Itkonen 1968 — *T. Itkonen*. Itäsuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi // *Fenno-Ugrica: Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.3.1968*. Helsinki: SUS, 1968. S. 76—116.
- Kalima 1934 — *J. Kalima*. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta // *Virittäjä*. 1934, 38. S. 254—256.
- Kalima 1952 — *J. Kalima*. Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki: SKS, 1952.
- Kallio 2007 — *P. Kallio*. Kantsuomen konsonantihistoriaa // *Samit, sanit, satnehamit*. Helsinki: SUS, 2007. S. 229—249.
- Kujola 1910 — *J. Kujola*. Äänneopillinen tutkimus Salmin murteesta. Helsinki: SKS, 1910.
- Kujola 1944 — *J. Kujola*. Lyydiläis murteiden sanakirja Helsinki: SUS, 1944.
- Lehtinen 2007 — *T. Lehtinen*. Kielen vuosituhanet. Helsinki: SKS, 2007.
- Leskinen 1933 — *E. Leskinen*. Tulemajärven murteen vokalismi. Helsinki: SKS, 1933.
- Leskinen 1964 — *H. Leskinen*. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa // *Virittäjä*. 1964, 68. S. 97—115.
- Leskinen 1998 — *H. Leskinen*. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1998. S. 352—382.
- Murreh — Диалектная база карельского языка Murreh. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/>
- Nirvi 1932 — *R. E. Nirvi*. Suistamon keskusmurteen vokalismi. Helsinki: SKS, 1932.
- Ojansuu 1918 — *H. Ojansuu*. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918.
- Tunkelo 1938 — *E. A. Tunkelo*. Vepsän kielen astevaihteluttomuudesta. Helsinki: SKS, 1938.
- Tunkelo 1946 — *E. A. Tunkelo*. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1946.
- Turunen 1946 — *A. Turunen*. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Konsonantit. Helsinki: SUS, 1946.
- Turunen 1950 — *A. Turunen*. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki: SUS, 1950.
- Turunen 1959 — *A. Turunen*. Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki: SKS, 1959.
- Virtaranta 1946 — *P. Virtaranta*. Eteläkarjalaisten murteiden s. Helsinki: SKS, 1946.
- Virtaranta 1972 — *P. Virtaranta*. Die Dialekte des Karelischen // *Советское финно-угроведение*. 1972, 1. S. 7—27.
- Virtaranta 1984 — *P. Virtaranta*. Über das s im Karelischen // *Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. S. 259—274.
- Zaikov 2017 — *P. M. Zaikov*. Karjalan kielen murteet. Petrzavodsk: PetrSU, 2017.

References

- Anisimov 1948 — N. A. Anisimov. Grammatika karel'skogo yazyka (kotkozerskii govor). In: NA KarNTS RAN. F. 1. Op. 43. № 107. Petrozavodsk, 1948. {N. A. Anisimov. Grammar of the Karelian language. In.: SA KarRC RAS. F. 1. I. 43. D. 107. Petrozavodsk, 1948.}
- Atlas 1997 — D. V. Bubrikh, A. A. Belyakov, A. V. Punzhina. Dialektologicheskii atlas karel'skogo yazyka. Helsinki: SUS, 1997. {D. V. Bubrikh, A. A. Belyakov, A. V. Punzhina. Dialectological atlas of the Karelian language. Helsinki: SUS, 1997.}
- Bromlei 2010 — S. V. Bromlei. Problemy dialektologii, lingvogeografii i istorii russkogo yazyka. Moskva: Azbukovnik, 2010. {S. V. Bromley. Problems of dialectology, linguistic geography and history of the Russian language. Moscow: Azbukovnik, 2010.}
- Bubrikh 1947 — D. V. Bubrikh. Svistyashchie i shipyashchie soglasnye v karel'skikh dialektakh. In: Uchenye zapiski LGU. 1947, 2. S. 129—159. {D. V. Bubrikh. Whistling and hissing consonants in Karelian dialects. In: Scientific notes of Leningrad State University. 1947, 2. P. 129—159.}
- DARYA — Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR. Moskva, 1986—2004. URL: <https://da.ruslang.ru/> {Dialectological atlas of the Russian language: Center of the European part of the USSR. Moscow, 1986—2004. URL: <https://da.ruslang.ru/>}
- Häkkinen 1985 — *K. Häkkinen*. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. Turku: Åbo Akademi, 1985.
- Häkkinen 2007 — *K. Häkkinen*. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Helsinki: WSOY, 2007.
- Itkonen 1968 — *T. Itkonen*. Itäsuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi. In: *Fenno-Ugrica: Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.3.1968*. Helsinki: SUS, 1968. S. 76—116.
- Kalima 1934 — *J. Kalima*. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta. In: *Virittäjä*. 1934, 38. S. 254—256.
- Kalima 1952 — *J. Kalima*. Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki: SKS, 1952.

- Kallio 2007 — P. Kallio. Kantasuomen konsonanttihistoriaa. In: Samit, sanit, satnehamit. Helsinki: SUS, 2007. S. 229—249.
- Kujola 1910 — J. Kujola. Äänneopillinen tutkimus Salmin murteesta. Helsinki: SKS, 1910.
- Kujola 1944 — J. Kujola. Lyydiläis murteiden sanakirja Helsinki: SUS, 1944.
- Laanest 1966 — A. Laanest. Izhorskie dialekty. Tallin: Valgus, 1966. {A. Laanest. Izhorian dialects. Tallin: Valgus, 1966.}
- LAVYA 2019 — Lingvisticheskii atlas vepsskogo yazyka. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2019. {Linguistic atlas of the Vepsian language. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.}
- Lehtinen 2007 — T. Lehtinen. Kielen vuosituhannet. Helsinki: SKS, 2007.
- Leskinen 1933 — E. Leskinen. Tulemajärven murteen vokalizmi. Helsinki: SKS, 1933.
- Leskinen 1964 — H. Leskinen. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. In: Virittäjä. 1964, 68. S. 97—115.
- Leskinen 1998 — H. Leskinen. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In: Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: SKS, 1998. S. 352—382.
- Meshcherskii 1961 — N. A. Meshcherskii. Russko-karel'skie slovarnye zapisi XVI — nachala XVIII v. In: Pribaltiiskoe yazykoznanie. Moskva; Leningrad: AN SSSR, 1961. S. 16—32. {N. A. Meshcherskii. Russian-Karelian dictionary entries of the 16th — early 18th centuries. In: Baltic-Finnish linguistics. Moscow; Leningrad: AN USSR, 1961. P. 16—32.}
- Mikhailova 2019 — L. P. Mikhailova. Pribaltiisko-finskii foneticheskii komponent v leksike govorov Zaonezh'ya. In: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019, 7. S. 38—43. {L. P. Mikhailova. Baltic-Finnish phonetic component in the vocabulary of dialects of Zaonezh'ye. In: Proceedings of Petrozavodsk State University. 2019, 7. P. 38—43.}
- Mullonen, Panchenko 2013 — I. I. Mullonen, O. V. Panchenko. Pervyi karel'sko-russkii slovar' i ego avtor afonskii arkhimandrit Feofan. Petrozavodsk: PetRGU, 2013. {I. I. Mullonen, O. V. Panchenko. The first Karelian-Russian dictionary and its author, Athonite Archimandrite Feofan. Petrozavodsk: PetRGU, 2013.}
- Murreh — Dialektnaya baza karel'skogo yazyka Murreh. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/> {Dialect base of the Karelian language Murreh. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/>}
- Myznikov 2010 — S. A. Myznikov. Karel'sko-vepsskie zagovory Olonetskogo sbornika. In: Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoi poloviny XIX veka. Moskva: Indrik, 2010. S. 286—310. {S. A. Myznikov. Karelian-Veps conspiracies of the Olonets collection. In: Russian conspiracies from handwritten sources of the 17th — first half of the 19th century. Moscow: Indrik, 2010. P. 286—310.}
- Nirvi 1932 — R. E. Nirvi. Suistamon keskusmurteen vokalizmi. Helsinki: SKS, 1932.
- Novak 2021 — I. P. Novak. Primenenie metodiki klasterizatsii v reshenii problem dialektного chleneniya karel'skogo yazyka (na primere distributsii peredneyazychnykh shchelevykh soglasnykh). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2021, 2. S. 103—132. {I. P. Novak. Application of clustering techniques in solving problems of dialect division of the Karelian language (using the example of the distribution of front-lingual fricative consonants). In: Ural-Altai Studies. 2021, 2. P. 103—132.}
- Novak 2022 — I. P. Novak. Raspredelenie peredneyazychnykh shchelevykh soglasnykh v govorakh karel'skogo yazyka Srednei Karelii (na osnove primeneniya algoritma “analiz kognatov” lingvisticheskoi platformy LingvoDok). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 2. S. 79—105. {I. P. Novak. Distribution of front fricative consonants in Karelian subdialects of Middle Karelia (based on application of the Cognate analysis algorithm of Lingvodoc linguistic platform). In: Ural-Altai Studies. 2022, 2. P. 79—105.}
- Novak i dr. 2019 — I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Karel'skii yazyk v grammatikakh. Sravnitel'noe issledovanie foneticheskoi i morfologicheskoi sistem. Petrozavodsk: KarNTS, 2019. {I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Karelian in grammars. A study of phonetic and morphological variation. Petrozavodsk: KarNTS, 2019.}
- Novak, Normanskaya 2023 — I. P. Novak, Yu. V. Normanskaya. Opredelenie regulyarnykh foneticheskikh sootvetstviy karel'skoi dialektnoi rechi. Vokalizm. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2023, 3. S. 56—96. {I. P. Novak, Yu. V. Normanskaya. Determining regular phonetic correspondences in the Karelian dialects. Vocalism. In: Ural-Altai Studies. 2023, 3. P. 56—96.}
- Ojansuu 1918 — H. Ojansuu. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918.
- Perevod nekotorykh molitv 1804 — Perevod nekotorykh molitv i sokrashchennogo katekhizisa na olonetskom yazyke. Sankt-Peterburg: Sinod. tip., 1804. {Translation of some prayers and the abbreviated catechism in the Olonets language. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1804.}
- Russkaya dialektologiya 1960 — Russkaya dialektologiya. Moskva: Uchpedgiz, 1960. {Russian dialectology. Moscow: Uchpedgiz, 1960.}
- Savel'eva i dr. — N. Savel'eva, I. Mullonen, G. Fedyuneva. Karelo-russkii i komi-zyriansko-russkii slovni-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 goda. In: Linguistica uralica. 2021, 4. S. 250—276. {N. Savel'eva, I. Mullonen, G. Fedyuneva. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian Dictionaries in a Hand-Written Volume Dated 1668. In: Linguistica uralica. 2021, 4. P. 250—276.}
- SOSD 2007 — Sopostavitel'no-onomasiologicheskii slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo yazykov. Petrozavodsk: KarNTS, 2007. {Comparative and onomasiological dictionary of dialects of the Karelian, Vepsian, Sami languages. Petrozavodsk: KarNTS, 2007.}

Sravnitel'nye slovari 1787, 1789 — Sravnitel'nye slovari vseh yazykov i narechii, sobrannye desnitseyu Vsevysochaishei osoby. Otdelenie pervoe, sodержashchee v sebe evropeiskie i aziatskie yazyki. Ch. 1. Sankt-Peterburg, 1787; Ch. 2. Sankt-Peterburg, 1789. {Comparative dictionaries of all languages and dialects collected by the right hand of the all-important person. The first department contains European and Asian languages. Part 1. St. Petersburg, 1787; Part 2. St. Petersburg, 1789.}

Tunkelo 1938 — E. A. Tunkelo. Vepsän kielen astevaihteluttomuudesta. Helsinki: SKS, 1938.

Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1946.

Turunen 1946 — A. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Konsonantit. Helsinki: SUS, 1946.

Turunen 1950 — A. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki: SUS, 1950.

Turunen 1959 — A. Turunen. Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki: SKS, 1959.

Tverskie perevodnye 2020 — Tverskie perevodnye pamyatniki karel'skoi pis'mennosti nachala XIX veka. Petrozavodsk: KarNTS RAN, 2020. {Tver translations of Karelian writing from the early 19th century. Petrozavodsk: KarNTS RAN, 2020.}

Virtaranta 1946 — P. Virtaranta. Eteläkarjalaisten murteiden s. Helsinki: SKS, 1946.

Virtaranta 1972 — P. Virtaranta. Die Dialekte des Karelischen. In: Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1972, 1. S. 7—27.

Virtaranta 1984 — P. Virtaranta. Über das s im Karelischen. In: Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. S. 259—274.

Zaikov 1987 — P. M. Zaikov. Dialektologiya karel'skogo yazyka. Petrozavodsk: PetrGU, 1987. {P. M. Zaikov. Dialectology of the Karelian language. Petrozavodsk: PetrGU, 1987.}

Zaikov 2000 — P. M. Zaikov. Glagol v karel'skom yazyke. Petrozavodsk: Periodika, 2000. {P. M. Zaikov. Verb in Karelian language. Petrozavodsk: Periodika, 2000.}

Zaikov 2017 — P. M. Zaikov. Karjalan kielen murteet. Petrozavodsk: PetrSU, 2017.

Zaitseva 2016 — N. G. Zaitseva. Ocherki vepsskoi dialektologii (lingvogeograficheskii aspekt). Petrozavodsk: KarNTS, 2016. {N. G. Zaitseva. Essays on Vepsian dialectology (linguistic and geographical aspect). Petrozavodsk: KarNTS, 2016.}

Северо-западное наречие — это горный или луговомарийский язык?

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); julianor@mail.ru

В научной литературе существуют две точки зрения о классификационной принадлежности северо-западного диалекта марийского. Г. Березки считает, что северо-западный диалект является горномарийским, а марийские ученые полагают, что он занимает промежуточное место между горным и луговым марийскими языками. Возможно ли, что изначально северо-западный диалект был луговым, а позже в результате контактов он приобрел горномарийские черты? Для ответа на этот вопрос были проанализированы четыре книги, созданные в конце XVIII — начале XIX в. Две из них — на пижанском говоре яранского северо-западного диалекта: 1) «Краткой черемиской словарь с российским переводом», составленный Василием Крекниным и Иоанном Платуновым в 1785 г., и 2) рукопись марийского Евангелия от Матфея, подготовленного священником Вятской епархии Сергием Бобровским в 1821 г. Для сравнения также привлекаются еще две книги, созданные в первой половине XIX в. на горном марийском — 3) А. Альбинский «Грамматика марийского языка» (Казань, 1821) и на луговом марийском — 4) «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катихизисъ, на черемиский язык лугового наречия переведенные в Казани» (1841).

Ключевые слова: северо-западный марийский, луговой марийский, горный марийский, первые книги, графические черты

DOES THE NORTH-WEST DIALECT BELONG TO MEADOW OR HILL MARI?

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow),
Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); julianor@mail.ru

In the scientific literature there are two points of view about the classification of the Northwestern Mari. G. Berecki refers it to the Mountain Mari language, and Mari scientists believe that the Northwestern Mari occupies an intermediate place between Mountain and Meadow Mari languages. Is it possible that earlier the Northwestern Mari was Meadow, and later it get areal Mountain Mari features? To answer this question, in the article were analyzed 4 books created in the late XVIII — early XIX centuries. Two in the Pyzhansk subdialect of the Yaransk dialect of the Northwestern Mari: 1) A Short Cheremis dictionary with a Russian translation, created by Vasily Kreknin and John Platunov in 1785, and 2) the manuscript of the Mari Gospel of Matthew, prepared by the priest of the Vyatka Sergii Bobrovsky in 1821. Two books published in the first half of the XIX century in the Mountain Mari language were used for comparison: 3) A. Albinsky Cheremis grammar. Kazan, 1837 and on Meadow Mari: 4) The beginning of Christian learning or a short sacred history and a short catechism, in the Meadow Cheremis language. Kazan, 1841.

Keywords: Northwestern Mari, Meadow Mari, Mountain Mari, first books, graphic features

Введение

Классификация марийских диалектов является довольно популярной темой исследования последних 150 лет. Есть два подхода к этому вопросу: географический и лингвистический. С точки зрения признака географического расположения Л. П. Грузов в 1969 г. предложил деление марийских диалектов на четыре группы: луговой марийский, восточный марийский, северо-западный марийский, горный марийский [Грузов 1969: 46—48]. В лингвистической традиции, начиная с работы [Веске 1889], выделяли две основные группы: «западные» и «восточные» марийские диалекты (в российской традиции они называются горные и луговые соответственно), этой же схеме следовал и Г. Березки (см. подробнее [Bereczki 1994: 18—29]), исследования которого сегодня являются классическими для марийского языкознания.

Основными изоглоссами, разделившими западные и восточные диалекты, по Г. Березки, считаются следующие, см. таблицу 1.

Таблица 1. Различия лугового и горного марийских языков по [Bereczki 1994: 18—29]

	Горномарийский язык (западный)	Луговомарийский язык (восточный)
Гласные первого слога	<i>a</i>	<i>o</i>
	<i>ä</i>	<i>a</i>
	<i>ə</i>	<i>ɪ, ə</i>
	<i>â, u</i>	<i>u</i>
	<i>â, ǐ</i>	<i>ǐ</i>
Гармония гласных	Последовательная рядная гармония	Отсутствие рядной гармонии
Ударение	Ударение на предпоследнем слоге	Ударение на последнем гласном «полного образования» ¹

Сейчас в России также принято решение о существовании двух марийских языков, которое, как указывают и сами авторы, не является очевидным: «Горномарийский и лугово-восточный марийский иногда считаются наречиями единого марийского языка. В настоящем списке они выделяются как два самостоятельных языка... Статус марийских идиомов в различных источниках определяется по-разному. Не во всех русскоязычных энциклопедиях горномарийский и лугово-восточный марийский выделяются как отдельные языки. Так сделано, например, в энциклопедии “Языки мира”. В энциклопедии “Языки Российской Федерации и соседних государств” горномарийский и лугово-восточный марийский фигурируют как самостоятельные языки. В Конституции Республики Марий Эл статус горномарийского и лугово-восточного марийского (являются ли они наречиями или самостоятельными языками) четко не прописан. В ресурсах Ethnologue и Glottolog горномарийский и лугово-восточный марийский выделяются как отдельные языки (mɹj, mhr; west2392, east2328)»².

Как мы видим, статус горномарийского и луговомарийского не являлся однозначным. Еще менее очевидна принадлежность северо-западного наречия, носители которого проживают на территории Кировской и Нижегородской областей РФ, Килемарского и Медведевского районов Республики Марий Эл РФ, к луговомарийскому или к горномарийскому языку. Это отмечается и в «Энциклопедии Республики Марий Эл»: «Северо-западный марийский язык обладает некоторыми особенностями как горного, так и лугововосточного марийских языков» [Диалекты марийского языка 2009: 337]. В монографии [Иванов, Тужаров 1970], посвященной описанию северо-западного наречия, также указывается, что «северо-западное наречие представляет собой диалектную разновидность марийского языка, содержащую целый ряд особенностей, характерных как для лугового, так и для горного наречий» [там же: 13]. В более поздней монографии [Иванов 1981: 89—97] предлагается классификация марийских диалектов, согласно которой есть две группы наречий: луговые и восточные говоры vs. горные и северо-западные, причем северо-западный диалект является как бы «мостиком» между луговым и горным марийским с точки зрения фонетики и морфологии, но все же наиболее близок к горному йошкар-олинскому диалекту. Основными диалектно-дифференцирующими признаками северо-западного диалекта И. Г. Иванов считает цоканье, наличие лабиальной и палатальной гармонии, ПМар. **o* > *a*, наличие фонемы *ä* (< ПМар. **a*), редуцированного *ǐ* (см. подробнее [там же: 89]).

Г. Березки также полагает, что северо-западное наречие относится к горномарийскому языку (см. подробнее [Bereczki 1994: 20—21]). Но есть и точка зрения, что северо-западный диалект относится

¹ К гласным «полного» образования, помимо редуцированных, не относятся ауслатные *e, o, ö*.

² См. <http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Mari-Mordvin.shtml>

к луговомарийской литературной норме, ср.: «В то же время в марийском языке различают четыре основных диалекта: луговой, горный, восточный и северо-западный, на базе которых сложились две литературные нормы — луговая и горномарийская» [Васильев и др. 1991]. «К луговой норме литературного языка относят восточных марийцев, луговых и северо-западных, к горной литературной норме — горных марийцев» [Юзыкайн 2023].

Для оценки верности той или иной гипотезы рассмотрим современную ситуацию с позиции фонетических диалектно-дифференцирующих признаков, выделенных Г. Берецки (см. таблицу 1), и цитируя северо-западные формы по монографии [Иванов, Тужаров 1970]. Последние опирались на обширные экспедиционные материалы, собранные в разных районах Горьковской (ныне Нижегородской) и Кировской областях. Они показали, что в целом фонетические различия между отдельными говорами северо-западного наречия незначительны. В таблице 2 фонемы марийских наречий будут обозначены символами финно-угорской транскрипции вслед за Г. Берецки.

Таблица 2. Фонетические различия лугового, горного и северо-западного марийского по [Иванов, Тужаров 1970; Bereczki 1994: 20—21]

	Горномарийский язык (западный)	Северо-западный марийский	Луговомарийский язык (восточный)
Гласные первого слога	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>o</i>
	<i>ä</i>	<i>ä//a</i>	<i>a</i>
	<i>ə</i>	<i>ə</i>	<i>i, ê</i>
	<i>â, u</i>	<i>ə</i>	<i>u</i>
	<i>â, ü</i>	<i>ə</i>	<i>ü</i>
Гармония гласных	Последовательная рядная гармония	Отсутствие рядной гармонии	Последовательная рядная и губная гармония
Ударение	Ударение на предпоследнем слоге	Ударение на последнем гласном «полного образования»	Ударение в основном на предпоследнем слоге, но есть исключения

В таблице полужирным шрифтом выделены совпадающие фонемы в северо-западном наречии и в луговом или горном марийском. Как можно видеть по признакам, которые Г. Берецки выделяет как диалектно-дифференцирующие, северо-западные диалекты, бесспорно, более близки к горномарийскому. Возникает вопрос, почему же марийские ученые пишут о «промежуточном характере»? Возможно ли, что северо-западное наречие в какой-то период было луговомарийским и следы этого остались на других уровнях языка, которые реже принимаются во внимание при классификации: морфологическом, синтаксическом, лексическом? Для ответа на данный вопрос обратимся к наиболее ранним текстам, созданным на северо-западном наречии в конце XVIII — начале XIX в. В наших публикациях, посвященных другим языкам: селькупскому, хантыйскому, коми [Норманская 2020; 2022a; 2022b], — мы показывали, как значительно может измениться классификация по графико-фонетическим признакам диалектов за 200—250 лет. Например, средне-обской диалект селькупского, который сейчас по всем фонетическим изоглоссам является центральным, еще 100 лет над был южным, коми-язвинский язык, сегодня фонетически значительно отличающийся и от коми-пермяцкого, и от коми-зырянского, 150 лет назад, с точки зрения графико-фонетики, фактически совпадал с коми-пермяцким; и т. д. Возможно ли, что и диалектная принадлежность северо-западного наречия марийского языка существенно изменилась за последние 200—250 лет?

I. Диалектно-дифференцирующие особенности горного и луговомарийского языков в начале XIX в.

Для анализа диалектной принадлежности северо-западного наречия 200—250 лет назад необходимо остановиться на выделении инновационных изменений, которые в тот период различали луговой и горный марийский. Как можно видеть из таблицы 1, в системе гласных инновации затронули горномарийский, а луговой фактически совпадает с прамарийским языком по реконструкции Г. Берецки. Поэтому следует уточнить, были ли в конце XVIII — начале XIX в. те изоглоссы, которые приводит Г. Берецки в памятниках письменности на горномарийском.

Наиболее известной книгой начала XIX в. на горномарийском языке, подготовленной бывшим протоиереем Андреем Альбинским из с. Пертнурь Козьмодемьянского уезда, является «Грамматика черемис-

ского языка», изданная в 1837 г. В настоящее время из ее слов и фраз создан онлайн-словарь, который доступен на платформе ЛингвоДок³, в нем приведены параллели из современного горномарийского языка. В таблицах ниже проиллюстрируем рефлексацию прамарийских фонем в грамматике А. Альбинского в сравнении с современными луговым и горным марийским.

Таблица 3. Рефлексы диалектно-дифференцирующих прамарийских гласных первого слога в грамматике [Альбинский 1837] и современных горномарийском и луговомарийском языках

Прамарийский по [Berezcki 1992]	Горномарийский по [Альбинский 1837]	Горномарийский современный	Луговомарийский современный
<i>*kondā</i> ‘приносить’ [ibid.: 19]	<i>кандэмь</i> ‘приношу’	<i>кандаш</i> ‘приносить’	<i>кондаш</i> ‘приносить’
<i>*kandakš</i> ‘восемь’ [ibid.: 13]	<i>кандакша</i> ‘восемь’	<i>кандакши</i> ‘восемь’	<i>кандаш</i> ‘восемь’
<i>*ilā-</i> ‘жить’ [ibid.: 9]	<i>иляшь</i> ‘жить’	<i>йлаш</i> ‘жить’	<i>илаш</i> ‘жить’
<i>*čila</i> ‘все, весь’ [ibid.: 7]	<i>цилядэокъ</i> ‘без всего’	<i>цилә</i> ‘все, весь’	<i>чыла</i> ‘весь’
<i>*čūm</i> ‘чешуя’ [ibid.: 73]	<i>сюмь</i> ‘чешуя’	<i>сүм</i> ‘чешуя’	<i>шүм</i> ‘чешуя’
<i>*jumā</i> ‘небо’ [ibid.: 12]	<i>юмань</i> ‘Бог’	<i>йумы</i> ‘Бог’	<i>юмо</i> ‘Бог’

Итак, анализ таблицы 3 показывает, что в начале XIX в. произошел переход ПМар. **o > a* в горномарийском языке. Не вполне ясна причина отсутствия перехода ПМар. **a > ä* (я) в грамматике А. Альбинского, наличие которого уже в конце XVIII в. косвенно подтверждают данные горномарийской части словаря П. С. Палласа, доступного онлайн⁴. В этом словаре отмечены дублеты с горными и луговыми марийскими рефлексам *o* vs. *a*, указанными в таблице 3, ср., например, *ПандакиЪ*, *ПондашЪ* ‘борода’, но присутствуют также и дублетные формы с *a* vs. *я*: *Мардешь*, *Мярдишь* ‘ветер’, *Лавра́*, *Ля́бря* ‘грязь’ и т. п. Можно предполагать, что в первых книгах и словарях на горномарийском языке произошли все инновационные изменения, характерные для современного языка, за исключением появления редуцированных гласных.

С точки зрения ударения грамматика А. Альбинского отличается и от современного горномарийского, и от лугового марийского языков. Пилотный анализ грамматики показывает, что ударение в ней разноместное, не фиксированное на предпоследнем слоге, как в горномарийском, и не зависит от качества гласных, как в луговом. Сингармонизм в [Альбинский 1837] также в части слов не выдерживается.

Обращает на себя внимание, что в рассматриваемой грамматике есть два перехода, которые Г. Березки не считает диалектно-классифицирующими, но они отличают горномарийский XIX в. от прамарийского и от лугового марийского в начале XIX в., как будет показано ниже. Проиллюстрируем их в таблицах 4 и 5 ниже.

Таблица 4. ПМар. **e >* горномарийское *ä*

Прамарийский по [Berezcki 1992]	Горномарийский по [Альбинский 1837]	Горномарийский современный	Луговомарийский современный
<i>*keñž</i> ‘лето’ [ibid.: 14]	<i>кяньгыжамь</i> ‘летом’	<i>кяньгыжым</i> ‘летом’	<i>кенеж</i> ‘лето’
<i>*te</i> ‘мы’ [ibid.: 36]	<i>мя</i> ‘мы’	<i>мә</i> ‘мы’	<i>ме</i> ‘мы’
<i>*te</i> ‘вы’ [ibid.: 75]	<i>тя</i> ‘вы’	<i>тә</i> ‘вы’	<i>те</i> ‘вы’

Таблица 5. ПМар. **ñč, *nž >* горномарийское *nz*

Прамарийский по [Berezcki 1992]	Горномарийский по [Альбинский 1837]	Горномарийский современный	Луговомарийский современный
<i>*oñčä</i> ‘впереди’ [ibid.: 45]	<i>анзакä</i> ‘впереди’	<i>анзыкы</i> ‘впереди’	<i>ончыко</i> ‘впереди’
<i>*šiiñ-ža</i> ‘глаз’ [ibid.: 62]	<i>шинзä</i> ‘глаз’	<i>сбнзä</i> ‘глаз’	<i>шинча</i> ‘глаз’
	<i>игынзыкtä</i> ‘икает’ ⁵	<i>игынзбнзä</i> ‘икает’	<i>үгынчыкташ</i> ‘икает’
	<i>нارانцэмямь</i> ‘желтею’	<i>нарынзангаш</i> ‘желтеть’	<i>нарынчалгаш</i> ‘зажелтеть’

³ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6514/5/perspective/6514/6/view>

⁴ См. <http://lingvodoc.ru/dictionary/6049/10/perspective/6049/11/view>.

⁵ Здесь и далее формы слов не полностью совпадают друг с другом, но для целей настоящей статьи важно показать соответствия в корне слова.

Наличие этих черт в горномарийском не только в XIX в., но и в более ранний период подтверждается данными словаря [Паллас 1787—1789], в котором уже в XVIII в. присутствовали дублеты с отраженными в них инновационными переходами, отмеченными выше для горномарийского языка в XIX в.: *Пандакиль*, *Пондашь* ‘борода’; *Шинжаоль*, *Шинзаль* ‘брови’; *Шинча*, *Шинзя* ‘глаз’; *Кянежь*, *Кингижлишь* ‘лето’.

Безусловно, нельзя считать, что именно эти черты были определяющими для всех горномарийских источников указанного периода, и утверждать, что они были диалектно-классифицирующими. Для подобных утверждений необходим полный анализ всех существующих источников этого периода как на горном, так и на луговом марийском. Но мы можем утверждать, что именно эти черты были инновационными маркерами горномарийской грамматики А. Альбинского.

Для примера анализа инновационных графико-фонетических черт луговомарийского языка в начале XIX в. мы выбрали памятник марийской письменности «Начатки христианского учения...» (издан в Казани в 1841 г.), который в настоящее время введен в Элан и отгlossирован М. А. Ключевой. Конкорданс этого текста находится в открытом доступе на платформе ЛингвоДок⁶. Как отмечается в статье [Ключева 2021: 42], посвященной анализу глагольной морфологии текста: «Если морфология глагола в памятнике указывает на волжский и йошкар-олинский говоры, то морфология в сочетании с фонетикой (соответствие аффрикат) — только на волжский (только *ц* в йошкар-олинском говоре ~ только *ч* в волжском ~ только *ч* в памятнике)». Соглашаясь с М. А. Ключевой в вопросе диалектной атрибуции текста, можно отметить, что *ч* является рефлексом ПМар. **č*. Это — регулярная прамарийская инновация в рассматриваемом тексте. Также в качестве инновации можно отметить регулярное выпадение ПМар. **-j* в конце корня, ср. *мю-мь* — лит. *мүй-ым* ‘мед-Асс’; *ли* — лит. *лий* ‘будь-IMP 2Sg’. Рефлексация ПМар. **ńč*, **ńž* в [Начатки 1841] дублетная, ср. *шиндза-шамычь* ‘глаза’ < ПМар. **šin-ža* ‘глаз’, но *шиньжашь* ‘знать’, *оньжожь* ‘впереди’ < ПМар. **oičə* ‘впереди’. Других регулярных фонетических инновационных переходов в этом тексте обнаружить не удалось. Показателем множественного числа служит аффикс *-шамыч*.

II. Графико-фонетические особенности северо-западного диалекта в XVIII в.

Одним из наиболее ранних источников по северо-западному диалекту является «Краткой черемиской словарь с российским переводом», созданный Василием Крекниным и Иоанном Платуновым в 1785 г., опубликованный с комментариями в монографии [Сергеев 2020]. В статье [Норманская 2021] мы продемонстрировали, что с большой долей вероятности этот словарь составлен на яранском диалекте северо-западного наречия. На это указывают не только лингвистические данные, но и информация о создании словаря в Троицком соборе Кукарской слободы, который ныне находится в г. Советск Кировской области. Однако согласно проведенному анализу, яранский диалект в XVIII в. значительно отличался от современного состояния, поскольку большинство инновационных процессов в нем еще не произошло. Ниже мы рассмотрим две инновационные черты, которые были отмечены в волжском луговомарийском памятнике начала XIX в.: ПМар. **-j* > слов. Ø, ПМар. **č* > слов. *č*, — и три горномарийских перехода, характерных для грамматики А. Альбинского: ПМар. **ńč*, **ńž*, **ńž* > *nz*, ПМар. **o* > *a*, ПМар. **e* > *ä*, — с точки зрения рефлексов этих фонем в северо-западном словаре XVIII в.

- 1) ПМар. **-j* > слов. Ø, это же развитие характерно и для современного яранского диалекта:
слов. *Мю* ‘мед’⁷ < ПМар. **mij* > яранский *mii*;
слов. *Пи* ‘собака’ < ПМар. **pij* > яранский *pi*;
слов. *Ти* ‘вошь’ < ПМар. **tij* > яранский *ti*.

Этот переход сближает словарь с волжским луговым наречием начала XIX в. по «Начатки христианского учения...» и грамматикой А. Альбинского, ср. [Альбинский 1837: 54], в отличие от современного лугового марийского, ср. лит. *лий* ‘будь-IMP 2Sg’. К сожалению, в [Альбинский 1837] рефлексы этих слов не представлены, поэтому мы не можем считать его маркером только луговомарийского языка.

Остальные инновационные процессы, видимо, лишь начинаются в северо-западном наречии в XVIII в., поскольку у приводимых ниже прамарийских фонем есть два возможных рефлекса.

- 2) В части слов наблюдается сохранение ПМар. **č*, что сближает с горномарийским языком:
слов. *Верчень*, *верець* ‘для’ — [Начатки 1841] *вѣречень* — грам. Альб. *Вѣречь*;
слов. *Гыць* ‘из’ — [Начатки 1841] *-гычь* — грам. Альб. *Гыць*;
слов. *Оцыни* нареч. ‘напрасно, вотще, тщетно’ — [Начатки 1841] *очиниешь*;

⁶ См. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/418/3/perspective/418/4/view>.

⁷ Параллели из [Альбинский 1837] и [Начатки 1841] приводятся в тех случаях, когда эти лексемы зафиксированы в памятниках.

слов. *Вицкижъ* ‘тонкий, тонко’ < ПМар. *wíckā-ž > яранский JT *wāckāž*, JO *wāckāž* [Bereczki 1992: 85];
слов. *Шюрмыць, цонъ* или *шермець, ценъ* ‘узда’ < ПМар. *šōrmāc, *šermāc > яранский JT *šōrmāc*,
JO *šōrmāc* [Bereczki 1992: 109—110].

Но при этом у других лексем представлен луговомарийский рефлекс: ПМар. *ć > слов. č, ср.:

слов. *Чючкюданъ* — [Начатки 1841] *чүчкүдонъ*;

слов. *Чемъ* ‘одеваю’ — [Начатки 1841] *чиктэмáишиштэ* ‘в одежде’.

Есть случаи, когда в словаре зафиксированы дублетные формы с немного разным значением, ср. слов. *Цеберъ* ‘пригожий’ / *Чеберъ* ‘краса’ — грам. Альб. *Цебёръ* ‘красивый’.

3) ПМар. *ñč, *ñž, *nž > слов. нз:

слов. *Онзиль* ‘впереди’ — грам. Альб. *Анзаць* ‘спереди’ — [Начатки 1841] *о́ньжockъ* ‘впереди (в будущем)’ < ПМар. *oñčā ‘впереди’ [Bereczki 1992: 45] > яранский JT *oñžālnā*, JO *añžālnā* ‘перед’ [Bereczki 1992: 45];

слов. *Регензе, зень* ‘мох’ < ПМар. *reγā-ñā, -ñžā.

ПМар. *ñč, *ñž, *nž > слов. нж:

слов. *Ирь шинжамъ* 1 спр. ‘сажусь в круг’ — [Начатки 1841] *шинджà* ‘сидит’ — грам. Альб. *Шинзámъ* ‘сизу’ < ПМар. *šiiñžā- > яранский JT *šynžet*, JO *šəñžet*;

слов. *Кюнжемъ* 2 спр. ‘окопываю, копаю’ — [Начатки 1841] *кюнжáишь* ‘копать’ < ПМар. *kiiñžā- > JT *kiiñžet*, JO *köñžet*.

Это коррелирует с дублетной рефлексацией в луговом марийском языке начала XIX в.

4) ПМар. *o сохраняется без изменений, что **сближает** северо-западное наречие с **луговым марийским**, в горном, по [Альбинский 1837], произошел переход в *a*, ср.:

слов. *Юль* 1 скл. ‘нога’ — [Начатки 1841] *ióль* — грам. Альб. *Яль* < ПМар. *jol > яранский JT *jol*, JO *jal*;

слов. *Кочо* 1 скл. ‘пряно, пряный, пряность, горесть, горький, горько’ — [Начатки 1841] *кóчо* < ПМар. *kočā > яранский JT *koso*, JO *kasu*;

слов. *Кондэмъ* 2 спр. ‘привожу, приношу’ — [Начатки 1841] *кондэ́ве* ‘принесли’ — грам. Альб. *Кандэмъ* ‘приношу’ < ПМар. *kondā- > яранский JT *kondem*, JO *kandem*.

5) ПМар. *e также сохраняется без изменений, что отличается от горномарийского по грамматике А. Альбинского и **совпадает с луговомарийским** по «Начаткам...», ср.:

слов. *Кенгежъ* 1 скл. ‘лето’ — грам. Альб. *кяньгыжамъ* ‘летом’ < ПМар. *keñž > яранский JO *keñž*;

слов. *Лекмаишь* ‘исход, выход’ — [Начатки 1841] *лекмáишь* — грам. Альб. *ляктámъ* < ПМар. *lekt- > яранский JT *lektam*⁸, JO *läktam*.

б) **Ударение** в рукописи словаря проставлено, как указывается в [Сергеев 2020: 38—39], но в изданном словаре оно не отмечено. Из примеров в Предисловии с проставленным ударением можно предположить, что оно в основном было на последнем слоге, исключения составляют лишь слова с *a* в первом слоге. Таким образом, ударение, видимо, отличалось и от горного, и от луговомарийского.

7) В «Кратком черемисском словаре...», как пишет [Сергеев 2020: 75], в качестве **показателя множественного числа** употребляется суффикс *-шамыц*, обнаруженный в 18 словарных статьях, и **этимологически родственной луговомарийскому аффиксу** множественного числа *-шамыч*.

Итак, подводя итоги краткого анализа, можно отметить, что из семи рассмотренных диагностических прамарийских фонем рефлексы четырех (№ 3, 4, 5, 7) совпадают с луговомарийским памятником, в одном (№ 2) случае наблюдается дублетная рефлексация. Таким образом, с точки зрения графикофонетических черт в XVIII в. северо-западный яранский словарь был написан на говоре, более близком луговому марийскому языку, но уже в этот период можно отметить начало фонетического перехода, характерного для горномарийского языка.

III. Графико-фонетические особенности северо-западного диалекта в начале XIX в.

Работа в архиве СПбФ АРАН в фонде А. И. Шёгрена позволила найти, насколько нам известно, наиболее ранний перевод текста на яранский диалект северо-западного наречия — это рукопись марийского Евангелия от Матфея, подготовленного священником Вятской епархии Сергием Бобровским в 1821 г. Сергей Федорович Бобровский (1767—1831) родился в Яранском районе Кировской области, начиная

⁸ По указанию анонимного рецензента статьи, формы с номинализацией также представлены в современном яранском диалекте, но в доступных нам источниках они не зафиксированы, поэтому здесь не приводятся.

с 1795 г. он служил пономарем Воскресенского храма села Пижемского Яранского уезда Вятской губернии, а в 1797 г. был рукоположен во священники этой же церкви⁹.

М. А. Ключева провела ввод и глоссирование рукописного текста Евангелия в программе Элан, ввела параллели словоформ из литературного марийского языка и разместила его на платформе ЛингвоДок¹⁰. Далее глоссированный корпус был превращен в конкорданс¹¹, который был проэтимологизирован и поллексемно связан этимологическими связями с другими марийскими и финно-угорскими диалектами.

Полный анализ графики памятника — это будущая задача. А в настоящей статье мы проанализируем его с точки зрения инновационных признаков, значимых для диалектной дифференциации рассмотренных нами выше памятников лугового и горного марийского языков в начале XIX в., и сопоставим его с данными словаря, созданного Василием Крекниным и Иоанном Платуновым на том же самом говоре на 36 лет раньше, чтобы проследить динамику языковых изменений.

1) **ПМар. *-j > Еванг. Ø**, это же развитие было отмечено и в словаре, и в грамматике А. Альбинского, см. выше:

Еванг. *мю* — слов. *мю* ‘мед’¹² < ПМар. **mij* > яранский *mi*;

Еванг. *ни* — слов. *ни* ‘собака’ < ПМар. **rij* > яранский *ri*.

К сожалению, из-за отсутствия информации по [Альбинский 1837] мы не можем судить о диалектно-дифференцирующем характере этой информации.

2) Так же как и в словаре, в части слов наблюдается сохранение **ПМар. *č**, что сближает Евангелие с горномарийским языком:

Еванг. *верцѣ* ‘для’ — слов. *Верцень, верець* — [Начатки 1841] *вѣречень* — грам. Альб. *вѣрець*;

Еванг. *гецъ, гацъ* ‘из’ — слов. *Гыць* ‘из’ — [Начатки 1841] *-гычь* — грам. Альб. *гыць*;

Еванг. *оцыни* — слов. *Оцыни* нареч. ‘напрасно, вотще, тщетно’ — [Начатки 1841] *очиниешь*;

Еванг. *цыля* ‘все’ — слов. *Цыля* ‘весь’ — [Начатки 1841] *чилá* — грам. Альб. *цилядэокъ* ‘без всего’ <

ПМар. **čila* ‘все, весь’ > яранский JT *сула*, JO *сälä*.

Но при этом, как и в словаре, в части лексем представлен луговомарийский рефлекс: **ПМар. *č > Еванг. č**, ср.:

Еванг. *чучкүду* ‘частый’ — слов. *Чючкюдань* ‘часто’ — [Начатки 1841] *чүчкүдонь* ‘часто’;

Еванг. *чялт-едá* ‘красите’ — слов. *Чя* или *чя* ‘краска’;

Еванг. *чи-едá* ‘одеваться’ — слов. *Чьемь* ‘одеваю’ — [Начатки 1841] *чиктэмáшишитэ* ‘в одежде’.

3) **ПМар. *ñč, *ñž, *nž > Еванг. nž**:

Еванг. *ánzalna / ánžolna / ánzolna / anzólna* ‘впереди’ — слов. *Онзилъ* ‘первый, передний’ — грам.

Альб. *ánзацъ* ‘спереди’ — [Начатки 1841] *оньжокъ* ‘впереди (в будущем)’ < ПМар. **oñčá* ‘впереди’ [Bereczki 1992: 45] > яранский JT *onžálnä*, JO *anzálnä* ‘перед’ [Bereczki 1992: 45];

Еванг. *шинзáшь* ‘сесть’ — слов. *Ирь шинжамь* 1 спр. ‘сажусь в круг’ — [Начатки 1841] *шиндžá* 2 спр. ‘сидит’ — грам. Альб. *шинзámь* 1 спр. ‘сизу’ < ПМар. **šinžá-* [Bereczki 1992: 63] > яранский JT *šänžet*, JO *šanzet* [Bereczki 1992: 63];

Еванг. *шинзá/шинзá* ‘глаз’ — слов. *Шиндза* 1 скл. — грам. Альб. *шинзá* — [Начатки 1841] *шиндžá-шáмычь* ‘глаз’ < ПМар. **šinža* ‘глаз’ > яранский JT *šunža*, JO *šanzä*.

В Евангелии, в отличие от словаря, нами выявлена только одна рефлексация **ПМар. *ñč, *ñž, *nž**, что **сближает** его с **горномарийским языком** грамматики А. Альбинского, в противоположность словарю и луговомарийскому памятнику [Начатки 1841], где присутствует двойная рефлексация.

4) **ПМар. *o > a**, что также **сближает** Евангелие с **горномарийским**, в отличие от словаря, в котором представлена прамарийская фонема, совпадающая с луговой, ср.:

Еванг. *яль, ял, ял* ‘нога’ — слов. *Лоль* 1 скл. — [Начатки 1841] *iólъ* — грам. Альб. *яль* < ПМар. **jol* > яранский JT *jol*, JO *jal*;

Еванг. *кандáшь* ‘приносить’ — слов. *Коньдэмь* 2 спр. ‘привожу, приношу’ — [Начатки 1841] *кандэве* ‘принесли’ — грам. Альб. *кандэмь* ‘приношу’ < ПМар. **kondä-* > яранский JT *kondem*, JO *kandem*.

⁹ См. подробнее <https://www.geni.com/people/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9-%D0%91%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/600000173323560035>.

¹⁰ См. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2110/5/perspective/2110/8/view>.

¹¹ См. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3527/5/perspective/3527/6/view>.

¹² Параллели из грамматики А. Альбинского и «Начатки...» приводятся в тех случаях, когда эти лексемы зафиксированы в памятниках.

5) **ПМар.** **e* сохраняется без изменений, что, наоборот, отличается от горномарийского по грамматике А. Альбинского и **совпадает с луговомарийским**, ср.:

Еванг. *кѣнежъ* ‘лето’ — слов. *Кенгежъ* 1 скл. — грам. Альб. *кяньгыжамъ* ‘летом’ < ПМар. **кеҥажъ* > яранский Ю *кеҥажъ*;

Еванг. *лектáшь* ‘выходить’ — слов. *Лекмашь* ‘исход, выход’ — [Начатки 1841] *лектáшь* — грам. Альб. *ляктáмъ* < ПМар. **лект-* > яранский ЮТ *лектам*, Ю *läktam*.

6) Так же как и в **горномарийской грамматике** А. Альбинского, в Евангелии **ударение** разноместное, парадигматическое, в онлайн-словаре можно видеть, как в парадигмах меняется место ударения.

7) **Множественное число** у имен выражается аффиксом *-шамецъ*, как и в северо-западном словаре, что этимологически **близко луговому показателю**.

Отметим, что из рассмотренных семи пунктов три признака (№ 3, 4, 6) сближают Евангелие с горномарийским языком первой половины XIX в., два признака (№ 5, 7) — с луговомарийским памятника [Начатки 1841] и два признака не являются показательными. Итак, можно видеть, как соотношение признаков, характерных для горного и лугового марийского, за 36 лет в говоре поменялось, наречие приобрело промежуточный характер и стало ближе к горномарийскому языку по грамматике А. Альбинского.

IV. Анализ первого Евангелия на северо-западном диалекте с точки зрения глоттохронологии

Для верификации полученных результатов об изначальной принадлежности первых книг на северо-западном диалекте к луговому марийскому языку мы решили их оценить с точки зрения глоттохронологии. В 2023 г. на платформе ЛингвоДок создана опция «Глоттохронологический анализ языков/диалектов», которую можно запустить в словарях во вкладке «Инструменты». Эта опция применяется к любому набору языков, в словарях которых доступно более 50 слов из 100-словного списка М. Сводеша. Согласно предложенной С. А. Старостиным глоттохронологии (см. подробнее [Старостин 1989]), из подсчета по формуле, представленной на рис. 1, сначала удаляются заимствования, родственные слова соединяются на платформе ЛингвоДок этимологическими связями, затем подсчитывается процент совпадений между списками двух идиомов и вычисляется время распада.

$$t = \sqrt{\frac{\ln\left(\frac{Nn(t)}{N_0}\right)}{-n\lambda^n \sqrt{Nn(t)}}$$

Рис. 1. Формула С. А. Старостина для обсчета близости языков и диалектов, встроенная в ЛингвоДок

В этой формуле *t* — время, прошедшее от начала момента распада единства идиомов до настоящего времени; *N*₀ — исходный список базисной лексики, состоящий из 100 слов; *λ* — «скорость выпадения» слов из *N*₀; *N(t)* — доля слов исходного списка базисной лексики, сохранившихся к моменту *t*. Как показали исследования языков с достаточно длинной письменной историей, проведенные С. А. Старостиным, на протяжении последних 1000—1500 лет *λ* (скорость распада основного списка) равна примерно 0,05 за 1000 лет. Если же рассмотреть развитие какого-либо языка в течение, например, 2,5 тысячелетий, то скорость его развития окажется равной {≈} 0,1, см. [Старостин 1989: 10—13]. В результате исследований была установлена следующая зависимость: по мере выпадения слов из списка скорость выпадения слов из него — коэффициент *λ* — уменьшается, поскольку начинают происходить повторные замены среди менее устойчивой части списка. Таким образом, коэффициент *λ* должен зависеть еще и от доли сохранившихся слов *N(t)*. Основываясь на этом, С. А. Старостин разработал формулу (см. рис. 1), которая является аппроксимацией сложной математической зависимости, учитывающей индивидуальные вероятности выпадения каждого отдельного слова в ОС; она, однако, довольно хорошо работает на всем известном нам языковом материале при принятии *λ* = 0,05.

Вследствие сравнительного анализа списков базисной лексики: 1) северо-западного наречия XX в., собранного по монографии [Иванов, Тужаров 1970], 2) конкорданса текста Евангелия, переведенного на вятский говор свящ. С. Бобровским в 1821 г., — и собранных от носителей языка по анкете из [Kassian et al. 2010]: 3) литературного лугового марийского, 4) литературного горного марийского, 5) йошкар-

олинского говора (д. Пуял)¹³ — были получены следующие результаты. Установлено, что наибольшая близость у первого Евангелия на вятском говоре наблюдалась с литературным марийским языком — 98 %, с северо-западным диалектом, по [Иванов, Тужаров 1970], — 96 %, а с литературным горным и йошкар-олинским диалектом — лишь 95 % и 91 % совпадений соответственно. Такой низкий процент совпадений с йошкар-олинским говором связан с тем, что в нем, по результатам опроса носителей, довольно много слов базисной лексики, которые не имеют параллелей в других рассмотренных источниках в 100-словных списках (безусловно, у многих из этих слов есть параллели в других марийских диалектах, но они не были приведены носителями языков при ответе на вопросы анкеты по [Kassian et al. 2010]): ‘кора’ *sadi*, ‘земля’ *rok*, ‘мясо’ *pəzə*, ‘не’ *ot*, ‘сказать’ *ojlaf*, ‘дерево’ *sadi*.

У северо-западного диалекта конца XX в. по [Иванов, Тужаров 1970] также больше совпадений в базисной лексике с луговым марийским (94 %), чем с горным (90 %) и с йошкар-олинским говором (89 %), см. подробнее [Норманская (в печати)]. Результаты этих подсчетов можно видеть на графике, построенном с помощью применения опции «Глоттохронологический анализ языков» к пяти марийским спискам базисной лексики, см. рис. 2.

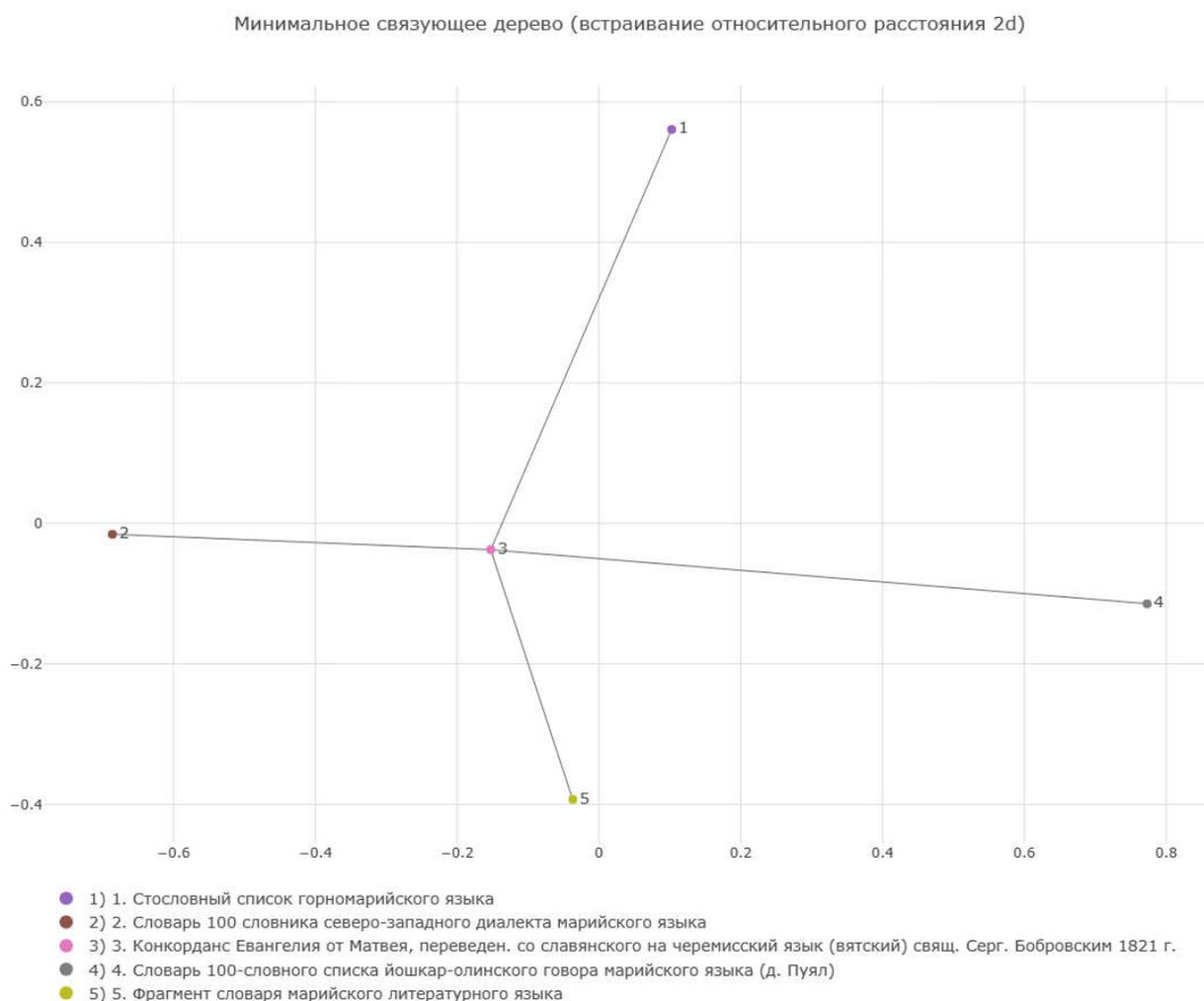

Рис. 2. Результаты глоттохронологического анализа на ЛингвоДоке марийских языков и диалектов

Выводы

На основании анализа двух книг на горном и луговом марийском первой половины XIX в. были выявлены признаки, которые их различают. Далее две книги, созданные, предположительно, на яранском диалекте северо-западного наречия с интервалом в 36 лет: «Краткой черемиской словарь с российским

¹³ Данные йошкар-олинского говора были привлечены к анализу в связи с тем, что в монографии [Иванов 1981: 89] постулировалась специфическая близость между северо-западным и йошкар-олинским диалектами.

переводом», созданный Василием Крекниным и Иоанном Платуновым в 1785 г., и Евангелие от Матфея, переведенное священником Сергием Бобровским в 1821 г., — были сопоставлены по этим признакам. Полученный результат можно представить в виде таблицы.

Таблица 6. Различия северо-западного, лугового, горного марийского в конце XVIII — начале XIX в.

	Прамарий- ский язык	Северо-западный, конец XVIII в. Словарь В. Крек- нина, И. Платунова, 1785	Северо-западный, начало XIX в. Евангелие, 1821	Горномарийский язык по грамматике А. Альбинского, 1837	Луговомарийский язык по «Начатки...», 1841
Гласные первого слога	*o	o	a	a	o
	*e	e	e	ä	e
	*ć	ц/ч	ц/ч	ц	ч
	*ńć, *ńź, *nź	нз/нж	нз	нз	нъж/ндж/ндз
	*j	0	0	?	0
Ударение		?	Ударение пара- дигматическое	Ударение пара- дигматическое	Ударение зависит от качества гласных в словоформе
Аффикс множ. числа		-шамыць	-шамець	-вля	-шамычь

Из таблицы видно, что словарь В. Крекнина, И. Платунова практически полностью совпадал с луговомарийской книгой «Начатки...», созданной в начале XIX в., и лишь в одной диагностической позиции, рефлексе ПМар. *ć, наблюдалась дублетная рефлексация, которая частично сближала его с горномарийской грамматикой А. Альбинского. А через 36 лет в Евангелии, переведенном священником Сергием Бобровским, уже в трех позициях (рефлексы 1. ПМар. *o, 2. ПМар. *ńć, *ńź, *nź, 3. ударение) отмечалась рефлексация, характерная для горномарийской грамматики А. Альбинского, в одном случае сохранялись дублеты (ПМар. *ć) и лишь в двух позициях (ПМар. *e, аффикс множественного числа, который этимологически соответствует аффиксу в «Начатки...») сохранился луговой рефлекс.

Данные таблицы 6 показывают, что яранский диалект достаточно сильно изменился в период 1785—1821 гг. и именно в этот промежуток времени приобрел черты, которые характеризуют, в частности, горномарийский язык начала XIX в. А большинство диагностических черт, которые Г. Березки считал характерными для современного горномарийского языка, отсутствовало в грамматике А. Альбинского в 1837 г. Видимо, они появились в конце XIX — начале XX в. не только в горномарийском, но и в северо-западном наречии, что свидетельствует не о их генетической близости, но о совместном развитии в последние 150—200 лет.

Этот вывод подтверждает и глоттохронологический анализ источников на северо-западном диалекте, которые по количеству совпадений в базисной лексике более близки к луговому марийскому языку. У вятского Евангелия процент совпадений с луговым марийским — 96 %, у северо-западного диалекта конца XX в. — 94 %. Как и графико-фонетический анализ, данные глоттохронологии свидетельствуют о том, что сближение северо-западного наречия с горномарийским было более поздним. Первые книги позволяют установить, что оно началось в конце XVIII в.

Список сокращений

грам. Альб. — примеры из [Альбинский 1837]

Еванг. — примеры из рукописи марийского Евангелия от Матфея, подготовленного священником Вятской епархии Сергием Бобровским в 1821 г., хранится в фонде А. И. Шёгрена (СПбФ АРАН)

лит. — литературный язык

ПМар. — прамарийский язык

скл. — склонение

слов. — примеры из рукописи «Краткой черемиской словарь с российским переводом», созданный Василием Крекниным и Иоанном Платуновым в 1785 г.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

спр. — спряжение

Ю — яранский говор д. Отюково Яранского уезда

ЛТ — яранский говор д. Туршо-Мучаш Яранского уезда

Л и т е р а т у р а

- Альбинский 1837 — *А. Д. Альбинский*. Черемисская грамматика. Казань, 1837.
- Васильев и др. 1991 — *В. М. Васильев, А. А. Саваткова, З. В. Учаев*. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991.
- Веске 1889 — *М. П. Веске*. Исследования о наречиях черемисского языка. Казань, 1889.
- Грузов 1969 — *Л. П. Грузов*. Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
- Диалекты марийского языка 2009 — Диалекты марийского языка // Энциклопедия Республики Марий Эл / Отв. ред. Н. И. Сараева. Йошкар-Ола, 2009.
- Иванов 1981 — *И. Г. Иванов*. Марий диалектологий. Йошкар-Ола, 1981.
- Иванов, Тужаров 1970 — *И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров*. Северо-западное наречие марийского языка. Диалекты марийского языка. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1970.
- Ключева 2021 — *М. А. Ключева*. Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841) // Урало-алтайские исследования. 2021, 1 (40). С. 31—46.
- Начатки 1841 — Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия переведенные в Казани 1839 года, Казань, 1841.
- Норманская 2020 — *Ю. В. Норманская*. Как менялась диалектная принадлежность селькупского говора с. Иванкино Колпашевского района XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2020, 66. С. 144—157.
- Норманская 2021 — *Ю. В. Норманская*. Первый черемисский словарь — архаический текст или конкорданс слов из нескольких марийских диалектов? (О. А. Сергеев. Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткой черемисской словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола, 2020) // Урало-алтайские исследования. 2021, 3 (42). С. 83—90.
- Норманская 2022а — *Ю. В. Норманская*. Графико-фонетические отличия в хантыйских диалектах по данным источников XVIII в. // Вестник угроведения. 2022, 1 (12). С. 84—93.
- Норманская 2022б — *Ю. В. Норманская*. Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII—XIX вв.) // Сибирский филологический журнал. 2022, 1. С. 126—143.
- Норманская (в печати) — *Ю. В. Норманская*. Оценка классификационной принадлежности северо-западного диалекта марийского языка с точки зрения глоттохронологии // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. В печати.
- Паллас 1787—1789 — *П. С. Паллас*. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Т. 1, 2. СПб., 1787—1789.
- Сергеев 2020 — *О. А. Сергеев*. Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткой черемисской словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола, 2020.
- Старостин 1989 — *С. А. Старостин*. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I. М., 1989. С. 3—39.
- Юзыкайн 2023 — *Э. Юзыкайн*. Некоторые аспекты информационной среды марийцев. URL: <http://www.suri.ee/r/mari/erik/infsr3112.html> (дата обращения: 09.05.2023).
- Bereczki 1992 — *G. Bereczki*. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. Szeged, 1992. (Studia Uralo-Altaica 34).
- Bereczki 1994 — *G. Bereczki*. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Szeged, 1994. (Studia Uralo-Altaica 35).
- Kassian et al. 2010 — *A. Kassian, G. Starostin, A. Dybo, V. Chernov*. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship. 2010, 4. P. 46—89.

References

- Albinsky 1837 — A. D. Al'binskij. Cheremisskaya grammatika. Kazan', 1837. 248 s. {A. D. Albinsky. Cheremisskaya grammar. Kazan, 1837. 248 p.}
- Bereczki 1992 — G. Bereczki. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. Szeged, 1992. (Studia Uralo-Altaica 34).
- Bereczki 1994 — G. Bereczki. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Szeged, 1994. (Studia Uralo-Altaica 35).

- Gruzov 1969 — L. P. Gruzov. Istoricheskaya grammatika marijskogo yazyka: Vvedenie i fonetika. Yoshkar-Ola, 1969. {L. P. Gruzov. Historical grammar of the Mari language: introduction and phonetic. Yoshkar-Ola, 1969.}
- Dialekty marijskogo yazyka 2009 — Dialekty marijskogo yazyka. In: Enciklopediya Respubliki Marij El / Otv. red. N. I. Saraeva. Yoshkar-Ola, 2009. {Dialects of the Mari language. In: Encyclopedia of the Republic of Mari El / Ed. by N. I. Saraeva Yoshkar-Ola, 2009.}
- Ivanov 1981 — I. G. Ivanov. Marij dialektologij. Yoshkar-Ola, 1981. {I. G. Ivanov. Mari dialectology. Yoshkar-Ola, 1981.}
- Ivanov, Tuzharov 1970 — I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. Severo-zapadnoe narechie marijskogo yazyka. Dialekty marijskogo yazyka. Vyp. 1. Yoshkar-Ola, 1970. {I. G. Ivanov, G. M. Tuzharov. The Northwestern dialect of the Mari language. Dialects of the Mari language. Issue 1. Yoshkar-Ola, 1970.}
- Kassian et al. 2010 — A. Kassian, G. Starostin, A. Dybo, V. Chernov. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. In: Journal of Language Relationship. 2010, 4. P. 46—89.
- Klyucheva 2021 — M. A. Klyucheva. Glagol'naya morfologiya v pamyatnike marijskoj pis'mennosti “Nachatki khristianskogo ucheniya...” (1839/1841). In: Uralo-altajskie issledovaniya. 2021, 1 (40). S. 31—46. {M. A. Klyucheva. Verb morphology in the monument of Mari writing “The Beginnings of Christian doctrine...” (1839/1841). In: Ural-Altai Studies. 2021, 1 (40). P. 31—46.}
- Nachatki 1841 — Nachatki khristianskogo ucheniya ili Kratkaya svyashchennaya istoriya i kratkij katekhizis, na cheremisskij yazyk lugovogo narechiya perevedennye v Kazani 1839 goda. Kazan', 1841. {The Beginnings of Christian scholarship or a Short sacred history and a short catechism, translated into the Cheremish language of the Meadow narration in Kazan in 1839. Kazan, 1841.}
- Normanskaya 2020 — Yu. V. Normanskaya. Kak menyalas' dialekt'naya prinadlezhnost' sel'kupskogo govora s. Ivankino Kolpashevskogo rajona XX v. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020, 66. S. 144—157. {Yu. V. Normanskaya. How the Selkup dialect affiliation of the Ivankino settlement of Kolpashevsky District has changed in the XIX century. In: Bulletin of the Tomsk State University. 2020, 66. P. 144—157.}
- Normanskaya 2021 — Yu. V. Normanskaya. Pervyj cheremisskij slovar' — arkhaischikij tekst ili konkordans slov iz neskol'kikh marijskikh dialektov? (O. A. Sergeev. Vasilij Kreknin, Ioann Platonov “Kratkoj cheremiskoj slovar' s rossijskim perevodom”: lingvisticheskij analiz (s prilozheniem slovary). Yoshkar-Ola, 2020). In: Uralo-altajskie issledovaniya. 2021, 3 (42). S. 83—90. {Yu. V. Normanskaya. The first Mari dictionary — an archaic text or a concordance of words from different Mari dialects? (O. A. Sergeev. Vasily Kreknin, John Platonov “A short Mari dictionary with a Russian translation”: linguistic analysis (supplied with a dictionary). Yoshkar-Ola, 2020. 348 p.). In: Ural-Altai Studies. 2021, 3 (42). P. 83—90.}
- Normanskaya 2022a — Yu. V. Normanskaya. Grafiko-foneticheskie otlichiya v khantyjskikh dialektah po dannym istochnikov XVIII v. In: Vestnik ugrovedeniya. 2022, 1 (12). S. 84—93. {Yu. V. Normanskaya. Graphic and phonetic differences in Khanty dialects according to sources of the XVIII century. In: Bulletin of Ugric Studies. 2022, 1 (12). P. 84—93.}
- Normanskaya 2022b — Yu. V. Normanskaya. Kak menyalas' klassifikaciya mansijskikh dialektov (issledovanie na materiale pervykh kirillicheskikh knig i slovarej XVIII—XIX vv.). In: Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2022, 1. S. 126—143. {Yu. V. Normanskaya. How the classification of Mansi dialects was changed (on the material of the first Cyrillic books and dictionaries of the 18th and 19th centuries). In: Siberian Philological Journal. 2022, 1. P. 126—143.}
- Pallas 1787—1789 — P. S. Pallas. Sravnitel'nye slovari vsekh yazykov i narechij, sobrannye desniceyu vsevysochajshej osoby. T. 1, 2. Sankt-Peterburg, 1787—1789. {P. S. Pallas. Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the right hand of the all-important person. Vol. 1, 2. St. Petersburg, 1787—1789.}
- Sergeev 2020 — O. A. Sergeev. Vasilij Kreknin, Ioann Platonov “Kratkoj cheremiskoj slovar' s rossijskim perevodom”: lingvisticheskij analiz (s prilozheniem slovary). Yoshkar-Ola, 2020. {O. A. Sergeev. Vasily Kreknin, John Platonov “A short Cheremish dictionary with a Russian translation”: linguistic analysis (with dictionary attachment). Yoshkar-Ola, 2020.}
- Starostin 1989 — S. A. Starostin. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika. In: Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevnejshaya istoriya Vostoka. Ch. I. Moskva, 1989. S. 3—39. {S. A. Starostin. Comparative historical linguistics and lexicostatistics. In: Linguistic reconstruction and the ancient history of the East. Part I. Moscow, 1989. P. 3—39.}
- Vasiliev i dr. 1991 — V. M. Vasil'ev, A. A. Savatkova, Z. V. Uchaev. Marijsko-russkij slovar'. Yoshkar-Ola, 1991. {V. M. Vasiliev, A. A. Savatkova, Z. V. Uchaev. Mari-Russian dictionary. Yoshkar-Ola, 1991.}
- Veske 1889 — M. P. Veske. Issledovaniya o narechiyakh cheremisskogo yazyka. Kazan', 1889. {M. P. Veske. Studies of the Cheremis dialects. Kazan, 1889.}
- Yuzykain 2023 — E. Yuzykajn. Nekotorye aspekty informacionnoj sredy marijcev. {E. Yuzykain. Some aspects of Mari information environment. In: <http://www.suri.ee/r/mari/erik/inf3r3112.html> (access date — 05-09-2023).}

**Как менялась турецкая лексика
(лексикографический анализ тюрко-латинской грамматики
Иеронима Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor», 1612)**

Нуриева Фануза Шакуровна, Казанский федеральный университет; fanuzanurieva@yandex.ru;
Петрова Маргарита Михайловна, Казанская духовная семинария; benelat926@gmail.com;
Сунгатуллина Миляуша Масхутовна, Гимназия-интернат № 4 (Казань); milaushateacher@gmail.com

Статья посвящена анализу словарной лексики в грамматике Иеронима Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» (1612). Рассматриваемый материал находится в четвертой книге грамматики «Dictionarium Latino-Turcicum et Turcico-Latinum» («Латинско-тюркский и Тюрко-латинский словари»), включающей в себя около 2500 слов. В статье дается общая характеристика лексики, анализ построения и оформления словарных статей. Поскольку в основе словаря — записи на языке тюрков, распространенном в Анатолии (Малой Азии) на рубеже XVI—XVII вв., сравнительный анализ был проведен с опорой на лексику современного турецкого языка. В результате выявлены группы лексики, которые сохранились без существенных изменений. В них вошли топонимы, относящиеся к территории современной Турции, имена родства, профессий, наименования в области сельского хозяйства, названия растений и животных, важных для жизнедеятельности человека. Наибольшим изменениям в современном турецком языке по сравнению со словарями И. Мегизера подверглись топонимические наименования европейских стран, названия диких птиц, лекарственных растений, пряностей, не встречающихся на территории Турции. Словарь И. Мегизера сохранил для современного исторического языкознания тюркские названия, которые были в употреблении в XVII в., в современном же турецком языке они стали историзмами либо заменены на современные европейские названия.

Ключевые слова: Иероним Мегизер, грамматика, историческая лексикография, латинский язык, тюркские языки, турецкий язык, межъязыковые соответствия

**HOW TURKISH LEXICON CHANGED
(LEXICOGRAPHIC ANALYSIS OF HIERONYMUS MEGISER'S TURKIC-LATIN GRAMMAR
"INSTITUTIONUM LINGVAE TURCICAE LIBRI QUATUOR", 1612)**

Fanuza Sh. Nurieva, Kazan Federal University; fanuzanurieva@yandex.ru;
Margarita M. Petrova, Kazan Orthodox Seminary; benelat926@gmail.com;
Milyausha M. Sungatullina, Boarding school No. 4 (Kazan); milaushateacher@gmail.com

The article is devoted to the analysis of vocabulary in Hieronymus Megiser's grammar book "Institutionum linguae Turcicae libri quatuor" (1612). The fourth book of the grammar entitled "Dictionarium Latino-Turcicum et Turcico-Latinum" ("Latin-Turcicum et Turcico-Latin Dictionary"), which includes about 2500 words, is devoted to the material under consideration. The article gives a general characteristic of this lexicon, analyzes the construction and design of dictionary entries. As the material of the dictionary were the records of the Turkic language, widespread in Anatolia (Asia Minor) at the turn of the XVI—XVII centuries, the comparative analysis was carried out with reference to the lexicon of the modern Turkish language. As a result, the groups of vocabulary that have been preserved without significant changes were identified. This group includes names of toponyms belonging to the territory of modern Turkey, names of kinship, professions, names in the field of agriculture, names of plants and animals, important human activities. The biggest changes in the modern Turkish language in comparison with I. Megiser's dictionary have been made to toponymic names of European countries, names of wild birds, medicinal plants, spices, which are not found on the territory of Turkey. Megiser's dictionary has preserved for modern historical linguistics the Turkic names that were in use in the XVII century, and in modern Turkish they have become historicalisms, replaced by modern European names.

Keywords: Hieronymus Megiser, grammar book, historical lexicography, Latin, Turkic, Turkish, interlingual correspondences

Для XVI—XVII вв., характеризующихся активностью экономической, социальной и политической жизни, яркой приметой времени было появление ученых, поражающих многосторонностью своих интересов и высокой образованностью, стремлением к изучению мира путем своего опыта, знающих несколько языков. Отражением этого стали первые справочники о языках мира, их письменности, истории, родственных связях с другими языками, содержащие отдельные лексические сопоставления, образцы слов и текстов, реже — сведения о грамматике [Gessner 1555]. В числе ученых, которые дали ценный материал для развития сравнительно-исторического языкознания, необходимо упомянуть и Иеронима Мегизера, написавшего целый ряд интересных работ, посвященных языкам разных языковых систем. Среди них примечателен его труд о тюркских языках.

Попытки изучения тюркских языков в Европе предпринимались и раньше. Знаменитый рукописный Codex Cumanicus, до сих пор привлекающий пристальное внимание исследователей, был написан, по мнению ряда ученых, не позднее XIV в. Интерес к тюркским языкам возрастает из-за разных исторических событий (захват турками-османами Константинополя в 1453 г., их дальнейшее вторжение в Европу). Появляются рукописные пособия, вокабулярии, организовываются школы переводчиков. Рукопись «Regola del parlare Turcho» («Правила разговорного турецкого языка»), составленная флорентийцем Филиппо Ардженти в 1533 г., первая турецкая грамматика, написанная в 1611 г. итальянским монахом Пьетро Феррагудо, — этому подтверждение [Гузев 1972: 84—86]. Кроме того, известен ряд старопечатных изданий, вышедших в XVI—XVII вв. в европейских городах, к которым относится и первая печатная грамматика И. Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» (Лейпциг, 1612). Позже появляются труды, содержащие материалы по восточным языкам, в том числе и по турецкому (османскому): Les Voyages du sieur Du Loir etc. (A Paris 1654); A. Du Ryer «Rudimenta grammatices linguae turcicae» (Parisiis 1650); P. Della Valle «Grammatica della lingua turca. Lspahan» (1620 (Ms.)); M. Maggio «Syntagmaton linguarum orientalium» (Romae 1670); A. Mascis «Vocabulario toscano e turchesco. Con la giunta di alcuni Rudimenti Grammaticali» (Firenze 1677); F. à M. Meninski «Linguarum orientalium, turcicae, arabicae, persicae institutiones seu Grammatica turcica» (Viennae 1677). Эти работы ценны тем, что представляют собой первые опыты теоретического описания строя тюркских языков, они сохранили богатый языковой материал своего времени.

Предметом настоящей статьи является один из важных источников для изучения истории тюркского языкознания — грамматика Иеронима Мегизера. Первое описание труда И. Мегизера принадлежит турецкому ученому А. М. Диладжару [Dilacar 1970]. Он описал общую структуру грамматики, указал некоторые неточности в передаче тюркских слов. В тюркологии принято рассматривать грамматику Иеронима Мегизера в ряде трудов по турецкому (османскому) языку [Кононов 1976: 16]. Так, она упоминается в ключевом исследовании из области истории развития анатолийско-тюркского языка — работе М. Адамовича, посвященной изучению глагольной системы языка. М. Адамович отмечает в грамматике И. Мегизера наличие разных транскрипций и языковых особенностей, указывающих на то, что материал был взят из различных источников, два из которых достоверны: Georgievits и Vocabulario [Adamović 1985: 43—69]. Относительно Бартоломея Георгиевича имеется упоминание в самой грамматике [Megiser 1612: 32]. К тому же о нем пишет В. Хеффенинг, изучавший тексты Б. Георгиевича, хорвата по происхождению, вернувшегося из турецкого плена (1526 — ок. 1536 гг.). В. Хеффенинг также считал эти тексты одним из источников, использованных И. Мегизером [Heffening 1942].

Хрестоматийный материал рассматриваемой грамматики применялся в работах по сопоставительному изучению пословиц. Немецкий ученый Х. Штейн опубликовал результаты сравнительных исследований пословиц грамматики И. Мегизера с пословицами современного турецкого языка [Stein 1984]. Татарский фольклорист М. Махмудов использовал часть пословиц для выявления их схожести с пословицами татарского языка [Махмудов 2002: 175—178].

Перевод «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» (1612) на русский и татарский языки, выполненный казанскими учеными в 2012 г., сделал доступным труд Иеронима Мегизера для широкого круга специалистов-тюркологов [Мегизер 2012]. В процессе перевода грамматики и анализа ее материала рабочей группой был написан ряд статей. В них рассматривались личность автора, время создания и структура книги, краткая характеристика ее содержания, фонетические и морфологические особенности, проанализирован хрестоматийный материал [Nurieva et al. 2018a; 2018b; Нуриева и др. 2019].

Настоящая работа посвящена одному из аспектов исследования грамматики — лексикографии. Этот материал включен в четвертую книгу, озаглавленную «Dictionarium Latino-Turcicum et Turcico-Latinum» («Латинско-тюркский и Тюрко-латинский словари») [Megiser 1612: 228—338]. Цель нашей статьи — показать характерные особенности подачи И. Мегизером тюркского словарного материала, систематизировать и расположить его по тематическим группам, провести сравнительный анализ с лексикой современного турецкого языка. Это вполне правомерно, поскольку в основе словаря — записи на языке

тюрков, который был распространен в Анатолии (Малой Азии) на рубеже XVI—XVII вв., на что указывает сам автор в вводной части грамматики [Мегизер 2012: 15—20].

Иероним Мегизер (1550—1616), наряду с другими учеными, посвятившими свою деятельность сбору словарного материала разных языков, осуществил фиксацию этого лингвистического сокровища, важного для появления и дальнейшего развития сравнительного и сопоставительного языкознания. И. Мегизер получил хорошее гуманитарное образование: окончил классическое отделение университета в Тюбингене, изучал правоведение в Падуе. В течение всей своей жизни он продолжал изыскания в области филологии, был историком при дворе эрцгерцога Карла в Граце, путешествовал по разным странам (побывал в Италии, на Мальте, в Англии, в Голландии), занимался картографией, издательской и переводческой деятельностью, миссионерством. Являлся директором протестантской школы. Столь разносторонняя работа, разумеется, требовала широкого кругозора и активного отношения, стремления быть в курсе событий научной и общественной жизни. У И. Мегизера для этого имелись все условия — нескольких лет он занимал должность заведующего библиотекой в г. Линц в Австрии, помогала и его издательская деятельность.

Иероним Мегизер — видный ученый своего времени, авторитетный историк и филолог. В литературе он заявил себя как издатель исторических, географических, философских и поэтических произведений; ему мы обязаны первым немецким изданием путешествий Марко Поло, компиляций из рассказов путешественников о Сибири, первых карманных путеводителей, первой печатной тюркской грамматики [Алексеев 1968]. Он оставил свыше 36, в большинстве случаев изданных по нескольку раз, сочинений, которые в настоящее время принадлежат к числу библиотечных раритетов. Слава И. Мегизера была закреплена изданным впервые в 1592 г. (2-е изд. — 1603 г.) сравнительным словарем «Сокровищница всех языков, или Многоязычный словарь» объемом 759 страниц, включающим в себя все важнейшие наречия старого и нового света. В этом словаре к латинским словам приведены многочисленные соответствия на различных языках, насколько позволяли источники, находившиеся в распоряжении автора. Так, например, латинские слова с начальными буквами «A», «Ab» сопровождаются примерами из 31 языка, слово «*brevis*» — из 19, «*savea*» — из 13, «*solog*» — из 16 и т. д. [там же: 55—56].

Грамматика Иеронима Мегизера — одна из ранних попыток осмыслить материал языка иной системы с точки зрения европейского ученого и первой печатной работой, посвященной этой теме: «*Quam enim praeclara sit atque honorifica, magna; cum laude conjuncta, quam ad omnes vitae humanae partes conducibilis, quam deniq; pace et bello, domi et militia, omnino necessaria, cum aliarum linguarum, tum vero, praefertim hoc nostro seculo, etiam sermonis Turcici cognitio et intelligentia*» («Ведь как прекрасно и почетно, возвышенно и похвально, как для всех сторон человеческой жизни полезно, как, наконец, в мирное время и во время войны, дома и в военном походе — всюду необходимо как знание других иностранных языков, так, в особенности в этот наш век, знание и понимание тюркской речи») [Мегизер 2012: 15—16].

Из самого названия грамматики «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» ясно, что она состоит из четырех книг (*libri quatuor*). Общий объем труда — 340 страниц. В первой книге помещены введение, сведения о тюркской фонетике, дана общая характеристика арабо-тюркского алфавита. Вторая книга посвящена частям речи и грамматическим категориям тюркского языка, в нее включены элементы словообразования. Третья книга содержит иллюстративный материал в виде пословиц и глав из религиозных источников. Четвертая книга, как уже упоминалось выше, представляет собой латинско-тюркский и тюрко-латинский словарик. Последняя часть грамматики интересна как важный источник изучения лексикографии первой четверти XVII в. и как материал для исследования тюркской лексики периода написания труда. Конечно, не все данные собраны И. Мегизером от информантов, нередко они взяты из различных рукописных источников, собранных другими авторами в разное время, но фиксация этих слов — уже некий конкретный факт, на который можно опереться, делая выводы. Так, несмотря на разнообразие материала, его фонетическое оформление, можно обнаружить преобладающие тенденции, позволяющие отнести данную лексику к огузским языкам. Таковы, например, диагностические характеристики фонетического облика слов типа *ol* ‘быть’, *ben* ‘я’, *daş* ‘камень’ и др. В грамматической части [Мегизер 2012: 81—85] также все примеры, иллюстрирующие склонение, оформлены по огузскому типу склонения в обоих числах, ср. показатели дательного падежа *-a* или *-e*: *babalara* ‘отцам’, *suiia* ‘воде’, *sultane* ‘императору’, *odunlere* ‘бревнам’, *dumanlare* ‘туманам’ и др. Винительный падеж имеет единственный вариант окончания — *-i*: *oduni* ‘бревно’, *adi* ‘имя’ [там же: 82—89]. То же подтверждает и хрестоматийный материал грамматики: *Sakala giuler: juse giuler. Ius tassa bir bortschi udermes. Peltek peltegi ey anglar* / ‘Заика заику хорошо понимает’ [там же: 204—206]. Такие характерные огузские черты наблюдаются и в других частях речи: местоимениях, наречиях, глаголах.

Текст грамматики И. Мегизер писал на латинском языке, для транслитерации тюркского материала он также использовал латинскую графику. Анализ показывает, что, скорее всего, набор производился

разными людьми и в разное время. Так, например, часть лексем в словарях набрана с прописных букв, а часть — со строчных, причем это не связано с собственными и нарицательными именами. Некоторые слова имеют вариативное написание. Графические и фонетические особенности передачи звуков тюркского языка с помощью латинского алфавита рассмотрены нами подробно в отдельной статье [Нуриева и др. 2019].

Словарная часть грамматики начинается с латинско-тюркского словаря [Megiser 1612: 228—285]. Это может служить подтверждением того, что словарь писался для европейского читателя, причем для людей грамотных, получивших образование, хорошо знающих латинский язык. В Европе латинский был не только языком науки: он изучался в школах, использовался в богослужении, употреблялся и в обыденной жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что латинская часть словарного материала дается очень коротко: например, у существительных указан лишь номинатив, у прилагательных — форма мужского рода, у глаголов — только инфинитив. Это предполагает довольно хорошее знание читателем латинского языка и некоторое знакомство с лингвистической терминологией. В особые словарные статьи И. Мегизер иногда включает словоформы, в основном это касается личных местоимений, форм неправильного глагола *esse* 'быть' (рис. 1, 2).

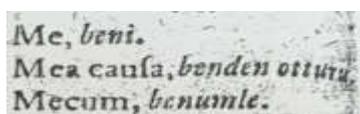

Рис. 1

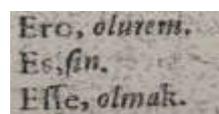

Рис. 2

А в тюрко-латинском словаре лексемы представлены не только в начальной форме. Словоформы указываются у ряда существительных, означающих родственные связи (рис. 3), у личных, указательных и притяжательных местоимений. У тюркских глаголов, кроме инфинитива, как правило, еще дается 1-е лицо настоящего времени (рис. 4), при некоторых наиболее употребительных глаголах — и другие формы (рис. 5, 6).

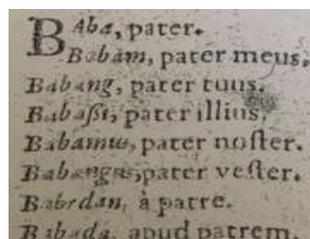

Рис. 3

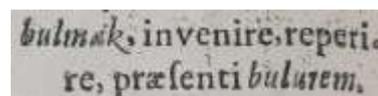

Рис. 4

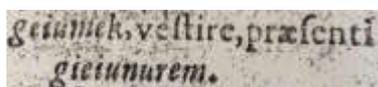

Рис. 5

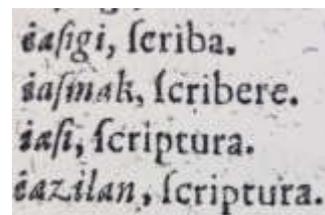

Рис. 6

Объем каждого словаря достаточно большой, если принять во внимание, что это словарь к учебнику, — в общей сложности 2500 слов [ibid.: 228—338]. Заметим, что словари значительно превышают количество слов, необходимых для чтения хрестоматийного материала грамматики. Складывается впечатление, что автор и не ставил своей целью создать словарь конкретно для данного учебника — он пытался воспользоваться возможностью запечатлеть в своем труде как можно более широкий круг тюркской лексики. Интересно, что далеко не все слова, использованные в третьей, хрестоматийной части, где расположен религиозный материал и более 200 пословиц, а также и в других книгах грамматики, отмечены в словаре.

Примечательно, что латинско-тюркский и тюрко-латинский словари нельзя рассматривать как абсолютно однозначные. Это повышает ценность каждого из них, нередко помогает уточнить значения слов. К примеру, в латинско-тюркской части зафиксированы слова, не указанные в тюрко-латинском словаре, на буквы «К», «L» и др. В тюрко-латинском словаре некоторое предпочтение отдается раздельной пода-

че каждого слова, в латинско-тюркском автор часто приводит ряд синонимов. Это позволяет в случае многозначности слов понять их значения. При работе над словарями синонимические ряды и примеры фонетической вариативности оказывают неоценимую помощь в получении представления о тюркской речи на рубеже XVI—XVII вв. По оценке известного тюрколога Д. М. Насилова, в своей книге автор отразил определенный этап установления языковой нормы [Нуриева и др. 2019: 9]. Иногда в качестве отдельных статей словаря встречаются целые устойчивые фразы, восклицания, разговорные модели, например *baschum itschun* ‘ради своей головы’ (293)¹, *tangri hakitschun* ‘ради справедливого Бога’ (267) и др.

Как уже говорилось, латинско-тюркский словарь предназначался для европейского читателя. В большинстве случаев при переводе латинских слов на тюркский язык автор старается дать все синонимы, фонетические и лексические варианты тюркских слов: например, *bilbil, bulbul* ‘соловей’ (257); *geykmak, jumak* ‘мыть’ (256); *biuk, quibir* ‘большой’ (257); *sabah, erken, dangla, danda, jarunsabach, tschinsabach* ‘утро’ (257). В тюрко-латинском словаре эти лексемы обычно приводятся отдельной статьей.

В качестве общей характеристики анализируемого издания можно отметить, что понятие словарной статьи здесь еще недостаточно разработано. Иногда при подаче слов нарушается алфавитный порядок, допускаются явные ошибки — не имеющие отношения к автору, скорее всего, это упущение наборщиков. Создается впечатление некой спешки при наборе — использование строчной и прописной не всегда мотивировано: например, в начале латинского-тюркского словаря на букву «А» на одних страницах мы видим все слова с заглавной буквы (229—231), а на других — со строчной (232—234). В отдельных статьях автор дает не только слова, но и словоформы. Это, впрочем, оправдано спецификой каждого из языков. Так, личные местоимения в латыни характеризует супплетивизм и этим объясняется подача каждой формы, а в тюркском языке притяжательность может быть выражена альтернативным способом и эти возможности указаны в словарях в статьях притяжательных местоимений. Таким образом, в некоторых статьях мы имеем не просто перевод формы, а краткое изложение теории, да еще снабженное ссылками на точное местоположение теории в грамматике.

При передаче ряда тюркских слов И. Мегизер непосредственно в словаре дает примечание, пояснение или даже грамматический комментарий, например: *Ieβilbas* ‘зеленая голова’ — «так турки называли татар» [Megiser 1612: 284]; *kezilbassi* ‘красная голова’ — «так турки называют персов» [ibid.: 274]. Иногда вместо названия города указывается калькированная передача значения: *geschis dage* ‘гора монахов’ (247).

Касательно частей речи материал словаря распределяется таким образом: существительные составляют около 60 % всех слов, глаголы — около 15 %, прилагательные — 8 %, наречия — 7 %, а остальное приходится на местоимения, предлоги, союзы, междометия. Тематика словаря весьма разнообразна и охватывает практически все сферы жизни.

Основная масса существительных — это наименования употребительных понятий, явлений, предметов, что характерно для многих словарей, дающихся в приложениях к учебникам иностранных языков.

При рассмотрении словарного материала были выделены особенно значимые тематические группы существительных. С точки зрения статистики распределение по этим группам следующее: наименований лица — 233 лексемы, из сферы анатомии, медицины — 102 лексемы, ботаники — 127 лексем, зоологии — 122 лексемы, географии — 91 лексема и др. Для иллюстрации остановимся на некоторых тематических группах, приводя параллели из современного турецкого языка, к которому наиболее близок язык грамматики И. Мегизера.

Географические наименования

Эта группа дает полезный и интересный материал для изучения исторической топонимики. В словари включены названия населенных пунктов, водных объектов, особенностей рельефа, политико-административных единиц, имеющих отношение к событиям времени написания книги или недавнего прошлого.

Названия стран. Из зафиксированных слов по этой тематике часть сохранилась в современном турецком языке: *Anatoli* ‘Азия’ (229) — совр. *Anadolu*²; *Arnaut* ‘Албания’ (230) — совр. *Arnavutluk*; *Bagdat* ‘Вавилон ассирийский’ (231) — совр. *Bağdat*; *Briquia* ‘Фригия’ (235) — совр. *Frigya*; *Curdiftan* ‘Халдея’ (238) — совр. *Kurdistan*; *Horaffon* ‘Месопотамия’ (251) — совр. *Horasan*; *Magiarfilaeti* ‘Венгрия’ (259) — совр. *Macaristan*; *Mifzir, Mitzir* ‘Египет’ (260) — совр. *Mısır*; *Rodof* ‘остров Родос’ (266) — совр. *Rodos*.

¹ Здесь и далее в скобках приводится номер страницы по изданию [Мегизер 2012].

² Последовательность подачи словарного материала: тюркское наименование, перевод с латинского на русский и современное турецкое название.

Часть названий стран изменилась кардинальным образом: *Azamia* ‘Ассирия’ (231) — совр. *Asurya*; *Carabogdania* ‘Молдавия’ (237) — совр. *Moldava*; *Dierbech* ‘Месопотамия’ (240) — совр. *Mezopotomya*; *Slobin filaethi, Dobra benedik* ‘Словения’ (241) — совр. *Slovenya*; *Frencifstan* ‘Италия’ (245) — совр. *İtalya*; *Nimce meleketi* ‘Германия’ (262) — совр. *Almanya*; *Petsch* ‘Вена’ (265) — совр. *Viyana*; *Petschfilaet* ‘Австрия’ (265) — совр. *Avusturya*; *Pharfik* ‘Персия’ (265) — совр. *İran*; *Rum* ‘Европа’ (266) — совр. *Avrupa*; *Rumvilaget* ‘Греция’ (266) — совр. *Yunanistan*; *Magrip* ‘запад’ (259) — совр. *Bati, garp*; *Mafchrik* ‘восток’ (259) — совр. *Doğu, şark*.

Из 21 зафиксированного названия страны не претерпели существенных изменений 9 (за исключением фонетических), а 12 получили новые наименования. Данные словаря ценны тем, что они предоставляют нам важный исторический материал по тюркским и европейским названиям стран и государств, использовавшимся в XVII в. Например, в словарях отражено тюркское наименование Молдавии как *Carabogdania*, которое связано с именем правителя Кара Богдан ‘Черный Богдан’. У И. Мегизера *Moldavia* ‘Молдавия’ дается в переводе, что и воспринято современным турецким языком.

Названия городов. Среди них сохранились в современном турецком языке: *Achelo* ‘Анхиал’ (227) — совр. *Ankhial*; *Acferay* ‘Белая крепость’ (227) — совр. *Aksaray*; *Acşheher* ‘Белый город’ (227) — совр. *Akşehir*; *Aldephe* ‘Алепо’ (229) — совр. *Halep*; *Sait* ‘Фебес, провинция Египта’ (267) — совр. *İstefe*; *Burfa* ‘Пруса’ (236) — совр. *Bursa*; *Conia* ‘Коний’ (238) — совр. *Konya*; *Cafe* ‘г. Кафа’ (236) — совр. *Kafa*; *Dimotu* ‘Димот’ (241) — совр. *Dimyat*; *Edrenos* ‘Адран’ (243) — совр. *Edrini*; *stamboli* ‘Константинополь’ (271) — совр. *İstanbul*; *Ifmed, İzmit* ‘Никомедия’ (255, 258) — совр. *İzmit*; *Ifmyr* ‘Смирна’ (255) — совр. *İzmir*; *Maniffa* ‘Магнесия’ (259) — совр. *Manisa*; *Melatige* ‘Мелитина’ (260) — совр. *Malatya*; *Nigeboli* ‘Никополь’ (262) — совр. *Niğbolu*; *Philibe* — ‘Филиппополь’ (265) — совр. *Filibe*; *Rim* ‘Рим’ (266) — совр. *Roma*; *Scham* ‘Дамаск’ (268) — совр. *Şam*. Часть названий городов претерпела фонетические изменения. Возможно, они явились результатом разновременной адаптации заимствований из различных источников: *Cetine* ‘Афины’ (237) — совр. *Atina*; *Chemes* ‘Хомс’ (237) — совр. *Humus*; *Duraz* ‘Диррахий’ (242) — совр. *Durres*; *Dangori* ‘г. Анкира, ныне Анкара’ (239) — совр. *Ankara*; *Arachlea* ‘Гераклеа’ (229) — совр. *Ereğli*. А в лексеме *Dangori* наблюдаем слитное написание латинского предлога *de* «из» (‘из Ангоры’), скорее всего, в результате ошибочного восприятия речи информанта.

Из 24 зафиксированных наименований все сохранили свое прежнее название с небольшими изменениями во внешнем облике.

Названия морей и рек. Названия морей в словарях И. Мегизера представлены небольшим количеством слов; они географически привязаны к территории современной Турции и в современном языке сохранились в неизменном виде: *Acdeniz* ‘Средиземное море’ (227) — совр. *Akdeniz*; *Caradeniz* ‘Черное море’ (237) — совр. *Karadeniz*; *Bogaz* ‘пролив Босфор’ (235) — совр. *Boğaz*.

Названия рек представляют тюркские наименования водных ресурсов на разных территориях: *Derkoz* ‘Борисфен’ (240) — совр. *Dinyeper*; *Aytoszu* ‘Галис’ (231) — совр. *Kızılırmak*; *Mariza* ‘Гебр’ (259) — совр. *Meriç Nehri*; *Pachicolan* ‘Ахелой’ (264) — совр. *Aheloy*.

Все названия морей до сих пор остались неизменными, наименования рек были заменены полностью.

В словарях зафиксированы следующие названия гор: *Cocaz* ‘Тавр’ (238) — совр. *Tavr dağları*; *Costegnaz* ‘Гем’ (238) — совр. *Koca Balkan Dağları*; *Keschisch / Geschir / Geschis dage* ‘Монашеская гора’ (247) — совр. *Keşiş Dağı, Esence Dağı*.

Материалы, касающиеся топонимики, имеют непреходящую ценность для исторического изучения данного раздела языкознания, поскольку фиксируют лексику определенного периода.

Наименования лиц

Это наиболее объемная часть словаря. Она представляет собой сложную систему. Материал можно подразделить на несколько лексико-семантических групп: термины родства и свойства; имена, обозначающие лицо по отношению к должности, профессии, занятию; наименование лиц по месту проживания, национальности [Сунгатуллина 2014]. Для более компактного изложения мы не всегда указываем номера страниц в приведенных словарных примерах.

Термины родства и свойства. В восходящей родословной линии встречаются следующие наименования, которые составляют активный лексический фонд современного турецкого языка: *baba* ‘отец’ — совр. *baba*; *ugebaba* ‘отчим’ — совр. *üvey baba*; *ana* ‘мать’ — совр. *anne*; *ugeana* ‘мачеха’ — совр. *üvey ana*; *biukanna* ‘бабушка’ — совр. *büyükanne*; *oglan* ‘сын’ — совр. *oğul*; *uge ogul* ‘пасынок’ — совр. *üvey oğul*;

ügekis ‘падчерица’ — совр. *üvey kız*; *kisoglan* ‘девочка’ — совр. *kız*; *babam kardasch* ‘двоюродный дядя (по отцу)’ — совр. *babamın kardeşi*; *anam ana* ‘бабушка по материнской линии’ — совр. *anneanne*; *amuga* ‘родственник, дядя’ — совр. *amca* ‘дядя по отцу’; *hisim kaum* ‘кровный родственник’ — совр. *hisim*, *kavim* ‘племя, род’; *kiskardasch* ‘сестра’ — совр. *kız kardeş*; *sagditsch* ‘двоюродный со стороны отца’ — совр. *sağdıç* ‘шафер’; *teise* ‘тетя’ — совр. *teyze*; *coga* ‘муж, супруг’ — совр. *koca*; *hatan*, *menkiuha* ‘жена’ — совр. *kadın*; *giuvei* ‘жених’ — совр. *güvey*; *gelin* ‘невеста’ — совр. *gelin*; *duladem* ‘вдовец’, *dulabret* ~ *dulavrat* ‘вдова’ — совр. *dul* ‘вдовец, вдова’. Из примеров видно, что эти термины (всего 21) сохраняются, но в некоторых отражена более архаическая фонетическая рефлексия: *g*, которое в современном турецком языке в ряде позиций переходит в *v*: *ugeana* — совр. *üvey ana*, *üvey anne*, *ugebaba* — совр. *üvey baba*, *ügeküs* — совр. *üvey kız* ‘падчерица’, *uge ogul* — совр. *üvey oğul* ‘пасынок’.

Зафиксированы наименования периодов жизни мужчины: *oglangik* ‘младенец’ — совр. *oğlancık*, затем *oglu*, *oglan* ‘мальчик’ — совр. *oğlan*, затем *gentsch* ‘юноша’ — совр. *genç*, *jigit* ‘юноша’ — совр. *yigit* ‘храбрец, парень’, после этого *er* ‘взрослый мужчина’ — совр. *er* ‘военный’, затем *kogla*, *koga* ‘старик’ — совр. *koca* ‘муж, супруг; старый пожилой’. Относительно периодов жизни женщины даны следующие термины: *kisoglan* ‘девочка’ — совр. *kız çocuk*, *kis* ‘девушка’ — совр. *kız*, *abret* ~ *affaret* ~ *avurat* ‘(араб. عورة) женщина’ — совр. *avrat*, *avret*, *cari* ‘пожилая женщина’.

Семантические изменения в терминах родства зафиксированы в лексемах *sagditsch* ‘двоюродный со стороны отца’ — совр. *sağdıç* ‘шафер’, *dede* ‘прадед’ — совр. *dede* ‘дед’, *hisim kaumlük akraba* — совр. *hisim akraba* ‘кровное родство’, *er* ‘взрослый мужчина’ — совр. *er* ‘военный’.

Указанные И. Мегизером термины родства приводятся довольно подробно и они, за исключением *atta babambabam* ‘дед’, активно используются до сих пор.

Названия профессий, должностей. Наиболее представительной в количественном отношении является группа слов, обозначающих профессию, должность, занятие. Отмечено более 180 наименований. Интересно, что значительная часть слов — это производные слова. Данным наименованиям И. Мегизер уделил особое внимание в грамматике. Рассматривая тему «Имена», он включил туда сведения о наиболее продуктивных словообразовательных типах: «Патронимические же имена и имена, образующие название соплеменников, образуются присоединением частиц *-li* либо *-ge*, как, например: *Stamboldili* или *Stamboldige* ‘константинополец’, *Petschli* ‘житель Вены’, *Ottomanli* ‘оттоманский’, *Edringli* ‘андрианополец’, *Turkige* ‘тюркский’, *Arabge* ‘арабский’, *Musurmange* ‘мусульманский’. Наименование деятеля или того, кто ремеслом каким-нибудь владеет, образуют добавлением частицы *-gi*, ее добавляют к наименованию той вещи, по отношению к которой проявляется способность или осуществляется деятельность лица, как, например, *etmek* ‘хлеб’ — *etmekgi* ‘пекарь’ — совр. *ekmekçi*, *khilitsch* ‘сабля’ — *khilitschgi* ‘мастер по изготовлению сабель’ — совр. *kılıç ustası*, *demir* ‘железо’ — *demirgi* ‘кузнец’ — совр. *demirci*, *paputsch* — *paputschgi* ‘сапожник’ — совр. *pabuççu*, *araba* — *arabagi* ‘возничий’ — совр. *arabacı*, *chiur* ‘мех’ — *chiurgi* ‘меховщик’ — совр. *kürkçü*, *gemi* ‘корабль’ — *gemigi* ‘моряк’ — совр. *gemici*, *hal* ‘ковер’ — *halgi* ‘(от перс. قالی *qāli*) ковровщик’ — совр. *halıcı*, *basargi* ‘(от перс. بازار) продавец’ — совр. *pazarıcı* и многочисленные другие» [Megiser 1612: 91–92]. Эти слова сохранились в современном турецком языке. Слова *perma* ‘лодка’ — *permagi* ‘моряк, лодочник’ — совр. *bahriyeli*, *denizci* [ibid.: 325] стали узкоспециализированными и сохранились лишь в терминологическом словаре морской лексики [Lütfi Gürçay 1943: 320].

Таким образом, автор правильно уловил наиболее продуктивные типы аффиксального (по терминологии И. Мегизера, «при помощи частиц») словообразования наименований лиц. Слова, образованные по этим моделям, широко представлены в словарной части. Нужно подчеркнуть, что автор не касается других способов словообразования, хотя зафиксированы и способы словосложения, например с помощью компонента *bass* — совр. *baş* ‘голова, начальник, руководитель, глава’. В тюрко-латинском словаре лексемы с этим компонентом даются отдельной статьей, отмечено 13 слов, среди них: *arabbagibass* ‘начальник возничих’, *bostangi bassa* ‘начальник садовников’, *bracerbassa* ‘начальник конюхов или погонщик ослов, начальник постоянного двора’ и др. Интересно, что данные слова не имеют точных когнатов в современном турецком языке, поскольку исчезли эти служебные обязанности, как, к примеру, должность *arabacı başı* ‘начальник извозчиков’.

Зафиксированные наименования лиц по сословному положению, официальной должности отражают реалии эпохи XVII в. К данной подгруппе относятся и слова *chan* ‘тюрко-монгольский титул, глава, государь, князь’, *beg* ‘господин, господь’ — совр. *bey*, *ustacier* ‘мастер’ — совр. *usta*, *ustak* ‘учитель’ и др. Отметим, что большинство из них сохранилось в современном турецком языке, в них также отражена более архаическая фонетическая рефлексия: *g*, которое в современном турецком языке в ряде позиций переходит в *y*, ср. *beg* — совр. *bey* ‘господин, господь’. В современном турецком языке *ustak* ‘учитель’ — соотв. *usta* ‘мастер, умелец’, ‘специалист, знаток своего дела’.

Многие слова из этой группы являются заимствованиями из арабского или персидского языка: *hankiar* ‘(из перс. هونکر) повелитель’ — совр. *hünkar, danısbik* ‘с перс. советник’ — совр. *danışman, emir* ‘из араб. أمير эмир, князь’ — совр. *emir, kadi* ‘из араб. قاضي судья’ — совр. *kadi, mufti* ‘(из араб. مفتي) муфтий’ — совр. *muftü, vezier* ‘из араб. وزير визирь’ — совр. *vezir* и др. Они дополнили лексический состав многих тюркских языков, в том числе и турецкого.

Значительное место отведено лексемам, обозначающим наименования лиц, занятых ведением хозяйства, обслуживанием. В данной лексике находит отражение род той деятельности, которой издавна занимался носитель этого языка: *ekingi* ‘земледелец’ — совр. *ekinci, oracgi* ‘жнец-косарь’ — совр. *oracçi, tschoban* ‘пастух’ — совр. *çoban, jasigi* ‘писарь’ — совр. *yazıcı* и др. В этой группе представлены ранообразные номинации. Заимствованная лексика из восточных языков зафиксирована в таких сферах жизнедеятельности, как торговля и наука: *basargi* ‘(из перс. بازار) торговец’ — совр. *pazarıcı, ekhim* ‘(из араб. حکم) врач’ — совр. *hekim, halaik* ‘(из араб. خلق) служанка’ — совр. *halayık, hogsia* ‘(из перс. خواجه) учитель’ — совр. *hoca, schagirt* ‘(из араб. شکرذ) ученик’ — совр. *şakird, nakas* ‘(из араб. نكاش) художник’ — совр. *nakkaş* и др. В большинстве случаев названия профессий являются архаизмами в современном турецком языке. Такое же замечание справедливо относительно лексики, обозначающей воинские титулы, например: *spahi* ‘всадник’ — совр. *sipahi, sangiat* ‘начальник конармии’ — совр. *sancak beyi, olach* ‘конный голец’ — совр. *ulak*.

Показательно, что термины наименований лиц, зафиксированные в словарях грамматики, до сих пор остаются активной лексикой в тюркских языках, в частности в турецком, а некоторая часть перешла в область архаизмов.

Наименования животного и растительного мира

В словарях богато представлена лексика, связанная с наименованиями объектов животного и растительного мира. Среди названий животного мира можно выделить слова, обозначающие диких и домашних животных.

Наименования диких животных: *aslan* ‘лев’ (290) — совр. *aslan; aslan dischi* — совр. *dişi aslan* ‘львица’ (290); *ay* ‘медведь’ (291) — совр. *ay; eja* ‘медведица, медведь’ (303) — совр. *ay; caplan* ‘тигр’ (296) — совр. *kaplan; chater* ‘самка мула’ (297) — совр. *katır; dilki* (301) ~ *tilki* ‘лиса’ (333) — совр. *tilki; füll* ‘слон’ (305) — совр. *fil; geijk* ‘олень’ (306) — совр. *geyik; geijk dischi* ‘олениха’ (306) — совр. *dişigeyik; jaban domus* ‘кабан’ (311) — совр. *yaban domuzu; kurt* ‘волк’ (318) — совр. *kurt; maimon* ‘обезьяна’ (319) — совр. *maymun; paru* ‘пантера, барс’ (324) — совр. *pars; sitschan* ‘мышь’ (331) — совр. *siçan; jarisse* ‘летучая мышь’ (312) — совр. *yarasa; surnaba* ‘жираф’ (331) — совр. *zürafa; tauschän* ‘заяц’ (332) — совр. *tavşan*. Обращает на себя внимание наличие синонимии (*maimon* ~ *schaidi* ‘обезьяна’) и фонетической вариативности (*dilki* ~ *tilki* ‘лиса’), которое, видимо, связано с нестатичностью языковой нормы, диалектными особенностями.

Некоторые названия животных, например *gugen* ‘куница’ (308), *schaidi* ‘обезьяна’ (328), *tschurlege* ‘буйвол’ (335), зафиксированные в словарях И. Мегизера, вышли из употребления.

Наименования домашних животных: *ath* ‘лошадь, конь’ (290) — совр. *at; begür* ‘кобыла’ (293) — совр. *beygir; busak* ‘теленоч’ (296) — совр. *buzacı; coin* ‘овца’ (298) — совр. *koyun; deve* ‘верблюд’ (301) — совр. *deve; domuz* ‘свинья’ (301) — совр. *domuz; essek* ‘осел’ (304) — совр. *eşek; giopek* ‘собака’ (307) — совр. *köpek; tasi* ‘гончая собака’ (332) — совр. *tazı; candiek* ‘собака’ (296) — совр. *kancık; inek* ‘корова’ (314) — совр. *inek; sigur* ~ *tseger* ‘корова’ (330, 335) — совр. *siğır; kusi* ‘ягненок, агнец’ (318) — совр. *kuzu; oglak* ‘козел’ (322) — совр. *oğlak; tossun* ‘бык’ (334) — совр. *tosun; vkuz* ‘бык’ (336) — совр. *öküz; kiopagik* ‘щеноч’ (317) — совр. *köpek yavrusu*.

Все 42 обозначения диких и домашних животных, отмеченные в словарях, сохранились в современном турецком языке. Наблюдается синонимия в наименовании животных, играющих важную роль в хозяйстве. Например, в ряду *inek* ~ *sigur* ~ *tseger* ‘корова’ слово *inek* является общеупотребительным, а *sigur* перешло в разряд историзмов [Türkçe sözlük II, 1988: 1295]. И. Мегизер род собак *giopek* ~ *tschupek* ~ *cangiek* ‘собака’ дает синонимическим рядом, вид гончей собаки — отдельным наименованием *tasi* ‘гончая собака’.

Названия птиц. В списке домашних птиц представлены: *gas* ‘гусь’ (306) — совр. *kaz; horos* ~ *oros* ‘петух’ (311, 324) — совр. *horoz; itlük* ‘каплун’ (314) — совр. *itlük; tauk* ‘курица’ (332) — совр. *tavuk; vrdeek* ‘утка’ (277) — совр. *ördek; pillitschler* ‘цыплята, птенцы’ (325) — совр. *piliçler*.

Зафиксировано свыше 37 наименований диких птиц. Весьма точные названия представителей животного и растительного мира, судя по ссылкам, были взяты И. Мегизером из книги знаменитого Конрада Гесснера [Gessner 1555].

Наименования диких птиц, имеющие соответствия в современном турецком языке: *agascakan* ‘дятел’ (287) — совр. *ağaçkakan*; *ala* ‘пестрая птица’ (288) — совр. *ala*; *baigus* ‘сова’ (292) — совр. *baykuş*; *balakzel* ‘цапля’ (292) — совр. *balıkçıl*; *buldurschni* ‘перепел’ (295) — совр. *bıldırçın*; *bulbul* ‘соловей’ (295) — совр. *bülbül*; *dudi* ‘попугай’ (302) — совр. *dudu*; *garatauk* ‘дрозд’ (306) — совр. *karatavuk*; *garga* ‘ворона’ (306) — совр. *karga*; *gunergfid*, *göverfchin* ‘голубь’ (308) — совр. *gövercin*; *kirlangitsch* ‘ласточка’ (317) — совр. *kırlangıç*; *kusgon* ‘ворон’ (318) — совр. *kuzgun*; *leglek*, *leilek* ‘аист’ (319) — совр. *leylek*; *sagsigan* ‘сорока’ (327) — совр. *saksağan*; *sakagusch* ‘щегол’ (327) — совр. *saka kuşu*; *schahin* ‘сокол’ (328) — совр. *şahin*; *sigersuk* ‘скворец’ (330) — совр. *sığircık*; *suglun* ‘фазан’ (331) — совр. *sülün*; *tausch* ‘павлин’ (332) — совр. *tavus*; *turna* ‘журавль’ (335) — совр. *turna*; *serge* ~ *serçe* ‘воробей’ (330) — совр. *serçe*.

Довольно часто в турецком языке используются совершенно иные названия для некоторых видов птиц: *agulgussim* ‘синица лесная’ (288) — совр. *ormanın baştankara*; *bahare* ‘чайка’ (292) — совр. *martı*; *belbek* ‘трясогузка желтая’ (293) — совр. *kuyrukkuyruğu sarıdır*; *gulguruk* ‘чибис’ (308) — совр. *chibis*; *jabantais* ‘куропатка’ (311) — совр. *keklik*; *sagarick* ‘дятел’ (327) — совр. *ağaçkakan*; *schabau* ‘утиный орел’ (328) — совр. *ördek kartalı*; *vtlugan* ‘воробей’ (337) — совр. *serçe*; *serce* ‘королек’ (330) — совр. *çalıkuşu*; *sumurek* ‘гриф, грифон’ (331) — совр. *akbaba*; *suveile* ‘пеликан’ (332) — совр. *pelikan*; *tschauka* ‘галка’ (334) — совр. *bir çeşit karga*, в диалектах турецкого языка сохранилось *çavga*³; *vfeik* ‘дрозд’ (336) — совр. *karatavuk*; *jabantais* ‘куропатка’ (338) — совр. *keklik* — совр. *kuş*; *zeluk* ‘птица’ (338) — совр. *kuş*.

Следует оговорить, что при рассмотрении данного материала не будут делаться выводы относительно распространения тех или иных биологических видов на определенной территории, т. к. это узкоспециальный материал и дается И. Мегизером из разных, чаще всего из научных источников, например из словаря К. Гесснера [Gessner 1555].

Названия рыб и земноводных. Приведенные в словарях наименования рыб и земноводных до сих пор сохраняются в турецком языке: *baluk* ‘рыба’ (292) — совр. *balık*; *dengis baluk* ‘морская рыба’ (300) — совр. *deniz balığı*; *alabaluk* ‘форель’ (288) — совр. *alabalık*; *chella baluk* ~ *ilam balugi* ‘угорь’ (297, 314) — совр. *yılan balığı*; *turnabaluk* ‘щука’ (335) — совр. *turnabalığı*; *engets* ‘рак’ (304) — совр. *yengeç*; *esterha* ‘змея, дракон’ (304) — совр. *ejderha*; *gilan* ‘змея’ (307) — совр. *yılan*; *kurbaga* ‘лягушка’ (318) — совр. *kurbağa*.

Название растений. В словарях И. Мегизера даны разные виды растений.

а) Растения, имеющие сельскохозяйственное значение: *arpa* ‘ячмень’ (290) — совр. *arpa*; *bakla* ‘бобы’ (292) — совр. *bakla*; *bogdai* ‘пшеница’ (295) — совр. *buğday*; *dari* ‘пшено’ (299) — совр. *darı*; *iulaff* ‘овес’ (316) — совр. *yulaf*; *kabag* ‘тыква’ (316) — совр. *kabak*; *lahana* ‘капуста’ (319) — совр. *lahana*; *mersinek* ‘чечевица’ (320) — совр. *mercimek*; *nohut* ‘бобы’ (322) — совр. *nohut*; *pirintsch* ‘рис’ (325) — совр. *pirinç*; *prassa* ‘порей’ (325) — совр. *pirasa*; *trup* ‘редька; редиска’ (334) — совр. *turp*; *rambuk* ‘хлопчатник’ (324) — совр. *ramuk*. Вполне понятно, что все эти наименования наиболее важных культур сохранились в турецком языке до сих пор. Отметим, что названия нескольких растений, распространенных на территории Турции, в современном турецком языке называются по-иному: *boguizi* ‘фасоль’ (295) — совр. *fasulye*; *cotame* ‘горох’ (298) — совр. *bezelye*; *gette* ‘огурец’ (307) — совр. *salatalık*, *hiyar*.

б) Лекарственные растения, наоборот, в большинстве своем в турецком были заменены либо на заимствования, либо на составные слова, ср.: *cebar* ‘алоэ’ (297) — совр. *aloe*; *chetme* ‘мальва’ (297) — совр. *ebegümeçi*; *dischoti* ‘шалфей’ (301) — совр. *adaçayı*; *japsigan* ‘крапива’ (312) — совр. *ısırgan*, даже *fasa* ‘растение’ заменяется на совр. *bitki* (305). Лишь несколько названий лекарственных растений сохраняются в современном турецком языке: *garanfil* ‘гвоздика’ (306) — совр. *karanfil*; *haschasch* ‘мак’ (310) — совр. *haşhaş*; *pellin* ‘полынь’ (325) — совр. *pelin*.

в) Названия пряностей, сохранившиеся в турецком языке: *hardal* ‘горчица’ (310) — совр. *hardal*; *kismisch* ‘кориандр’ (317) — совр. *kişniş*; *mandanos* ‘петрушка’ (319) — совр. *maydanoz*; *piber* ‘перец’ (325) — совр. *biber*; *resene* ‘фенхель’ (326) — совр. *rezene*; *saffran* ‘шафран’ (326) — совр. *safran*; *sarumsak* ‘чеснок’ (328) — совр. *sarımsak*; *sogan* ‘лук’ (331) — совр. *soğan*.

Названия, замененные другими наименованиями: *baigan* ‘миндаль’ (292) — совр. *badem*; *koziriban* ‘стручковый перец’ (318) — совр. *biber*; *püg* ‘мустак’ (325) — совр. *mustak*; *sathar* ‘тимьян’ (328) — совр. *kekik*.

³ [Derleme Sözlüğü], <https://isimler.ihya.org/cavga-isminin-anlami.html>

г) Названия деревьев, данные в словарях И. Мегизера, в основном сохранились: *cestene* ‘каштан’ (297) — совр. *kestane*; *sarub* ~ *serbi* ‘кипарис’ (327, 330) — совр. *servi* ~ *selvi*; *sassaf sogut* ‘ива, верба’ (328) — совр. *söğüt*. Лишь названия *defle* ‘олеандр’ (299) — совр. *zakkum* и *caba* ‘липа’ (296) — совр. *ihlamur* были заменены.

Заключение

Сопоставительный анализ лексики, зафиксированной в тюрко-латинской грамматике Иеронима Мегизера «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» 1612 г., с современным турецким языком позволил выявить некоторые особенности. Для анализа было отобрано несколько тематических групп, наиболее широко представленных в словарях грамматики: географические названия, термины родства и свойства, наименования лиц, названия объектов животного и растительного мира. Лексика была рассмотрена с точки зрения представления языкового материала в словарной части грамматики, а также с позиции сохранности лексических единиц, зафиксированных в словарях И. Мегизера, в словарях современного турецкого языка.

В оформлении тюркских слов средствами латинской графики И. Мегизер сумел выстроить вполне ясное представление о звуковом строе тюркского языка. Однако наблюдается вариативность в написании слов, которая являлась характерной чертой того времени, когда только начали складываться языковые нормы. В словарях представлены разные способы подачи материала: передача основного значения при помощи слова из другого языка, использование синонимии, подбор перевода, калькирование значения слова.

С точки зрения сохранности лексических единиц, отобранных для анализа, выявлены тематические группы слов, которые и сегодня употребляются без особых изменений или с некоторыми фонетическими вариантами. Это названия топонимов, относящихся к территории современной Турции, имена родства, профессий, наименования, принадлежащие к важным областям жизнедеятельности человека, проживающего на данной территории. Наибольшим изменениям в современном турецком языке по сравнению со словарями И. Мегизера подверглись топонимические наименования европейских стран, названия диких птиц, лекарственных растений, пряностей, не встречающихся на территории Турции.

Топонимика представлена во всем своем многообразии. Названия населенных пунктов, водных объектов, особенностей рельефа, политико-административных единиц имеют отношение к событиям времени написания книги или недавнего прошлого, а также к событиям, связанным с историей. Из 47 наименований объектов топонимики 37 совпадают с современными турецкими, сюда мы включаем и те названия, в которых отмечена некоторая фонетическая вариативность, ср.: *Anatoli* — совр. *Anadolu* ‘Анатолия, часть Азии’, *Miszir*, *Mitzir* — совр. *Misir* ‘Египет’ (260), *Briquia* — совр. *Frigya* ‘Фригия’ (235) и др. Из 20 объектов топонимики, отмеченных у И. Мегизера, большинство тюркских топонимических наименований в современном турецком заменено европейскими. Например, в словаре отражено тюркское наименование Германии как *Nimce meleketi*, которое является славянским заимствованием [Фасмер 1987: 62]. Судя по хорватскому происхождению слова (*нимце* «немцы»), можно предположить, что данная лексема была взята И. Мегизером из текста Б. Георгиевича.

Проведенный анализ показал, что подавляющая часть слов, обозначающих профессии и должности, является словами тюркского происхождения. Среди них представлены слова корневые (*beg*, *chan*, *tschoban* и др.), образованные аффиксальным способом (-*gi*: *etmekgi*, *demirgi* и др.), а также путем словосложения (*bostangi bassa*, *bracerbassa* и др.). В словарях имеются заимствования из арабского и персидского языков, особенно для наименований лиц по сословному положению (*hankiar*, *danisbik*, *emir* и др.) и в таких сферах, как торговля и наука (*ekhim*, *halaik*, *hizmeth khlar*, *hogsia*, *schagirt* и др.). Имена родства, профессий, названия, принадлежащие к важным областям жизнедеятельности человека, проживающего на данной территории, в основном сохранились.

Все обозначения диких и домашних животных, отмеченные в словарях, в современном турецком языке сохранились, некоторые стали архаизмами. В наименованиях животных, играющих важную роль в хозяйстве, наблюдается синонимия: *inek* ~ *sigur* ~ *tseger* ‘корова’.

Полностью сохранились названия домашних птиц, а из 38 наименований диких птиц больше 45% имеют в современном турецком языке другие названия.

Приведенные в словарях И. Мегизера названия рыб и земноводных сохранились в неизменном виде.

Процентное соотношение сохраненных и измененных наименований растений таково: растения, имеющие сельскохозяйственное значение, — 73 : 27, лекарственные растения — 47 : 53, пряные растения — 58 : 42, названия деревьев — 80 : 20.

Таким образом, словарь И. Мегизера (учитывая рассмотренные тематические группы) сохранил для современного исторического языкознания тюркские названия, которые были в употреблении в XVII в. Интересным является тот факт, что 75% слов находят свое применение в современном турецком языке в том же значении без изменений или относятся к историзмам, к диалектной лексике, а остальные 25% со временем были заменены другими наименованиями.

Литература

- Алексеев 1968 — М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л.: Наука, 1968.
- Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Гузев 1972 — В. Г. Гузев. Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв. // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1972. С. 69—93.
- Кононов 1976 — А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л.: Наука, 1976.
- Махмудов 2002 — Х. Махмудов. Слово, сказанное предками (Афоризмы в тюрко-татарских памятниках 8—17 вв.). Казань: Фикер, 2002. 256 с.
- Мегизер 2012 — И. Мегизер. Основы тюркского языка / Пер. и коммент. Ф. Ш. Нуриевой, М. М. Петровой, М. М. Сунгатуллиной. Казань: Магариф — Вақыт, 2012.
- Насилов 2012 — Д. М. Насилов. К публикации грамматики Иеронима Мегизера // И. Мегизер. Основы тюркского языка / Пер. и коммент. Ф. Ш. Нуриевой, М. М. Петровой, М. М. Сунгатуллиной. Казань: Магариф — Вақыт, 2012. С. 5—9.
- Нуриева и др. 2019 — Ф. Ш. Нуриева, М. М. Петрова, М. М. Сунгатуллина. Графические и фонетические особенности передачи тюркского материала в грамматике И. Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» (1612) // Российская тюркология. 2019, 1—2 (22—23). С. 52—67.
- Сунгатуллина 2014 — М. М. Сунгатуллина. Имя существительное в грамматике И. Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» («Основные правила тюркского языка») 1612 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014, 5 (35). Ч. 2. С. 198—201.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. III. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1987.
- Adamović 1985 — М. Adamović. Konjugations geschichte der türkischen Sprache. Leiden: Brill, 1985.
- Derleme Sözlüğü — Türkiye Türkçesi ağızları sözlüğü. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozluk.gov.tr/>
- Dilacar 1970 — А. Dilacar. 1612'de Avrupa'da yayımlanan ilk Türkçe grammerinin özellikleri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. 1970, 18. S. 197—210.
- Gessner 1555 — C. Gessner. Mithridates. De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt <...> observationes. Tiguri: Froschoverus, 1555. [2], 78 fol.
- Heffening 1942 — W. Heffening. Die türkischen Transkriptionstexte des Bartholomaeus Georgievits aus den Jahren 1544—1548: ein Beitrag zur historischen Grammatik des Osmanisch-Türkischen. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. 1942. Band 27, № 2).
- Lütfi Gürçay 1943 — Lütüfî Gürçay. Gemici dili. İstanbul: Deniz Matbaası, 1943.
- Megiser 1612 — H. Megiser. Institutionum linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig, 1612.
- Nurieva et al. 2018a — F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. General characteristics of the Grammar book by Hieronymus Megiser // Ural-Altaic Studies. 2018, 4 (31). P. 227—232.
- Nurieva et al. 2018b — F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. Translated grammar books of the Western Europe: the category of the verb in the Grammar book by Hieronym Megiser “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” (1612) // NORDSCI conference on social science, 17—19 July, 2018 meeting park forum Helsinki, Finland, conference proceedings. Book 1. Vol. 1. P. 353—358.
- Stein 1984 — H. Stein. Eine türkische Sprichsammlung des 17. Jahrhunderts”, Acta Orientalia Academiae Scientiarum. Hung. Tomus XXXVIII (1—2). Leipzig, 1984. S. 55—104.
- Türkçe-rusça sözlük 1977 — Türkçe-rusça sözlük. Moskova, 1977.
- Türkçe Sözlük 1988 — Türkçe Sözlük. Yeni Baskı. Cilt 2 (K—Z). Ankara: Türk Dil Kurumu, 1988.
- Türkiye Üreyen Kuş Atlası 2019 — Türkiye Üreyen Kuş Atlası. Doğal Hayatı Koruma Vakfı. İstanbul, Türkiye: Ocak, 2019.

References

- Adamović 1985 — M. Adamović. Konjugations geschichte der türkischen Sprache. Leiden: Brill, 1985.
- Alekseev 1968 — M. P. Alekseev. Slovarei inostrannyh yazykov v russkom azbukovnike XVII veka. Leningrad: Nauka, 1968. {M. P. Alekseev. Dictionaries of foreign languages in the Russian alphabet book of the XVII century. Leningrad: Nauka, 1968.}

- Derleme Sözlüğü — Türkiye Türkçesi ağızları sözlüğü. URL: <https://sozluk.gov.tr/>
- Dilacar 1970 — A. Dilacar. 1612'de Avrupa'da yayımlanan ilk Türkçe grammaresinin özellikleri. In: Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. 1970, 18. S. 197—210.
- Gessner 1555 — C. Gessner. Mithridates. De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt <...> observationes. Tiguri: Froschoverus, 1555. [2], 78 fol.
- Grunina 1991 — E. A. Grunina. Istoricheskaya grammatika tureckogo yazyka. Moskva: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1991. {E. A. Grunina. A historical grammar of the Turkish language. Moscow: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1991.}
- Guzev 1972 — V. G. Guzev. Kratkij obzor issledovanij po yazyku tyurkov Maloj Azii XIII—XVI vv. In: Tyurkologicheskij sbornik. Leningrad: Nauka, 1972. S. 69—93. {V. G. Guzev. A brief review of studies on the language of the Turks of Asia Minor of the XIII—XVI centuries. In: Turkological Collection. Leningrad: Nauka, 1972. P. 69—93.}
- Heffening 1942 — W. Heffening. Die türkischen Transkriptionstexte des Bartholomaeus Georgievits aus den Jahren 1544—1548: ein Beitrag zur historischen Grammatik des Osmanisch-Türkischen. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. 1942. Band 27, № 2).
- Kononov 1976 — A. N. Kononov. Oчерk istorii izucheniya tureckogo yazyka. Leningrad: Nauka, 1976. {A. N. Kononov. Sketch of the history of the study of the Turkish language. Leningrad: Nauka, 1976.}
- Lütfi Gürçay 1943 — Lütfi Gürçay. Gemici dili. İstanbul, Deniz Matbaası, 1943.
- Mahmudov 2002 — H. Mahmudov. Slovo, skazannoe predkami (Aforizmy v tyurko-tatarskih pamyatnikah 8—17 vv.). Kazan': Fiker, 2002. {H. Mahmudov. The Word Said by Ancestors (Aphorisms in Turkic-Tatar Monuments of the 8th—17th Centuries). Kazan: Fiker, 2002.}
- Megiser 1612 — H. Megiser. Institutionum linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig, 1612.
- Megizer 2012 — I. Megizer. Osnovy tyurkskogo yazyka / Per. i komment. F. Sh. Nurievoj, M. M. Petrovoj, M. M. Sungatullinoj. Kazan': Magarif — Vakit, 2012. {I. Megizer. Fundamentals of the Turkic Language. Translation and commentary by F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. Kazan: Magarif — Vakit, 2012.}
- Nasilov 2012 — D. M. Nasilov. K publikacii grammatiki Ieronima Megizera. In: I. Megizer. Osnovy tyurkskogo yazyka / Per. i komment. F. Sh. Nurievoj, M. M. Petrovoj, M. M. Sungatullinoj. Kazan': Magarif — Vakit, 2012. S. 5—9. {D. M. Nasilov. To the publication of the Grammar book by Hieronymus Megiser. In: I. Megiser. Fundamentals of the Turkic Language. Translation and commentary by F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. Kazan: Magarif — Vakit, 2012. P. 5—9.}
- Nurieva et al. 2018a — F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. Translated grammar books of the Western Europe: the category of the verb in the Grammar book by Hieronym Megiser “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” (1612). In: NORDSCI conference on social science, 17—19 July, 2018 meeting park forum Helsinki, Finland, conference proceedings. Book 1. Vol. 1. P. 353—358.
- Nurieva et al. 2018b — F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. General Characteristics of the Grammar book by H. Megiser. In: Ural-Altaic Studies. 2018, 4 (31). P. 227—232.
- Nurieva i dr. 2019 — F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. Graficheskie i foneticheskie osobennosti peredachi tyurkskogo materiala v grammatike I. Megizera “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” (1612). In: Rossijskaya tyurkologiya. 2019, 1—2 (22—23). S. 52—67. {F. Sh. Nurieva, M. M. Petrova, M. M. Sungatullina. Graphical and phonetic features of the transmission of Turkic material in the Grammar book by I. Megiser “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” (1612). In: Russian Turkology. 2019, 1—2 (22—23). P. 52—67.}
- Stein 1984 — H. Stein Eine türkische Sprichsammlung des 17. Jahrhunderts”. In: Acta Orientalia Academiae Scientiarum. Hung. Tomus XXXVIII (1—2). Leipzig, 1984. P. 55—104.
- Sungatullina 2014 — M. M. Sungatullina. Imya sushchestvitel'noe v grammatike I. Megizera “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” (“Osnovnye pravila tyurkskogo yazyka”) 1612 goda. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014, 5 (35). Ch. 2. S. 198—201. {M. M. Sungatullina. The noun in I. Megizer's Grammar book “Institutionum linguae Turcicae libri quatuor” (“Basic rules of the Turkic language”) 1612. In: Philological Sciences. Theory issues and practice. 2014, 5 (35). Part 2. P. 198—201.}
- Türkçe-rusça sözlük 1977 — Türkçe-rusça sözlük. Moskova, 1977.
- Türkçe Sözlük 1988 — Türkçe Sözlük. Yeni Baskı. Cilt 2 (K—Z). Ankara: Türk Dil Kurumu, 1988.
- Türkiye Üreyen Kuş Atlası 2019 — Türkiye Üreyen Kuş Atlası. Doğal Hayatı Koruma Vakfı. İstanbul, Türkiye, Ocak 2019.
- Fasmer 1987 — M. Fasmer. Etimologicheskij slovar' Russkogo yazyka: V 4 t. T. III. 2-e izd., stereotipnoe. Moskva: Progress, 1987. {M. Fasmer. Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. Vol. III. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Progress, 1987.}

Артикуляторные особенности барабинско-татарской фонемы /i_ɛ/ (по данным МРТ)

Рыжикова Татьяна Раисовна, Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск); tanya12@mail.ru

В статье впервые проводится изучение артикуляторных особенностей звука *и* в языке барабинских татар методами магнитно-резонансного томографирования. В ходе исследования установлено, что все реализации барабинского звука *и* можно свести к фонеме /i_ɛ/ — гласной переднерядной сильноотодвинутой назад первой основной ступени отстояния, напряженной, нелабиализованной, эйективной с рядом дополнительных артикуляторных характеристик. Зафиксированная для аллофонов данной фонемы эйективность констатируется у гласных кетского языка. По рядности и ступени отстояния фонема /i_ɛ/ языка барабинских татар лучше всего коррелирует с фонемами *и*, *ии* сагайского диалекта хакасского языка. Возможно, это объясняется переломом гласных, который встречается среди южносибирских тюркских языков, а именно в хакасском и кумандинском, и затрагивает мягкорядный вокализм.

Ключевые слова: язык барабинских татар, вокализм, эйективность, фарингализация, МРТ, экспериментально-фонетические исследования

ARTICULATORY PECULIARITIES OF THE BARABA-TATAR PHONEME /i_ɛ/ (ON MRI DATA)

Tatiana R. Ryzhikova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); tanya12@mail.ru

The paper considers the articulatory features of the Baraba-Tatar sound *i* studied by the magnetic resonance imaging. The MRI data were taken from four women — bearers of Barabian and then analyzed in LEPR IP SB RAS (Laboratory of Experimental-Phonetic Researches, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). The results showed that all realizations of *i* could be deduced to the phoneme /i_ɛ/ — front narrow tense ejective vowel. Ejectiveness of vowels is not typical of the Southern-Siberian Turkic languages but occurs in Ket.

By the height and backness (row) the Barabian phoneme /i_ɛ/ is close to the Sagay dialect of Khakas. The vowel shift, which is known to have taken place in Volga-Tatar and Bashkir, is also fixed in Khakas and Kumandy, and is supposed to occur in Baraba-Tatar. In the Siberian Turkic languages it affects only front vocalism.

Pharyngealization can be both a constitutive characteristic of a vocal system (e. g. in Tuvan, Tofa, Tuba) and additional one (in Baraba-Tatar). It is stated to add some specific acoustic effect of sound tenseness to pronunciation.

Vowel nasalization discovered in Barabian occurs in the Siberian Turkic languages sporadically and can be both motivated (as a result of progressive or regressive co-articulation with the nasal consonants) and non-motivated.

Some additional articulatory characteristics of the phoneme /i_ɛ/ prove it to be tense and witness the whole vocal system of Baraba-Tatar to be a unique cluster of both constitutive and differential features.

Keywords: the Baraba-Tatar language, vowel system, ejectiveness, pharyngealization, MRI, experimental-phonetic research

Введение

Язык барабинских татар (далее — ЯБТ) — язык коренного малочисленного тюркоязычного населения Новосибирской области. По данным ЮНЕСКО, он относится к группе языков, которые можно классифицировать как серьезно уязвимые (*severely endangered*) [Атлас языков]. Все языковые уровни барабинско-татарского достаточно плохо описаны. Поскольку ЯБТ является бесписьменным, фиксация, изучение и введение в научный оборот любых лингвистических материалов о нем обуславливают актуальность исследования. Ранее были описаны другие гласные фонемы барабинско-татарского, поэтому цель настоящей статьи — дать артикуляторную характеристику фонеме /i_ɛ/ по результатам магнитно-резонансного томографирования (МРТ).

В литературе имеется описание данной фонемы на основе аудио-визуального наблюдения.

Д. Г. Тумашева описывает звук *и* как нелабиализованный узкий гласный переднего ряда [Тумашева 1968: 25]. Изучение дистрибуции рассматриваемого звука вызывает определенные трудности в связи с перебоем гласных¹, встречающимся как среди языков волжско-уральского ареала, так и среди сибирских тюркских языков (например, в хакасском [Жыштымова 2001], кумандинском [Селютина 1998: 70]). И если в татарском и башкирском перелом затрагивает всю систему гласных, то в южносибирских тюркских языках он распространяется только на мягкий вокализм, т. е. на переднерядные, переднецентральные, центральнорядные звуки [Селютина 1998: 71].

Л. В. Дмитриева делит все барабинские гласные по трем критериям: 1) по ряду; 2) по степени расхождения рта; 3) по участию губ. Звук *и* квалифицируется как передний, узкий, негубной. Встречается как в корнях, так и в аффиксах без позиционных ограничений [Дмитриева 1981: 200—201].

В ходе экспериментально-фонетического исследования вокализма ЯБТ Х. Х. Салимов определил *и* как узкий гласный переднего ряда верхнего подъема, неогубленный. По качеству этот гласный близок к татарскому и узбекскому *и* [Салимов 1984: 18].

Изучение артикуляторных особенностей барабинско-татарского звука *и* соматическими методами (т. е. артикуляторными, в частности методом МРТ) проводится впервые. Более подробную информацию о методике экспериментально-фонетических исследований, принятой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН), можно найти в [Селютина и др. 2013].

Методика исследования

В ходе совместной исследовательской работы ЛЭФИ ИФЛ СО РАН и Института «Международный томографический центр» СО РАН (МТЦ СО РАН) удалось получить 30 саггитальных статических снимков звука *и* от четырех женщин разного возраста — носителей языка барабинских татар. К сожалению, у одного диктора оказались металлические импланты в полости рта, которые существенно повлияли на качество съемки, поэтому эти данные не приводятся в статье, а используются только для верификации артикуляции, полученной от других дикторов. От двух барабинцев было записано динамическое МРТ, но из-за неразработанности дескриптивного метода оно не было учтено в настоящей работе.

Томографирование выполнялось на установке Philips Achieva Nova Dual 1.5 T, катушка Head/Necksynergy SENSE (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands). Дикторы помещались в томограф в горизонтальном положении. Экспериментатор произносил целевое слово, а диктор после трехкратного произнесения для настройки артикуляции фиксировал положение артикуляторных органов в неподвижном состоянии на все время работы томографа для получения статического изображения. Подробное описание методики МРТ можно найти, например, в [Летягин и др. 2013].

Несмотря на замечания некоторых специалистов о том, что фонация получается искусственной и из-за долгого периода экспозиции может произойти ее искажение (см., например, [Tiede et al. 2000; Badin et al. 2002: 541—542; Engwall 2002: 28; Steiner et al. 2014: 415]), другие исследователи признают, что такое влияние незначительно [Engwall 2003: 6]. При должной коррекции экспериментальные томографические данные являются достоверным источником информации об особенностях артикуляторной настройки того или иного звука [Baer et al. 1987: 6; Beskow et al. 2003; Romano, Badin 2009: 330—331].

Обработка полученных материалов проводилась в лабораторных условиях в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН по методике В. М. Наделяева [1980], дополненной Н. С. Уртегешевым [2009]. Каждой реализации звука *и* были даны описательная характеристика и точная фонетическая транскрипция.

¹ *Перебой*, или *перелом*, гласных заключается в переходе широких древнетюркских гласных в узкие и в расширении узких до полушироких; при этом в южносибирских тюркских языках изменение подъема сопровождается изменением артикуляторной рядности [Селютина 2002].

Результаты исследования

Программа томографирования включала в себя девять словоформ со звуком *и* в инициальной и межконсонантной позициях в окружении согласных разного качества: *ит* ‘мясо’, *инд* ‘мама’, *бит* ‘лицо’, *биш* ‘пять’, *мич* ‘печь’, *йиль* ‘ветер’, *кит* ‘уйди!’, *кич* ‘вечер’, *киль* ‘иди сюда!’. В идеальных условиях было бы целесообразно произвести томографирование более широкого набора слов с целевым звуком в разных позициях, чтобы суметь оценить его позиционно-комбинаторные варианты. Однако в условиях лимитированного машинного времени, сложности транспортировки дикторов в исследовательский центр из отдаленных районов, времязатратности и высокой стоимости эксперимента программу МРТ приходится ограничивать простыми односложными примерами, удобными для произнесения дикторам. В этом случае рассматриваемый гласный всегда реализуется в сильной позиции², т. е. находится под ударением и нет его противопоставления другим гласным. Изучать слабые позиции звуков, их аллофонные сочетания, коартикуляцию позволяет динамическое МРТ. Выше отмечалось, что такие записи имеются в базе данных ЛЭФИ ИФЛ СО РАН, однако получить их достоверные расшифровки на этом этапе не представляется возможным из-за отсутствия разработанной и адаптированной методики описания.

На рис. 1—3 представлены нейтральные снимки дикторов — жителей Чановского района Новосибирской области НИХ (26 лет, д. Тармакуль), ЧГГ (25 лет, пос. Малый Тебис) и ГРШ (26 лет, дер. Белехта), которые получены при спокойном дыхании через нос. Язык занимает всю ротовую полость, увула опущена, позволяя воздуху проходить в носовую полость. Высота нёба у д. НИХ определяется как средневысотная, у д. ЧГГ — как очень низкая, у д. ГРШ — как низкая в соответствии со шкалой, предложенной В. М. Надеяевым для нормализации расчетов ступеней отстояния. Опираясь на экспериментальные исследования предшественников, в частности Л. В. Щербы, В. М. Надеяев выделил шесть ступеней (степеней) отстояния гласных для каждого из артикуляторных рядов [Надеяев 1980: 29—33]. В наших исследованиях мы используем именно эту градацию для описания артикуляторной настройки гласного. На рис. 4 представлены основные типы гласных по рядам и степеням подъема. Более подробную информацию по артикуляторной классификации гласных можно найти, например, в [Селютина и др. 2012: 23—38].

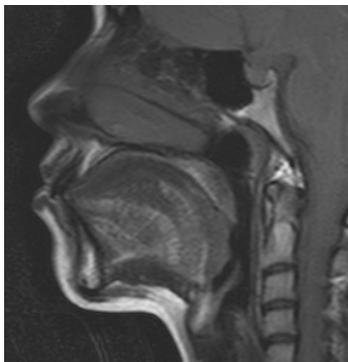

Рис. 1. Нейтральный снимок, д. НИХ Рис. 2. Нейтральный снимок, д. ЧГГ Рис. 3. Нейтральный снимок, д. ГРШ

В таблице 1 представлены артикуляторные характеристики барабинско-татарского звука *и* по данным, полученным от д. НИХ. По результатам анализа МРТ можно констатировать следующее: настройки гласной *и* у д. НИХ достаточно единообразны — звук артикулируется межзубно-заднеязычной частью спинки языка, направленной к середине и второй половине твердого нёба. В отличие от других дикторов, у д. НИХ на передней части спинки фиксируется существенный поперечный прогиб. На всех снимках надгортанник далеко отстоит от корня языка, иногда отклоняясь практически под прямым углом, что свидетельствует об эпиглотталлизированности настройки. В семи словоформах из девяти констатируется назализованность артикуляции. Чем объясняется данный феномен, сказать трудно: либо это позиционная назализация (две неназализованные настройки оказались перед переднеязычным смычным *т*, хотя в словоформе *кит* ‘уйди!’ артикуляция назализованная), либо это обусловлено ослаблением артикуляции в процессе экспозиции, либо это индивидуальные характеристики произношения д. НИХ (см. [Рыжикова 2019: 168] — артикуляторные особенности д. 2). Вопрос мотивированной и немотивированной назали-

² *Сильная позиция* — это позиция максимального различения фонем. В русском языке позиция согласного в начале слова перед гласным или внутри слова между гласными является сильной и в ней реализуется «основной вид» фонемы [Зиндер 1979: 60]. Для гласных сильная позиция — это позиция под ударением.

Ряды Ступени	переднерядные индекс-7		смешаннорядные индекс-59				центральнорядные индекс-89		центральнорядные индекс-9		заднерядные индекс-90	
1	i	y	Ы	Ѹ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	
2	ɪ	ʏ	Ь	Ѹ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	
3	e	ø	Э	Ѹ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	
4	ɛ	æ	з	Ѹ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	
5	æ	æ		Ѹ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	
6	a	ɑ		Ѹ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	ӱ	

Рис. 4. Основные типы гласных по В. М. Наделяеву

зации будет подробнее рассмотрен далее. Интересной особенностью данного диктора является существенное поднятие гортани к корню языка, за счет чего уменьшается объем ротово-глоточного резонатора — такую настройку можно охарактеризовать как эйективную.

При изучении вокализма кетского языка Б. Б. Феер выделил две дополнительные артикуляторные настройки гласных: эйективную (с поднятой гортанью) и инъективную (с опущенной гортанью). Если типовые настройки³ кетских гласных занимают как бы нейтральное положение, то эйективность сужает и выдвигает их вперед, создавая эффект высокого резонирования, инъективность же, наоборот, расширяет и отодвигает их назад, сопровождаясь низким резонированием. Схематически такие продвижения можно представить следующим образом: $\hat{i} \leftarrow i \rightarrow i$ и т. д. [Феер 1998: 109].

Расстояние между губами у д. НИХ во всех примерах больше, чем между зубами, что позволяет трактовать артикуляцию как неогубленную. Однако при произнесении звука *u* в ряде случаев отмечается такое явление, как дентализация. В. М. Наделяев, рассматривая огубление гласных, подчеркивал, что при образовании сужения резонатора между губами за настройкой закреплен термин *лабиализация* (огубление). Тем не менее в случае, когда расстояние между губами больше, чем между зубами, используется не вполне удачный отрицательный термин *нелабиализованный* (неогубленный). Если сужение происходит между зубами, то для описания этого явления можно предложить термин *дентализация* (соответственно, гласный — *дентализованный*) [Наделяев 1980: 33—34]. В нашей работе под *дентализованностью* мы понимаем сильное сужение между зубами с образованием дополнительного фокуса для выхода воздуха.

В целом по результатам анализа томограмм звук *u* у д. НИХ можно определить как гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной (факультативно слабоприоткрытой) ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, факультативно назализованный. Все реализации звука *u* можно свести к фонеме /i_ɛ/ с аллофонами: [i_ɛ], [i_ɛ], [i_ɛɾ].

В таблице 2 приводится описание артикуляторных особенностей барабинско-татарского звука *u* у д. ЧГГ. В отличие от д. НИХ, у данного диктора наблюдается незначительный разброс в степени отстояния языка от твердого нёба: от первой основной до второй основной ступени. На передней части спинки прогиб либо отсутствует, либо очень незначительный. Надгортанник, так же как у д. НИХ, далеко отстоит от корня, иногда сближаясь с задней стенкой фаринкса (настройка эпиглоттализированная). На всех томограммах мягкое нёбо плотно прижато к задней стенке фаринкса, увула напряжена и расположена в ротово-глоточном резонаторе. Этот феномен говорит о напряженности артикуляции, которую можно квали-

³ Под *типовыми настройками гласных* Б. Б. Феер понимает идеализированные гласные, которые служат вокалической базой для фарингализованных гласных. Они нейтральны к фарингализации, напряженности // ненапряженности, закрытости // открытости, продвинутости вперед // отодвинутости назад и к эффекту высокого и низкого резонирования [Феер 1998: 109].

Таблица 1. Артикуляторные характеристики барабинско-татарского звука *и* (д. НИХ)

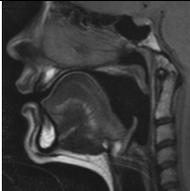
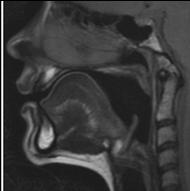
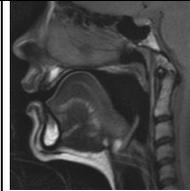
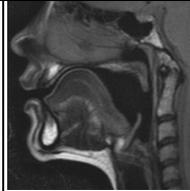
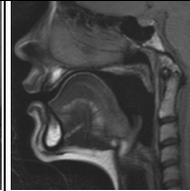
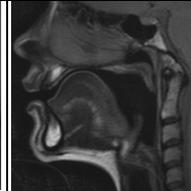
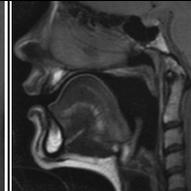
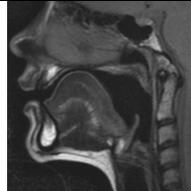
Томограмма									
Слово-форма	<i>Ит</i> 'мясо'	<i>Инә</i> 'мама'	<i>Бит</i> 'лицо'	<i>Биш</i> 'пять'	<i>Мич</i> 'печь'	<i>Йиль</i> 'ветер'	<i>Кит</i> 'уйди!'	<i>Кич</i> 'вечер'	<i>Киль</i> 'иди сюда!'
Определение	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, дентализованный	Звук гласный, переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, назализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, дентализованный	Звук гласный, переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, назализованный, дентализованный	Звук гласный, переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, назализованный, дентализованный	Звук гласный, переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, назализованный, дентализованный	Звук гласный, переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, назализованный	Звук гласный, переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, назализованный	Звук гласный, переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглотализованный, нелабиализованный, назализованный
Точная фонетическая транскрипция	$i_{\text{F}}^{1/3}ed^{1/4}/\underline{78}^{1/2}/1$	$\tilde{i}_{\text{F}}^{2/5}ed^{1/10}/\underline{78}^{1/3}/1$	$i_{\text{F}}^{1/3}ed^{1/5}/\underline{78}^{1/2}/1$	$\tilde{i}_{\text{F}}^{2/5}ed^{1/8}/\underline{78}^{1/2}/1$	$\tilde{i}_{\text{F}}^{1/4}ed^{1/8}/\underline{78}^{1/2}/1$	$\tilde{i}_{\text{F}}^{1/5}ed^{1/6}/\underline{78}^{2/5}/1$	$\tilde{i}_{\text{F}}^{1/3}ed^{1/10}/\underline{78}^{1/2}/1$	$\tilde{i}_{\text{F}}^{2/5}ed^{1/11}/\underline{78}^{1/2}/1$	$\tilde{i}_{\text{F}}^{1/3}ed^{1/4}/\underline{78}^{1/2}/1$

Таблица 2. Артикуляторные характеристики барабинско-татарского звука *и* (д. ЧГГ)

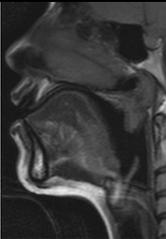
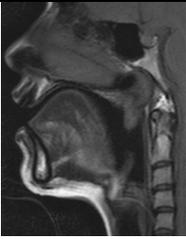
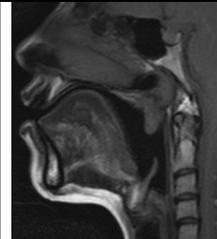
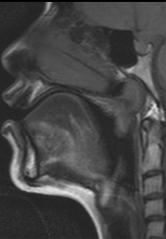
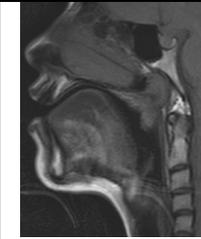
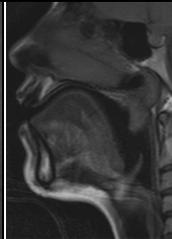
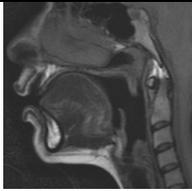
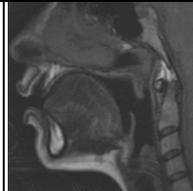
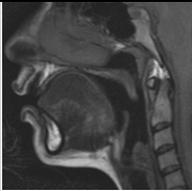
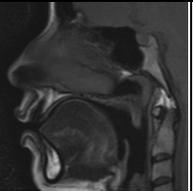
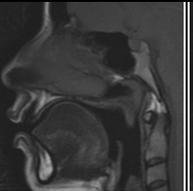
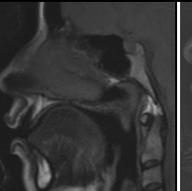
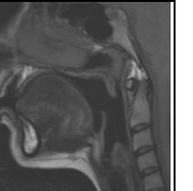
Томограмма									
Слово-форма	<i>Ит</i> 'мясо'	<i>Инә</i> 'мама'	<i>Бит</i> 'лицо'	<i>Биш</i> 'пять'	<i>Мич</i> 'печь'	<i>Йиль</i> 'ветер'	<i>Кит</i> 'уйди!'	<i>Кич</i> 'вечер'	<i>Киль</i> 'иди сюда!'
Определение	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, дентализованный, увуларизованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад второй сильнопризкрытой ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад второй основной ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный, дентализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад второй сильнопризкрытой ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад второй сильнопризкрытой ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный, дентализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой призкрытой ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад второй основной ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный
Точная фонетическая транскрипция	$i_{\text{F}}^3 /_{7} \text{cd} /_{78}^1 /_{3} /_{1}$	$i_{\text{F}}^2 /_{5} \text{cd} /_{(78}^1 /_{10}^1) /_{3} /_{1}$	$i_{\text{F}}^1 /_{6} \text{cd}^1 /_{10} /_{(78}^1 /_{6}^1) /_{3} /_{2}$	$i_{\text{F}}^1 (\text{bc}^1 /_{2})^1 /_{4} /_{10} /_{78}^1 /_{10} /_{2}$	$i_{\text{F}}^1 /_{3} \text{cd}^1 /_{10} /_{78}^1 /_{2} /_{2}$	$i_{\text{F}}^1 /_{3} \text{cd} /_{78}^2 /_{3} /_{2}$	$i_{\text{F}}^1 /_{10} \text{cd}^1 /_{10} /_{(78}^1 /_{4}^1) /_{5} /_{1}$	$i_{\text{F}}^2 /_{5} \text{cd} /_{(78}^1 /_{5}^1) /_{4} /_{1}$	$i_{\text{F}}^2 /_{5} \text{cd} /_{78}^1 /_{4} /_{2}$

Таблица 3. Артикуляторные характеристики барабинско-татарского звука *и* (д. ГРШ)

Томограмма									
Слово-форма	<i>Ит</i> 'мясо'	<i>Инә</i> 'мама'	<i>Бит</i> 'лицо'	<i>Биш</i> 'пять'	<i>Мич</i> 'печь'	<i>Йиль</i> 'ветер'	<i>Кит</i> 'уйди!'	<i>Кич</i> 'вечер'	<i>Киль</i> 'иди сюда!'
Определение	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, слабофарингализованный, нелабиализованный, дентализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад второй сильнопризакрытой ступени отстояния, слабофарингализованный, нелабиализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, нелабиализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, слабофарингализованный, нелабиализованный, дентализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, слабофарингализованный, нелабиализованный, назализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, нелабиализованный, дентализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, нелабиализованный, дентализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, слабофарингализованный, нелабиализованный	Звук гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния, слабофарингализованный, нелабиализованный
Точная фонетическая транскрипция	$i_{\text{Ф}}^{-1/4} e d^{1/10} / \overline{78}^{1/4} / 1$	$i_{\text{Ф}}^{-1/6} e d^{2/5} / 1 / 10 \overline{78}^{1/4} / 2$	$i_{\text{Ф}}^{1/8} e d^{1/10} / (\overline{78}^{1/6})^{1/3} / 1$	$i_{\text{Ф}}^{-2/5} e d / \overline{78}^{1/3} / 1$	$\tilde{i}_{\text{Ф}}^{-1/5} e d^{1/10} / \overline{78}^{2/7} / 1$	$i_{\text{Ф}}^{1/2} e d^{1/8} / \overline{78}^{1/2} / 1$	$i_{\text{Ф}}^{1/2} e d / \overline{78}^{1/3} / 1$	$i_{\text{Ф}}^{-1/3} e d / \overline{78}^{1/6} / 1$	$i_{\text{Ф}}^{-1/4} / (\overline{78}^{1/6})^{1/6} / 1$

фицировать как увуларизованную. Расстояние между губами во всех случаях больше, чем между зубами, что позволяет интерпретировать настройку как нелабиализованную. В ряде случаев отмечается ден-таллизация настройки.

Как и у предыдущего диктора, у д. ЧГГ ларинкс достаточно высоко поднят относительно нейтрального положения, что свидетельствует об эйективности звука *и*.

По результатам анализа томограмм д. ЧГГ рассматриваемый звук может быть описан как гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной (факультативно первой приоткрытой или второй основной или приоткрытой) ступени отстояния, эйективный, эпиглоттализированный, нелабиализованный, увуларизованный, факультативно ден-таллизированный. Все реализации звука *и* можно свести к фонеме /i_ɛ/ с аллофонами: [i_ɛ], [i_ɛɹ], [i_ɛ], [i_ɛɹ].

Таблица 3 содержит полное описание артикуляторных особенностей звука *и* у д. ГРШ. Настройка звука в целом достаточно единообразна: тело языка поднято к середине и второй половине твердого нёба, звук артикулируется главным образом межзубной частью спинки языка — все настройки, за исключением одной, являются первой основной ступени отстояния, т. е. очень узкими. Так же как и у д. ЧГГ, на передней части спинки практически отсутствует поперечный прогиб. Надгортанник хотя и отстоит от корня языка, но расположен достаточно близко к нему, а кончик эпиглоттиса направлен к корню, что не позволяет квалифицировать настройку как эпиглоттализированную. Все реализации — ненализированные (мягкое нёбо плотно смыкается с задней стенкой фаринкса), за исключением артикуляции при произнесении слова *мич* ‘печь’. В данном случае назализацию можно объяснить позиционно-комбинаторными условиями: гласному звуку *и* предшествует носовой согласный *м*. Увула хотя и напряжена, но направлена не к корню языка, а провисает в глоточном резонаторе (настройка неувуларизованная). Четыре артикуляции из девяти оказались ден-таллизированными: межзубное расстояние очень маленькое и образуется дополнительная преграда для прохождения воздуха.

Индивидуальной особенностью данного диктора является то, что у шести реализаций звука *и* корень языка выгибается по направлению к задней стенке фаринкса (у трех других он имеет округлую форму, что также отличает его от ранее описанных настроек дд. НИХ и ЧГГ). Форма языка напоминает тувинскую при продуцировании фарингализованных гласных (см. [Дамбыра 2005: 112]), однако оттяжка корня не настолько сильна, чтобы квалифицировать настройку как фарингализованную.

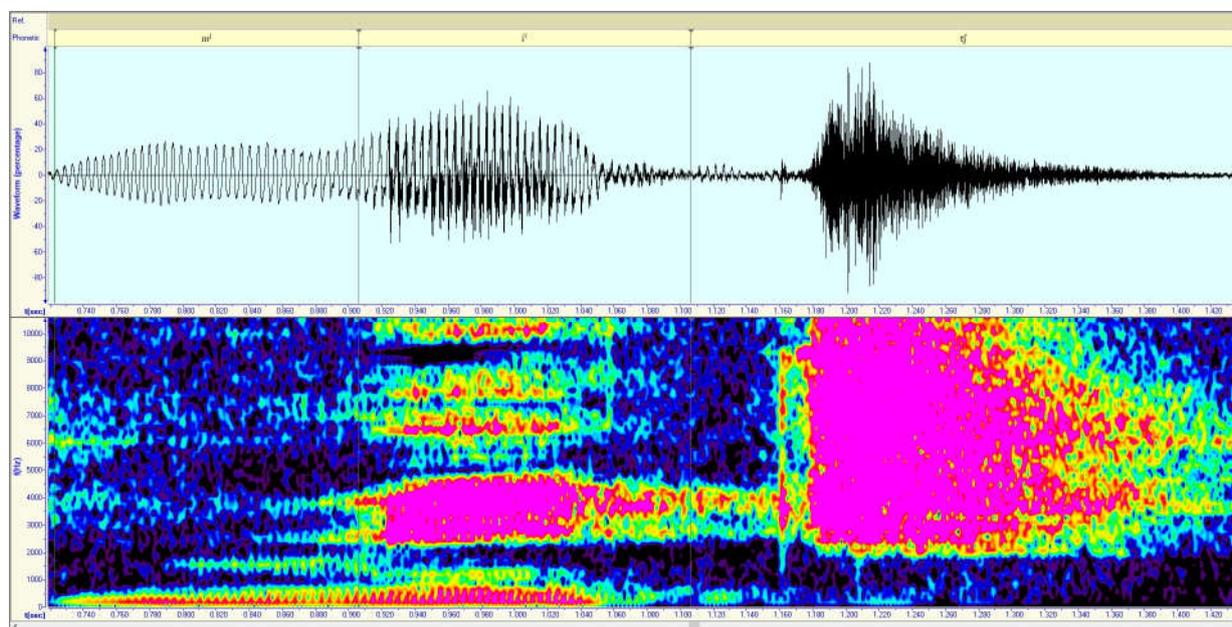

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма звука *и* в словоформе *мич* ‘печь’ (д. ГРШ)

Тем не менее акустические данные (см. рис. 5), а именно сильное зашумление на первой части осциллограммы гласного, за которым следует сжатый ларингализованный отрезок, и отдельные пики на спектрограмме свидетельствуют о наличии фарингализации⁴ у рассматриваемого звука. Это общая за-

⁴ С артикуляторной точки зрения под *фарингализацией* понимается особая настройка звука, при которой корень языка оттягивается к задней стенке фаринкса, а та, в свою очередь, выгибается по направлению к корню языка, в результате чего происходит сужение фарингального отдела глоточного резонатора и звук воспринимается как

кономерность не только для барабинско-татарских гласных, но и для других языков (по личным наблюдениям автора), в которых напряженность является релевантным признаком звуковой системы. Таким образом, по совокупности факторов мы можем квалифицировать настройку звука *u* у д. ГРШ как слабофарингализованную.

В целом звук *u* у д. ГРШ может быть охарактеризован как гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной (факультативно второй сильнопризакрытой) ступени отстояния, слабофарингализованный, нелабиализованный, факультативно назализованный. Все реализации звука *u* можно свести к фонеме /i_ɸ/ с аллофонами: [i_ɸ], [i_ɸ˘], [i_ɸ˘̃], [i_ɸ˘̃̃].

У д. УРР настройки звука *u* однотипные. Форма языка напоминает уклад дд. НИХ и ЧГГ. Мягкое нёбо везде плотно прижато, однако увуларизации не наблюдается, хотя увула напряжена. Интересной особенностью является позиция надгортанника: он далеко отстоит от корня и расположен параллельно ему. За счет этого достаточно большой объем глоточного резонатора как бы делится на две неравные части, что создает акустический эффект зашумления. Как и у первых двух дикторов, гортань очень высоко поднята к корню языка, что говорит об эйективности артикуляции.

Таким образом, звук *u* у д. УРР можно определить как гласный переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной ступени отстояния эйективный нелабиализованный неназализованный неувуларизованный. Точная фонетическая транскрипция: [i_ɸ].

По результатам анализа томограмм звук *u* у четырех дикторов может быть охарактеризован как переднерядный сильноотодвинутый назад первой основной (факультативно первой (слабо)приоткрытой или второй основной или (сильно)призакрытой) ступени отстояния. Подобная настройка свидетельствует об узкой реализации звука *u* в ЯБТ.

Поскольку все гласные делятся на огубленные и неогубленные (данная характеристика является конститутивно-дифференциальной в подклассе гласных звуков), барабинско-татарский *u* — неогубленный.

В ряде случаев рассматриваемый звук реализуется в назализованных вариантах. Назализация определяется как приобретение звуком носового тембра вследствие опускания нёбной занавески и одновременного выхода голоса через рот и нос [Ахманова 1966: 247]. По результатам экспериментально-фонетического изучения артикуляторно-акустических баз южно-сибирских тюркских языков установлено, что в них назализация может быть мотивированной и немотивированной. Мотивированная назализация обусловлена историческими (главным образом это касается согласных) и позиционно-комбинаторными факторами [Селютина и др. 2012: 304]. В последнем случае речь идет о *коартикуляции* (когда положение или состояние некоторого речевого органа при реализации данного звукового жеста задается не им, а соседними звуками, не затрагивая центральных, опорных параметров этого звука. Коартикуляцию часто описывают как наложение дополнительного, «чужого» движения на целевую артикуляцию [Князев, Пожарицкая 2001: 55]). При назализации гласных коартикуляция возникает за счет запаздывающего или предвосхищающего движения нёбной занавески, необходимого для произнесения соседнего носового согласного. При прогрессивной коартикуляции нёбная занавеска возвращается в закрытое положение не сразу в силу инертности артикуляторов, и на экскурсии последующего гласного звука носовой проход все еще остается открытым. Если носовой согласный следует за гласным, то нёбная занавеска начинает подниматься на гласном еще до начала ротовой артикуляции носового согласного, предвосхищая ее. Назализация считается одним из наиболее свободно возникающих коартикуляционных типов, особенно если в языке отсутствует фонологический признак назализации гласных [Кодзасов, Кривнова 2001; Солонина 2017: 39]. Если рассматривать возникновение назализации в барабинско-татарском с позиции коартикуляции, то в случае со звуком *u* для анализа подходят только два примера: *инә* ‘мама’ (регрессивная коартикуляция) и *мич* ‘печь’ (прогрессивная коартикуляция). В слове *инә* ‘мама’ назализованный гласный зафиксирован лишь у д. НИХ, что, возможно, вызвано инициальной позицией гласного. В словоформе *мич* ‘печь’ звук *u* оказался назализованным у двух дикторов: НИХ и ГРШ, —

напряженный (см., например, [Селютина и др. 2014] и многие другие работы по данной проблематике). Соотнесение артикуляторных и акустических характеристик звука представляет собой одну из основных задач экспериментальной фонетики, поскольку один и тот же акустический эффект может быть достигнут разными артикуляторными средствами. Установлено, что фарингализация и ларингализация не влияют на ряд и подъем гласного, а изменение тона обусловлено работой ларинкса (его смещением вверх или вниз, т. е. эйективностью/инъективностью) [Уртегешев 2021]. Так называемые «фарингализованные» гласные могут характеризоваться ровным, восходяще-нисходящим или нисходяще-восходящим изменением движения основного тона [Уртегешев 2019]. Целью данной статьи не является описание фарингализации звуков как особого фонетического феномена и не предполагается выявить артикуляторно-акустическую корреляцию работы корня языка, стенок глотки и гортани, поскольку это тема отдельного большого исследования.

причем у последнего это единственный назализованный вариант данной фонемы — в этом случае назализацию можно рассматривать как позиционно-комбинаторную. У д. НИХ практически все реализации звука *и* — назализованные (за исключением *ит* ‘мясо’ и *бит* ‘лицо’). Тогда речь может идти как о позиционно-комбинаторной, так и о немотивированной назализации, которая вызвана индивидуальными особенностями диктора (‘гнусавостью’). Кроме того, в ходе экспериментальной работы было установлено, что в процессе удерживания артикуляторной настройки в течение продолжительного времени (получение одной томограммы может занять несколько секунд) у дикторов отмечается ослабление мускульного напряжения и, как следствие, нёбная занавеска опускается, что обуславливает эффект назализации на томограммах. У дд. ЧГГ и УРР назализация не зафиксирована. Материалы по другим звукам (см., например, [Рыжикова 2019: 165; Рыжикова и др. 2019: 131—133]) подтверждают общую тенденцию д. НИХ к назализации гласных, что, скорее всего, вызвано индивидуальными особенностями диктора. Возможно, затянутая экспозиция вообще исключает коартикуляционное влияние соседних согласных на гласный.

Характерной особенностью барабинского звука *и* является дентализация настройки, которая свидетельствует об образовании второго фокуса. Эпиглоттализованность и увуларизованность реализаций — еще одно доказательство напряженности, поскольку без сильного мускульного напряжения всего артикуляторного аппарата невозможно достичь подобных дополнительных артикуляций.

Отличительной артикуляторной особенностью барабинско-татарского *и* служит наличие сопутствующей фарингализации. В качестве гипотезы можно предположить, что возникающий акустический эффект при продуцировании звука *и*, достигаемый за счет поднятия гортани к корню языка и уменьшения объема ротово-глоточного резонатора, у последнего диктора реализуется в виде сужения фарингальной полости, т. е. один и тот же акустический эффект напряженности и сдавленности достигается разными артикуляторными способами. Таким образом, у всех дикторов звук *и* оказывается напряженным, что также коррелирует с акустическим восприятием.

Все реализации барабинско-татарского звука *и* сводим к фонеме /i_ɛ/ с аллофонами: [i_ɛ], [i_ɛː], [i_ɛˑ], [i_ɛˑ̃], [i_ɛˑ̃̃], [i_ɛˑ̃̃̃], [i_ɛˑ̃̃̃̃].

В целом фонему /i_ɛ/ определяем как гласную переднерядную сильноотодвинутую назад первой основной (факультативно первой (слабо)приоткрытой или второй основной или (сильно)призакрытой) ступени отстояния, напряженную, нелабиализованную, эйективную (факультативно: слабофарингализованную, эпиглоттализованную, увуларизованную, назализованную, дентализованную).

Уникальность артикуляторно-акустической базы этноса составляют не отдельные характеристики, присутствующие или отсутствующие в языке, а скорее их комплексность — уникальное специфичное сочетание таких отдельных единиц, которое может частично присутствовать у других народов, но вряд ли повторится в виде единого кластера. Если рассматривать барабинско-татарский *и* с точки зрения рядности, то переднерядные реализации встречаются в сагайском диалекте хакасского [Кыштымова 2001: 102], в алтайском литературном [Шалданова 2007: 231] и сибирскотатарском [Уртегешев, Ганенко 2013: 189] языках.

По степени отстояния языка от твердого нёба барабинско-татарский *и* является достаточно узким — первой основной ступени отстояния, так же как в сагайском диалекте хакасского, в усть-канском говоре алтайского [Добринина, Уртегешев 2011: 71] и в сибирскотатарском. В других языках и диалектах настройка звука *и* более открытая: второй-третьей ступеней отстояния в тувинском [Дамбыра 2005: 194], в качинском диалекте хакасского, в алтайском литературном языках.

С точки зрения работы губ все реализации звука *и* во всех рассмотренных языках являются неогубленными.

Возникновение назализации, по всей вероятности, имеет спорадический характер: например, в алтайском литературном языке в словоформе *эди* ‘мясо=его’ один из дикторов произнес звук *и* как слабо-назализованный [Шалданова 2007: 115].

Если рассматривать наличие фарингализованности/нефарингализованности у реализаций звука *и*, то целесообразно обратиться к языкам, в которых эта оппозиция — конститутивно-дифференциальная. В сибирском регионе только в тувинском, тофаларском и тубаларском (северном диалекте алтайского языка) есть такое противопоставление, при этом в тувинском настройка более широкая и отодвинутая назад [Дамбыра 2005: 194], чем в барабинском, а в языке тубаларов она комбинированная второй ступни отстояния [Сарбашева 2004: 89]. Насколько известно автору, экспериментального исследования по фонетике тофаларов не проводилось. В. И. Рассадин приводит следующее описание тофаларской фонемы /i_ɛ/: мягкорядная узкая неогубленная краткая фарингализованная (может быть представлена в двух вариантах: «i̯» и «ĩ̯») [Рассадин 1971: 29]. Как видно из описания, два аллофона данной фонемы отличаются как по ряду, так и по подъему.

Работа гортани во всех рассмотренных публикациях не отмечена.

Таким образом, можно констатировать, что барабинско-татарская фонема /i_к/ имеет такую комплексную артикуляторную настройку, которая ранее не была зафиксирована в сибирских тюркских языках. Дополнительная характеристика по эйективности гласного встречается в кетском языке [Феер 1998] и требует верификации на более широком артикуляторном материале не только в барабинско-татарском, но и в родственных языках.

Возникающая спорадически назализация барабинских гласных нуждается в дальнейшем изучении (в тувинском языке выделяется подкласс долгих назализованных гласных фонем, хотя они встречаются не во всех диалектах и некоторые тувиноведы не признают их самостоятельными фонемами [Селютина 2004: 78]).

Заключение

Изучение артикуляторных особенностей барабинско-татарской фонемы /i_к/ позволило выявить ее общие и специфические характеристики. Дальнейшее исследование вокализма ЯБТ как соматическими, так и акустическими методами даст возможность определить его место в типологии тюркских языков не только внутри сибирского ареала, но и за его пределами.

Список сокращений

д. — диктор
дд. — дикторы

МРТ — магнитно-резонансное томографирование
ЯБТ — язык барабинских татар

Литература

Атлас языков — Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения (ЮНЕСКО). URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php>.

Ахманова 1966 — О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов: [Около 7000 терминов]. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Дамбыра 2005 — И. Д. Дамбыра. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2005.

Дмитриева 1981 — Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар (Материалы и исследования). Л., 1981.

Добринина, Уртегешев 2011 — А. А. Добринина, Н. С. Уртегешев. Алтайский язык: артикуляция узких нелабиализованных гласных по данным магнитно-резонансного томографирования (усть-канский говор) // Межкультурная коммуникация как фактор консолидации современного российского общества: проблемы и пути развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Восточная экономика-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). 2011. С. 69—73.

Зиндер 1979 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Князев, Пожарицкая 2011 — С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2011.

Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.

Кыштымова 2001 — Г. В. Кыштымова. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Летягин и др. 2013 — А. Ю. Летягин, Ю. А. Ганенко, Н. С. Уртегешев. Анатомо-функциональные мышечные механизмы формирования голосового тракта при произнесении аутентичных гласных сибирско-татарского языка по данным магнитно-резонансной томографии // Бюллетень СО РАМН. 2013, 33 (5). С. 10—17.

Наделяев 1980 — В. М. Наделяев. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3—91.

Рассадин 1971 — В. И. Рассадина. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971.

Рыжикова 2019 — Т. Р. Рыжикова. Артикуляторно-акустические характеристики барабинско-татарской гласной фонемы /i_к/ в сопоставительном аспекте // Сибирский филологический журнал. 2019, 2. С. 163—178.

Рыжикова и др. 2019 — Т. Р. Рыжикова, А. А. Добринина, Н. С. Уртегешев. Артикуляторные характеристики реализаций звуков типа «а» в барабинском, алтайском и башкирском языках в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, 9: Филология. С. 127—143.

Салимов 1984 — Х. Х. Салимов. Вокализм барабинского диалекта татарского языка (экспериментально-фонетическое наблюдение) // Исследования звуковых систем языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 17—22.

- Сарбашева 2004 — С. Б. Сарбашева. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.
- Селютина 1998 — И. Я. Селютина. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Селютина 2002 — И. Я. Селютина. Экспериментально-фонетические данные по языкам Сибири как историко-лингвистический источник // Сибирский филологический журнал. 2002, 1. С. 83—102.
- Селютина 2004 — И. Я. Селютина. Фонологические системы языков народов Сибири: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004.
- Селютина и др. 2012 — И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. Ю. Летягин, А. И. Шевела, А. А. Добринина, Г. А. Эсенбаева, А. А. Савелов, М. В. Резакова, Ю. А. Ганенко. Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии): Монография / Н. Н. Широбокова (отв. ред.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 41).
- Селютина и др. 2013 — И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, Г. А. Эсенбаева, А. А. Добринина, Т. Р. Рыжикова. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013.
- Селютина и др. 2014 — И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, Т. Р. Рыжикова, И. Д. Дамбыра, С. В. Кечил-оол. Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). Новосибирск: Омега Принт, 2014.
- Солонина 2017 — Е. Г. Солонина. Акустические и перцептивные признаки коартикуляционной назализации гласных в русском языке // Речевые технологии. 2017, 1—2. С. 37—49.
- Тумашева 1968 — Д. Г. Тумашева. Язык сибирских татар (часть вторая). Казань, 1968.
- Уртегешев 2009 — Н. С. Уртегешев. Соматические параметры настроек гласных: методика определения ступеней отстояния // Түркология. 2009, 3—4 (41—42). С. 3—12.
- Уртегешев 2019 — Н. С. Уртегешев. Сургутские ханты: фарингализованные гласные // Вопросы диалектологии. 2019, 1—2. С. 7—12.
- Уртегешев 2021 — Н. С. Уртегешев. Двухдверные гласные в шорском языке и языках Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021, 4. С. 154—167.
- Уртегешев, Ганенко 2013 — Н. С. Уртегешев, Ю. А. Ганенко. Сибирскотатарский язык: артикуляционные настройки гласных по данным МРТ // Сибирский филологический журнал. 2013, 3. С. 187—191.
- Феер 1998 — Б. Б. Феер. Акустические характеристики гласных кетского языка: (пакулихинский говор). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
- Шалданова 2007 — А. А. Шалданова. Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: ИД «Сова», 2007.
- Badin et al. 2002 — P. Badin, G. Bailly, L. Reveret, M. Baciuc, C. Segebarth, C. Savariaux. Three-dimensional linear articulatory modeling of tongue, lips and face based on MRI and video image // Journal of Phonetics. 2002, 30. P. 533—553.
- Baer et al. 1987 — T. Baer, J. C. Gore, S. Boyce, P. W. Nye. Application of MRI to the analysis of speech production // Magnetic Resonance Imaging. 1987, 5. P. 1—7.
- Beskow et al. 2003 — J. Beskow, O. Engwall, B. Granström. Resynthesis of facial and intraoral motion from simultaneous measurements // Proceedings of ICPhS. 2003. P. 431—434.
- Engwall 2002 — O. Engwall. Tongue Talking: Studies in Intraoral Visual Speech Synthesis. PhD thesis KTH. Stockholm, 2002.
- Engwall 2003 — O. Engwall. A revisit to the application of MRI to the analysis of speech production — testing our assumptions // Proceedings of the 6th International Seminar on Speech Production. Sydney, December 7 to 10, 2003.
- Romano, Badin 2009 — A. Romano, P. Badin. An MRI study on the articulatory properties of Italian consonants // EFE. 2009, XVIII. P. 327—344.
- Steiner et al. 2014 — I. Steiner, P. Knopp, S. Musche, A. Schmiedel, A. Braun, S. Ouni. Investigating the effects of posture and noise on speech production // 10th ISSP COLOGNE, 5—48 May, 2014. P. 413—416.
- Tiede et al. 2000 — M. Tiede, S. Masaki, E. Vatikiotis-Bateson. Contrasts in speech articulation observed in sitting and supine condition // Proceedings of the 5th Speech Production Seminar: Models and data, 2000. P. 25—28.

References

- Akhmanova 1966 — O. S. Akhmanova. Slovar' lingvisticheskikh terminov: [Okolo 7000 terminov]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. {O. S. Akhmanova. Dictionary of the linguistic terms [Text]: [About 7000 terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966.}
- Atlas yazykov — Atlas yazykov, nakhodyashchikhsya pod ugrozoi ischeznoveniya (YUNESKO). URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> {UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger (<http://www.unesco.org/languages-atlas/>)}.

Badin et al. 2002 — P. Badin, G. Bailly, L. Reveret, M. Baciú, C. Segebarth, C. Savariaux. Three-dimensional linear articulatory modeling of tongue, lips and face based on MRI and video image. In: *Journal of Phonetics*. 2002, 30. P. 533—553.

Baer et al. 1987 — T. Baer, J. C. Gore, S. Boyce, P. W. Nye. Application of MRI to the analysis of speech production. In: *Magnetic Resonance Imaging*. 1987, 5. P. 1—7.

Beskow et al. 2003 — J. Beskow, O. Engwall, B. Granström. Resynthesis of facial and intraoral motion from simultaneous measurements. In: *Proceedings of ICPHS*. 2003. P. 431—434.

Dambyra 2005 — I. D. Dambyra. Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka. Novosibirsk: Sova, 2005. {I. D. Dambyra. The vocalism of the Kaa-Khem sub-dialect in comparison with other sub-dialects and dialects of the Tuvan language. Novosibirsk: Sova, 2005.}

Dmitriyeva 1981 — L. V. Dmitriyeva. Yazyk barabinskikh tatar (Materialy i issledovaniya). Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1981. {L. V. Dmitriyeva. The Baraba-Tatar language (Materials and researches). Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1981.}

Dobrinina, Urtegeshev 2011 — A. A. Dobrinina, N. S. Urtegeshev. Altaiskii yazyk: artikulyatsiya uzkih nelabializovannykh glasnykh po dannym magnitno-rezonansnogo tomografirovaniya (ust'-kanskii govor). In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya kak faktor konsolidatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva: problemy i puti razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vostochnaya ehkonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akademiya (Akademiya VEGU)*. 2011. S. 69—73. {A. A. Dobrinina, N. S. Urtegeshev. The Altai language: articulation of narrow unlabialized vowels according to magnetic resonance imaging (Ust-Khan dialect). In: *Intercultural communication as a factor of consolidation of modern Russian society: problems and ways of development. Materials of the International scientific and practical conference. East Economics and law Academy of the Humanities (VEGU Academy)*. 2011. P. 69—73.}

Engwal 2002 — O. Engwall. *Tongue Talking: Studies in Intraoral Visual Speech Synthesis*. PhD thesis KTH. Stockholm, 2002.

Engwal 2003 — O. Engwall. A revisit to the application of MRI to the analysis of speech production — testing our assumptions. In: *Proceedings of the 6th International Seminar on Speech Production*. Sydney, December 7 to 10, 2003.

Feyer 1998 — B. B. Feyer. Akusticheskie kharakteristiki glasnykh ketskogo yazyka: (pakulikhinskii govor). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1998. {B. B. Feyer. Acoustic characteristics of the vowels of the Ket language: (Paculikhinsky dialect). Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 1998.}

Kyshtymova 2001 — G. V. Kyshtymova. Sostav i sistemy glasnykh fonem sagaiskogo i kachinskogo dialektov khakas-skogo yazyka. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. {G. V. Kyshtymova. Composition and systems of the vowel phonemes of the Sagai and Kachin dialects of the Khakas language. Experimental-phonetic research. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001.}

Knyazev, Pozharitskaya 2011 — S. V. Knyazev, S. K. Pozharitskaya. *Sovremenniy russkii literaturny yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya: Ucheb. posobie dlya vuzov*. Moskva: Akademicheskii proekt: Gaudeamus, 2011. {S. V. Knyazev, S. K. Pozharitskaya. *Modern Russian literary language: phonetics, orthoepy, graphics and orthography: Textbook for Universities*. Moscow: Akademicheskii proekt: Gaudeamus, 2011.}

Kodzasov, Krivnova 2001 — S. V. Kodzasov, O. F. Krivnova. *Obshchaya fonetika*. Moskva: RGGU, 2001. {S. V. Kodzasov, O. F. Krivnova. *General Phonetics*. Moscow: RGGU, 2001.}

Letyagin i dr. 2013 — A. Yu. Letyagin, Yu. A. Ganenko, N. S. Urtegeshev. Anatomico-funktsional'nye myshechnye mekhanizmy formirovaniya golosovogo trakta pri proiznesenii autentichnykh glasnykh sibirsko-tatarskogo yazyka po dannym magnitno-rezonansnoi tomografii. In: *Byulleten' SO RAMN*. 2013, 33 (5). S. 10—17. {A. Yu. Letyagin, Yu. A. Ganenko, N. S. Urtegeshev. Anatomical-functional muscle mechanisms of a vocal tract formation when pronouncing the Siberian-Tatar vowels on the basis of MRI. In: *The Bulletin of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences*. 2013, 33 (5). P. 10—17.}

Nadelyayev 1980 — V. M. Nadelyayev. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam*. Novosibirsk, 1980. S. 3—91. {V. M. Nadelyayev. Articulatory classification of the vowels. In: *Phonetic Studies in Siberian Languages*. Novosibirsk, 1980. P. 3—91.}

Rassadin 1971 — V. I. Rassadin. *Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka*. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1971. {V. I. Rassadin. *Phonetics and vocabulary of the Tofalar language*. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971.}

Romano, Badin 2009 — A. Romano, P. Badin. An MRI study on the articulatory properties of Italian consonants. In: *EFE*. 2009, XVIII. P. 327—344.

Ryzhikova 2019 — T. R. Ryzhikova. Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki barabinsko-tatarskoi glasnoi fonemy a /ã/ v sopostavitel'nom aspekte. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2019, 2. S. 163—178. {T. R. Ryzhikova. Articulatory and acoustic characteristics of the Baraba-Tatar vowel phoneme a /ã/ in the comparative aspect. In: *Siberian Journal of Philology*. 2019, 2. P. 163—178.}

Ryzhikova i dr. 2019 — T. R. Ryzhikova, A. A. Dobrinina, N. S. Urtegeshev. Artikulyatornye kharakteristiki realizatsii zvukov tipa “a” v barabinskom, altaiskom i bashkirskom yazykakh v sopostavitel'nom aspekte. In: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2019. T. 18, 9: *Filologiya*. S. 127—143. {T. R. Ryzhikova, A. A. Dobrinina, N. S. Urtegeshev. Articulatory characteristics of the realization of vowels of the type “a” in the Baraba-Tatar, Altai and Bashkir languages in the comparative aspect. In: *Vestnik NGU. Series: History, Philology*. 2019. T. 18, 9: *Philology*. S. 127—143.}

latory Traits of “a”-Type Sound Realizations in the Barabian, Altai, and Bashkir Languages in the Comparative Aspect. In: Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2019. Vol. 18, 9: Philology. P. 127—143.}

Salimov 1984 — Kh. Kh. Salimov. Vokalizm barabinskogo dialekta tatarskogo yazyka (ehksperimental'no-foneticheskoe nablyudenie). In: Issledovaniya zvukovykh sistem yazykov Sibiri. Novosibirsk, 1984. S. 17—22. {Kh. Kh. Salimov. The vocalism of the Baraba-Tatar dialect of the Tatar language (experimental-phonetic observation). In: Studies of the sound systems of the languages of Siberia. Novosibirsk, 1984. P. 17—22.}

Sarbasheva 2004 — S. B. Sarbasheva. Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altaiskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004. {S. B. Sarbasheva. Phonological system of the Tuba dialect of the Altai language (in a comparative aspect). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004.}

Selyutina 1998 — I. Ya. Selyutina. Kumandinskii vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998. {I. Ya. Selyutina. The Kumandy vocalism: experimental-phonetic research. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998.}

Selyutina 2002 — I. Ya. Selyutina. Eksperimental'no-foneticheskie dannye po yazykam Sibiri kak istoriko-lingvisticheskii istochnik. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2002, 1. S. 83—102. {I. Ya. Selyutina. Experimental-phonetic data on Siberian languages as a historical and linguistic source. In: Siberian Journal of Philology. 2002, 1. P. 83—102.}

Selyutina 2004 — I. Ya. Selyutina. Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri: Ucheb. posobie. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2004. {I. Ya. Selyutina. Phonological systems of languages of the peoples of Siberia: Textbook. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2004.}

Selyutina i dr. 2012 — I. Ya. Selyutina, N. S. Urtegeshev, A. Yu. Letyagin, A. I. Shevela, A. A. Dobrinina, G. A. Esenbayeva, A. A. Savelov, M. V. Rezakova, Yu. A. Ganenko. Artikulyatornye bazy korennykh tyurkskikh ehtnosov Yuzhnoi Sibiri (po dannym MRT i tsifrovoi rentgenografii): Monografiya / N. N. Shirobokova (otv. red.). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012. (Integratsionnye proekty SO RAN; vyp. 41). {I. Ya. Selyutina, N. S. Urtegeshev, A. Yu. Letyagin, A. I. Shevela, A. A. Dobrinina, G. A. Esenbayeva, A. A. Savelov, M. V. Rezakova, Yu. A. Ganenko. Articulatory databases of indigenous Turkic ethnic groups of Southern Siberia (according to MRI and digital roentgenography): Monograph / N. N. Shirobokova (ed.). Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk, 2012. (Integration projects of SB RAS; Issue 41).}

Selyutina i dr. 2013 — I. Ya. Selyutina, N. S. Urtegeshev, G. A. Esenbayeva, A. A. Dobrinina, T. R. Ryzhikova. Atlas konsonantnykh artikulyatsij v tyurkskikh yazykakh narodov Sibiri. Novosibirsk: RIC NGU, 2013. {I. Ya. Selyutina, N. S. Urtegeshev, G. A. Esenbayeva, A. A. Dobrinina, T. R. Ryzhikova. Atlas of consonant articulations in the Turkic languages of the peoples of Siberia. Novosibirsk: RIC NGU, 2013.}

Selyutina i dr. 2014 — I. Ya. Selyutina, N. S. Urtegeshev, T. R. Ryzhikova, I. D. Dambyra, S. V. Kechil-ool. Farinjalizatsiya kak tipologicheskii priznak fonologicheskikh sistem (na materiale tyurkskikh yazykov Yuzhnoi Sibiri). Novosibirsk: Omega Print, 2014. {I. Ya. Selyutina, N. S. Urtegeshev, T. R. Ryzhikova, I. D. Dambyra, S. V. Kechil-ool. Pharyngealization as a typological feature of phonological systems (based on the material of the Turkic languages of Southern Siberia). Novosibirsk: Omega Print, 2014.}

Shaldanova 2007 — A. A. Shaldanova. Vokalizm dialekta altai-kizhi v sopostavitel'nom aspekte. Novosibirsk: Sova, 2007. {A. A. Shaldanova. Vocalism of the Altai-Kizhi Dialect in a Comparative Aspect. Monograph. Novosibirsk: Sova, 2007.}

Solonina 2017 — E. G. Solonina. Akusticheskie i pertseptivnye priznaki koartikulyatsionnoi nazalizatsii glasnykh v russkom yazyke. In: Rechevye tekhnologii. 2017, 1—2. S. 37—49. {E. G. Solonina. Acoustic and perceptual characteristics of coarticulation nasalization of vowels in the Russian language. In: Speech technology. 2017, 1—2. P. 37—49.}

Steiner et al. 2014 — I. Steiner, P. Knopp, S. Musche, A. Schmiedel, A. Braun, S. Ouni. Investigating the effects of posture and noise on speech production. In: 10th ISSP COLOGNE, 5—8 May, 2014. P. 413—416.

Tiede et al. 2000 — M. Tiede, S. Masaki, E. Vatikiotis-Bateson. Contrasts in speech articulation observed in sitting and supine condition. In: Proceedings of the 5th Speech Production Seminar: Models and data, 2000. P. 25—28.

Tumasheva 1968 — D. G. Tumasheva. Yazyk sibirskikh tatar (chast' vtoraya). Kazan', 1968. {D. G. Tumasheva. The Siberian Tatar language (Pt. 2). Kazan, 1968.}

Urtegeshev 2009 — N. S. Urtegeshev. Somaticheskie parametry nastroek glasnykh: metodika opredeleniya stupenei otstoyaniya. In: Tyrkologiya. 2009, 3—4 (41—42). S. 3—12. {N. S. Urtegeshev. The somatic parameters of vowels tunings: the procedure of determining the degrees of rise. In: Turcology. 2009, 3—4. P. 3—12.}

Urtegeshev 2019 — N. S. Urtegeshev. Surgutskie khanty: farinjalizovannye glasnye. In: Voprosy dialektologii. 2019, 1—2. S. 7—12. {N. S. Urtegeshev. Surgut Khanty: pharyngealized vowels. In: Problems of dialectology. 2019, 1—2. P. 7—12.}

Urtegeshev 2021 — N. S. Urtegeshev. Dvuyadernye glasnye v shorskom yazyke i yazykakh Sibiri. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2021, 4. S. 154—167. {N. S. Urtegeshev. Binuclear vowels in the Shor language and the languages of Siberia. In: Siberian Journal of Philology. 2021, 4. P. 154—167.}

Urtegeshev, Ganenko 2013 — N. S. Urtegeshev, Yu. A. Ganenko. Sibirskotatarskii yazyk: artikulyatsionnye nastroiки glasnykh po dannym MRT. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2013, 3. S. 187—191. {N. S. Urtegeshev, Yu. A. Ganenko. Siberian tatar language: articulation settings of vowels according to MRI data. In: Siberian Journal of Philology. 2013, 3. P. 187—191.}

Zinder 1979 — L. R. Zinder. Obshchaya fonetika. Moskva: Vysshaya shkola, 1979. {L. R. Zinder. General phonetics. Moscow: Vysshaya shkola, 1979.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
01.04.2024

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

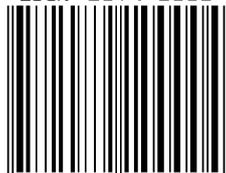
Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
01.04.2024

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >